

ИГОРЬ САТОРИН

МЕХАНИЧЕСКИЙ БОГ

Версия книги для электронных ридеров
На www.progressman.ru/2i вы можете скачать версию
для смартфонов и РС

«Мне наплевать, что вы обо мне думаете.

Я о вас не думаю вообще».

Коко Шанель

*Мудрость мира сего есть
безумие пред Господом
(1Кор.3:19)*

*– Это не я написал письмо.
Там нет моей подписи*

*– Тем более! Значит, ты
задумал что-то неладное!*

М-ф «Алиса в стране чудес»

Pre

Решение распространять этот текст, в том числе и среди мирян, далось нелегко. Поразмыслив, мы решили убрать из мирского издания значительную часть описаний технических процессов вскрытия реальности. Так что сейчас книга эта вполне сойдет за психологический роман о тайнах мирового правительства и космического мироздания, в которые простой люд, разумеется, не поверит. Автор попросил меня настроить для мирян специальное предисловие, описывающее контекст повествования. Пожалуй, начну я с самого актуального для вас – простых смертных. Мне до сих пор совестно об этом говорить, так как я и сам по воле судьбы затесался в ряды

бездушных дирижеров того исполинского массива лжи, что беспощадно проводят через ваше сознание мне подобные на протяжении столетий. Но сейчас, когда время ускоряется, и Создатель вечности приближается вплотную к своему творению, продолжать и дальше играть в молчанку, делая вид, что ничего не происходит – уже поздно.

Так вот, вы даже не представляете, как всех вас дурят. Все-все в вашей жизни – один сплошной обман. И дело тут вовсе не в подстроенных выборах, подстроенных опять же терактах, или манипулятивной пропаганде удобных для системы ценностей, бесполезного ширпотреба, надувательских сделок с кредитными организациями, ядовитых продуктов, всевозможных гламурных гаджетов и

прочих бессмысленных виджетов. Все это даже не цветочки, а так – пылинки на небоскребе вопиющей лжи и притворства. Искусственно подстроенным в вашей жизни является практически все.

Взять те же гаджеты. Вы думаете – это оплот современной технологической мысли? Все последние продукты от Apple – это даже не прошлый век. Современные технологии, доступные сегодня массам отстают на двести лет от реального уровня прогресса цивилизации. А как вы сами думаете? Власть – самое ценное для стоящих у власти. Зачем нам делиться с вами? Дело не в том, что мы жадные. Просто мы слишком хорошо знаем, во что это выльется. Мы уже обжигались, и потому не подпускаем к реальному миру и процента от человечества, утопшего в

собственных иллюзиях.

Вам пудрят мозги самые виртуозные в этом деле мастера, обученные этому низменному искусству по специальной программе в школе наставников мирового правительства. Меня воистину восхищают масштабы этого грандиозного спектакля, который ради всеобщей потехи здесь разыгрывается. Повторюсь, речь вовсе не о политике и даже не о технологиях. Обман проник в самые основы мирской жизни, в глубочайшие истоки вашего существования. Вы все – участники «Шоу Трумана», поглощенные бессмысленными проекциями бесчисленных гипнотизаторов.

Сам гипнотизатор (по-вашему – телевизор, а ныне – еще и компьютер с интернетом) был изначально задуман, как

способ внедрения в массы искусственного мировоззрения «нормального человека». При этом самую нормальность мы изначально прописывали таким образом, чтобы любые реальные отклонения от ее шаблонов давили на ваши самые позорные комплексы. Бесконечные субкультуры, секты и мелюзговые выпады прочих «гениальных» пророков современности – не в счет. Каждый «избранный» – лишь очередной механизм «контроля матрицы». Такую разновидность рафинированной нормальности мы предсказывали, и намеренно стимулировали во все времена. Все это – старые добрые методы всеобъемлющего самоутверждения нации за свой собственный счет.

Вы только подумайте, чего стоят

ваши бесконечные мыльные оперы, раздутые на пустом месте драмы и местечковые интриги. Насколько же слепо вы принимаете невроты на почве собственной ущербности за так называемую «реальную любовь». Дети невротиков поколениями с ранних лет генерируют в себе неутолимое чувство собственной дефектности, а после пытаются его компенсировать уничижающим превосходством над другими людьми. Почти все отношения между вами держатся исключительно на самоутверждении, то есть – на возвеличивании собственной ничтожности. И все это – совершенно нормально!

Мы непрерывно воссоздаем и развиваем эталон современной нормальности, по

которому все вы учитесь жить. Ваши предки учились этому, уставившись в гипнотизатор, почитывая прессу и книги. Затем, они встречались с другими людьми, и усердно размножали в массах все последние черты, свойства и даже самые незначительные царапинки последней версии внушаемого нами мировоззрения «нормального человека». Ваше поколение мы подключили к интернету, через который ныне внедряем сетевую разновидность этого вируса – аномальной нормальности, против которого защиты в природе не существует. Даже если вы отрубите все каналы связи, это будет лишь очередным жестом в рамках все того же безвыходного лабиринта мировоззрения, которое мы для вас искусственно создали.

Иногда мы подкидываем в мир обглоданный кусок кости от «тела» истины, обряжая ее в анекдотичные одеяния с дешевыми спецэффектами, чтобы поверить в такую «истину» мог разве что наивный ребенок. И эта книга – не исключение. Это – наши иммунные прививки против вашего «заражения» правдой. Очередная серия «Матрицы», и вы верите, что «такое» бывает только в кино... Очередная глумливая история правды, и вы верите, что правда – это всего лишь очередная глумливая история.

Наши звезды – верхушка мирской власти. Мы снимаем шоу и с наслаждением смотрим на отклики. Но все это – лишь самая поверхность колоссального айсберга лжи. Мы давно

не интересуемся политикой. Этим в мировом «правительстве» занимаются самые бездарные и отсталые из нас. Политика нас интересует по мере ее влияния на нашу жизнь – то есть, не интересует вообще. У нас нет причин делить власть. Она вся – наша. Мы уже давно задаемся другими вопросами. Нам интересно знать, кто мы такие, и откуда появились здесь – в этом мире. Мы пресытились играми и похотью, и теперь как бы пафосно это не звучало, всерьез интересуемся вопросами смысла нашей скоротечной жизни здесь – на этой планете. Мы не философы, мы – практики. Мы стремимся постичь происходящее, узреть Создателя, используя для этого все доступные средства. А среди них – реальные последние технологии

и непобедимая наглость на пару с неутолимимым любопытством. И так уж получилось, что именно сейчас мы, наконец, вплотную приблизились к своей цели.

В этом тексте автор пробует дать мимолетный взгляд на мировоззрение свободных от обмана людей, и на жизнь, в которой внимание реципиентов не гасится невротичными воспитателями и СМИ, но напротив, пробуждается для познания истинного положения дел.

Рекомендуется к прочтению (натошак) лицам, заинтересованным в познании умопомрачительной тайны бытия.

*В.М. по просьбе Тэо
Цитадель*

Может быть

За семьсот тридцать дней до озарения

Это был небольшой светлый кабинет, уставленный вдоль стен антикварными стеллажами со старыми бумажными книгами. По центру комнаты располагался круглый стол из красного дерева, окруженный десятком стульев с мягкой обивкой. Я выдвинул один и присел. Комната казалась уютной, но что-то было не так. Я не помнил, как попал сюда...

Вошла незнакомая очень красивая черноволосая девушка, бегло глянула на меня, как на незначительное шевеление в сфере бокового зрения, и присела на стул с другой стороны стола.

– Добрый день, – сказал я на всякий случай.

– Здравствуй, – тихо ответила она, даже не взглянув на меня.

– Прощу прощения, – сказал я, – это может показаться странным, не могли бы вы сказать, где мы находимся?

– В библиотеке, – ответила она и отвернулась.

Кажется, незнакомка не была настроена разговаривать, а мне не хотелось показаться еще более странным. Я начал судорожно соображать, что было последним в моих воспоминаниях. Со мной творилось что-то удивительное. Я почти не помнил последних дней. Воспоминания возникали внезапными вспышками, словно нанизанные на тонкую нить бусинки с четко очерченными кромками, опоясывавшими края короткометражек, из которых состояла

моя память.

В комнату бодрым шагом вошел еще один человек – парень среднего роста, плотного телосложения, с яркими голубыми глазами.

– Макс, – он неожиданно протянул мне руку.

– Тэо, – ответил я. – Тэо Ботов.

– Сын Михаила Ботова. Нам сообщили про твой перевод.

«Мой перевод? – И тут до меня начало доходить. Меня же перевели в психкорпус – элитный рассадник продвинутых мозгоправов. – Должно быть, это был первый день моих занятий здесь, – понял я. – Но почему я не помню, как попал сюда? Лучше вести себя, как ни в чем не бывало».

Голубоглазый парень по имени Макс

начал меня недоверчиво оглядывать.

– Что-то не так? – чуть стыдливо спросил я.

– Вот ты мне и скажи... – предложил он.

– Не вполне понимаю, о чем речь, – признался я.

– А ты вообще... в порядке? – поинтересовался он, прищурив глаза.

– В каком смысле? – я наигранно удивился. Мне не хотелось выдавать свою необъяснимую забывчивость.

– Что-то с тобой не так. Какой-то ты не такой... – заявил он с ехидной улыбкой.

– Возможно, я смогу перестать тебя разочаровывать, если ты пояснишь конкретней, что тебя так смущает. Может, у тебя легкий приступ паранойи? – парировал я.

– Ты только не нервничай, – осторожно сказал он, – сейчас придет опытный специалист, и мы окажем тебе помощь.

– Теперь у тебя приступ милосердия... – ответил я. – Наверное, я смог бы помочь тебе, приняв твою помощь, если это утихомирит твою паранойю.

Брюнетка сидела молча, уставившись в личный терминал. Наш диалог она игнорировала. «Какие странные ребята».

– Если тебя утешает идея о том, что у меня паранойя, пусть будет так, – ответил он почти шепотом. – Все в порядке – ты совершенно нормальный здоровый человек, – успокаивал он меня.

– А ты со всеми так знакомишься? – поинтересовался я.

– А ты не промах! Это была шутка

– проверка реакции, – пояснил он. – Говоришь реципиенту, что с ним что-то не так, и потому, как он выпутывается сразу ясно, чего человек стоит.

– Так ведь и до срыва довести можно...
– усмехнулся я.

– Да. На самом деле покупаются почти все. Удивительно – со всеми что-то не так. И с тобой, кстати, тоже. Но выкручиваешься ты проворно – как будто и вправду нормальный...

«Мозгоправы... – здоровых людей для них не бывает. Они ведь и сами, как люди необщаются. Лечат-лечат. Компенсируют свою неспособность к нормальным отношениям. Пора привыкать, думал я. Скоро сам таким стану».

В комнату вошли еще несколько человек: высокий сутулый парень – по

всему виду – типичный ботаник, молодой человек в модном сиреневом пиджаке с взлохмаченными русыми волосами и милостивая девушка в сером платье с короткими кружевными рукавами. Сразу занимивошел мужчина среднего возраста в синих джинсах и серой водолазке. «Наставник, догадался я».

Мужчина порылся за книжным стеллажом, извлек раскладную грифельную доску, установил ее перед нами и энергичными угловатыми царапинами сделал надпись: «Практическая теория вероятности».

– Может быть, – начал он без предисловий, – нет ни каких прошлых и будущих рождений, нет даже прошедших лет, месяцев, дней и часов. Может быть, даже того мгновения, в которое как вам –

бездарям кажется, началось это занятие, не существовало. Может быть, жизнь только что началась, и вспомнить все можно, углубившись в осознание этого факта. Может быть, этот мир – ваша игра, и все его законы – ваша хитроумная выдумка, или просто развлечение.

– А может, все это просто бред сивой кобылы? – предположил Макс с возмущенной брезгливой ухмылкой.

– Может быть.

– Вальтер, – Макс обратился к наставнику, – ну понятно же, что все может быть. Зачем эти нелепые перечисления?

Этот выпад Макса меня успокоил. «Значит, – понял я, – он со всеми так разговаривает. А я ведь и вправду переживал, что со мной, как он сказал – «что-то не так».

– Понимать, что все может быть – мало,
– хладнокровного отвечал наставник.
– Надо еще понимать, что конкретно
может быть. А может быть, между
прочим – полный абзац. Даже с вами –
избранными.

Про избранных Вальтер, конечно,
подшучивал. Однако большинство из
нас были отобраны среди миллионов
мирян, как потенциально полезные для
мирового правительства граждане. Нам
раскрывали правду. Нас обучали по
специальной программе исключительно
полезным вещам, которые не имели
ничего общего с тем мусором, которым
пичкают ребят в общеобразовательных
заведениях.

«Миряне» – так высокомерно мы
называем обывателей, обитающих в

обычных городах на поверхности земли. В систему отбора я основательно не вникал, потому что сам получил мировое гражданство по праву рождения – от отца. Я только слышал, что отбирать стараются, разумеется, самых способных. Каждый «избранный» независимо от своего возраста получает образование конкретно по своей профессии, плюс – общее образование по психологии и физиологии. Почти ничего схожего наше обучение с образованием мирян не имеет. Только терминология частично сохранена для удобства.

– Может быть, – продолжал наставник своим монотонным басом, – перевоплощений и жизни после смерти не существует, и вселенная материальна и объективна, какой ее видит материалист.

Сознание, мысли, чувства, любовь, восторг, счастье, радость, творчество – всего лишь биохимические реакции в мозге.

– Какой ужас, – сказала пронзительным шепотом девушка в сером платье. Она сидела рядом с молчаливой брюнеткой.

– Может быть, Анна – многозначительно обратился к ней наставник, – ты и есть Кришна, Будда, Иисус и Дева Мария в одном лице. Может быть, каждый человек – это твое воплощение. И каждый предмет и форма являются крупницей твоего тела.

– Моего тела? – возмутилась она.

– Может быть, этот мир, – теперь наставник посмотрел на меня, – твоя шутка, ты рассмеешься через мгновение, и все закончится. А может быть, этого

мира не существует, и реальность вокруг тебя – всего лишь преломление пустоты. Может быть, все твои рождения уже давно прошли и сейчас – миг просветления, в который перед тобой проносятся картины всех твоих воплощений, в одном из которых ты человек, пришедший на это занятие. А может быть, настоящего не существует и правы те, кто верит в прошлое и будущее. И ты живешь в этом прошлом в ожидании будущего.

– Боже, ну что за бред! – снова не выдержал Макс. – Может быть, вы не в курсе, Вальтер, теория вероятности – это такой раздел в математике про закономерности случайных явлений. А вы нам какую-то, простите, низкосортную шизотерику подмазать пытаетесь. Это же порнография – все эти ваши

воплощения!

Несколько человек в комнате одобрительно закивали.

– Какие же Вы бездари, – сказал наставник с театральным презрением (слишком уж резкой была эта перемена в его лице), и начал обводить сидящих тяжелым взглядом исподлобья. Все молчали. – И кем вы станете? Политиками? Жалкими министрами? А может быть, я после этого занятия напишу рапорт, и некоторых из вас выпнут обратно в города...

Макс тихонько хмыкнул. Лицо Анны выражало тревожную неприязнь.

– Шучу, – оправдался Вальтер.

– Конечно, шутите, – подтвердил Макс.

– Но не смешно как-то шутите. Шутите смешно. А то, знаете, скучно.

– Может быть, все это уже было,
– продолжил наставник с внезапно
возвратившимся крокодилским
бесстрашием. – И было – бесчисленное
количество раз: повторялись все события,
разговоры, чувства, переживания. Может
быть, через многие миллиарды лет и эта
жизнь повторится.

– Вот жопа, – разгорячился Макс.

– Может быть, – ответил наставник. – А
может быть – и нет.

– Вальтер, а это правда? Так могло
быть? – спросил парень в пиджаке,
видимо принимая всерьез всю эту, как
мне тогда казалось, ересь.

Наставник хлопнул в ладоши, и в этот
самый момент я, наверное, впервые
в жизни ощутил такое яркое дежавю,
словно уже видел всю эту ситуацию в

этом кабинете. То есть – не какую-то схожую, а именно эту. Что-то со мной действительно было не так.

– Давид, ты что, тупой? – Я же тебе черным по белому говорю, что может быть, мать твою, все так и было...

– Сэмпай, все-таки, простите, что перебиваю, – ответил он, – но вот по факту, одно исключает другое. Если правы материалисты, и все, что мы ощущаем – биохимия, тогда о каком при этом посмертном существовании вообще может идти речь?

Давид звал наставника модным словечком «сэмпай» (кажется, так на востоке называют альфа-самцов). Разговаривал он каким-то слабодушным подобострастием – видимо наставник для него все-таки был огромным

авторитетом.

– А с чего ты, вдруг взял, что одно исключает другое? Я ж те говорю – все может быть. Все – значит все. И все при этом будут правы, и бесстыдно уверены в своей правоте.

– Ясно, – сказал Давид. – Философия какая-то.

– Это у тебя, брат, в голове – философия. Вот посмотри на руку свою – пять пальцев, да? А могла быть – клешня, черпалка дырявая, или десница королевская... Мог быть эротический сувенир вместо руки! Представляешь? – И Вальтер изобразил удивление, будто рассказывал о каких-то «заморских» чудесах, а Давид глупо захихикал.

– Все могло быть! Ясно? – прикрикнул Вальтер, и Давид кивнул.

– Может быть, – продолжил наставник, – вечности и бесконечности не существует, и все сводится к точке ума, за пределами которой ничего нет. А может быть, однажды вы попросили древнего мудреца поведать о том, что такое сны разума и жизнь человека. Тогда, вся ваша жизнь – всего лишь искусная речь этого мудреца. И когда он завершит свой рассказ, вы обнаружите себя там, где и были всегда.

– А это где? – спросил Давид.

– Сказал бы я где...

– Так скажите!

– А нигде!

Давид поежился, но ничего не ответил.

– Может быть, ты, – указал наставник на Макса, и еще двое, или трое твоих друзей – боги вечности. И все, что ты ощущаешь, находясь в теле человека – ваша игра.

Может быть, один из твоих друзей начал догадываться о том, кто он. Может быть, и ты вот-вот вспомнишь. Может быть, наша вселенная – лишь один из многих миллиардов атомов твоего тела.

– Мне такой чести – даром не надо, – небрежно ответил Макс. Он сидел, оперев голову на руку.

– Ты движешься сам в себе, будучи сознанием вселенной. Одно биение сердца, мгновение твоего ока – и целые цивилизации сменяют друг друга. Исчезают короли, президенты, начальники и директора, банкротится Microsoft, Газпром поглощает Exxon Mobile, все цели и достижения, чувства, тревоги, радости и сожаления исчезают без следов в одно мгновение ока.

– Про Газпром, это точная информация?

– спросил молчавший до этого сутулый ботаник, приподняв проекционные очки.

– Может быть, – ответил наставник, и с придурковатым выражением на лице поднял указательный палец.

– С-сука, – процедил сквозь зубы Макс.

– Может быть, все книги, фильмы, все речи, слова и символы говорят лишь об одном. Может быть, жизнь это и есть ты...

Вальтер глянул на часы и неожиданно сообщил, что на этом занятие окончено. Все, как по команде начали вставать и выдвигаться из комнаты. А моя пытливость заставила подойти меня с вопросом к наставнику. Увидев, что я приближаюсь, Вальтер кивнул, как бы спрашивая: «чего тебе?»

– У меня во время занятия дежавю

случилось. Это переживание с точки зрения психологии имеет какое-то истолкование?

Наставник посмотрел на меня как на идиота и сказал:

– И что ты будешь делать с этим своим истолкованием?

– Уже и спросить нельзя?

– Отчего же. Спрашивай.

– Что такое дежавю?

– А ты я смотрю упорный, а?

– А вы – упертый, – я начал хмуриться.

– Дежавю – сложная тема. Тебе пока не надо знать.

– А переживать надо?

– Поживем – увидим.

С самого начала я Вальтеру не понравился. Возможно, все дело было в моем статусе – будучи сыном

программного архитектора, я официально числился как более «ценный гражданин». И видимо сам факт существования такого эпитета, наставника трогал за живое. Он то и дело бессовестно при всяком удобном случае ехидничал, намекая на мою никчемность в самых разных вопросах. Однако передавать меня другому наставнику Вальтер не спешил, за что я испытывал к нему благодарность.

Два года пролетели как мираж в мареве, без особых приключений. Казусов с памятью больше не происходило. И я бы позабыл об этом эпизоде, как забываются любые чудеса, бледнея в потоке времени, если бы не последующие события.

Мне нравилось учиться. Наставник мастерски вгрызался в мудреные темы, терпеливо отвечал на глупые вопросы

Давида, выпады Макса и репирательства Анны. Сутулый Тим, как и все талантливые программисты, был похож на робота, которого сам же где-то внутри себя безвылазно программировал. Разговаривал он очень редко и только по делу. Загадочная брюнетка по имени Хлоя говорила и того реже. За целых два года я о ней так толком ничего и не узнал. Казалось, она не испытывала к занятиям никакого интереса, и посещала их для какой-то своей загадочной «галочки».

Я подружился с Максом. Иногда мы вместе зависали в сети, играя в командные шутеры и гоночные ралли. Макс был профессионалом, и даже зарабатывал небольшие деньги, участвуя в виртуальных чемпионатах.

Занятия с Вальтером по-настоящему

учили. Они придавали гибкости уму, и незаметно готовили к событиям, которым я и планировал посвятить этот текст. Я постарался сократить описания встреч с наставником до минимальных размеров, и пересказать ключевые аспекты, которые наилучшим образом объясняют случившееся... То же самое касается изложения будничной части моей жизни, которая на поверку является вполне себе заурядной, за исключением нижеописанных событий.

Искусственный разум

За пятьдесят три дня до озарения

Отец уже месяц как безвылазно пропадал на работе в лаборатории, а возвращался какой-то сдержанно возбужденный и взволнованный. Сознаться ни в чем не хотел, и все разговоры сводил к обсуждению моей учебы в пси-корпусе. Меня эта эмоциональная конфиденциальность с его стороны, вконец достала, и я решил докопаться за ужином.

– Давай рассказывай!

– Чего рассказывать? – опешил он. – Хочешь сказку на ночь?

– Хватит ерничать. Думаешь, не вижу? Мне ж интересно, что там с тобой такое... Роман завел? С киборгом? Ты же любишь

киборгов, я знаю.

– Разбирать-то люблю. Потом из моноблоков можно назад собрать много интересного. С человеком так не получится... – сказал он с сожалением в голосе.

– Да ладно, мне-то можешь сказать. Ты же любишь их. Ну, признайся... – тебе легче станет... – убеждал я его.

– Ладно, – сдался он, – если я тебе сейчас не расскажу, ты мне потом не простишь...

Я был уверен, что он продолжает отшучиваться, но ошибался.

– Мы смогли, – произнес он, поглядев на меня внимательно, как бы проверяя мою реакцию. Две секунды я соображал, затем по моей спине пробежал холодок.

– Да, Тэо, у нас получилось.

– Погоди-ка... – попросил я, пытаюсь переварить услышанное. – Не верю!

Лаборатория, где работает мой отец, представляет собой высококлассный правительственный бункер, который может выдержать любой катаклизм, и даже (об этом я слышал в каких-то военных хрониках) может дрейфовать в космосе в случае разлома коры самой планеты. В этом скопище мозгов заперты сотни лучших инженеров и ученых со всего мира.

Я имел представление о работе отца. В нашем обществе, имитирующих человеческий характер консервных жестянок – больше, чем самих людей. Наверное, у каждого в городе есть персональный слуга. Я знаю людей, у которых по пять слуг – для самых разных

целей. Андроиды – повсюду. Хвала Google Inc! Но ни одна машина доселе не обладала способностью к всестороннему саморазвитию. Все они выдавали заранее запрограммированные реакции. Иными словами, полноценный искусственный интеллект до сих пор не был изобретен. Никто толком и не знал, что это такое, и к чему может привести, но всем было дико интересно! Даже пустоголовые политики ежедневно читали новости Hi-tech, смотрели CyberSport, и посещали ежеквартальные выставки Les Terminators.

– Да, – сказал отец, не отрывая от меня смешливого взгляда, – мы его создали.

– Двести лет ученые бились над этой задачей, и вот сейчас ты мне тут заявляешь, что у вас получилось...

– На самом деле мы уже два года тестируем копию, а сейчас подобрались к важной вехе...

– Два года?! И ты молчал?! Какой вехе?

– Адаптация к реальности.

– А как? Как вы это сделали? – спросил я видимо обо всем сразу.

– Как бы тебе так ответить, чтобы не обидеть твой скудный рассудок... – заморгал отец, как бы защищаясь от моих вопросов.

– Ты, главное, рассказывай! – не обижался я.

Он немного подумал и заговорил.

– Тэо, понимаешь, человек все видит в очень узком срезе. Мы, как и десяток поколений ученых до нас полагали, что реальность – это привычная для нас жизнь. Но на самом деле мы совершенно

не знаем, что такое реальность. Когда мы начинали работу, то думали, что искусственный интеллект – это такой типа компьютер, который обладает логическим мышлением, и понимает наш язык... – отец пожал плечами и покрутил головой, как бы удивляясь своей тогдашней глупости. – Так вот, это – полнейшая чепуха! – продолжил он. – Годы исследований были необходимы только для того, чтобы мы изменили свои убеждения, и нашли это...

– Это? Что конкретно? – я ощущал нетерпение.

– Ну, эта... – отец сделал серьезное лицо, – как бы... и типа, в общем.... а потом! У-у-у! Что было... – придуривался он, – я тебе потом расскажу.

– Да пошел ты! – я начинал злиться.

– Какая же я сволочь, Тэо... – злорадствовал отец, поджав нижнюю губу.

– Это точно.

– Как плохо я тебя воспитал! Ай-яй-яй! Невротика вырастил... ты же вот-вот обидишься и хлопнешь дверью с той стороны, – заявил он с надеждой.

Отец любил строить из себя дурачка. «С дураков – спрос меньше, – говорил он».

– Не дождешься, – не отпускал я его. – Ты мне сегодня все расскажешь. Ты должен!

– Сотни лет прогресса... человек освободил себя от рабского труда, подчинил природу, открыл искусственный матричный мир, изобрел модулятор разума, пережил упадок и деградацию,

осознал необходимость труда, наконец, закрыл искусственный мир. А вопрос уважительного отношения к родителям, так и остается насущной проблемой...

– Тебе мало? Тебя итак все уважают. Хочешь преклонений и простираний? Давай рассказывай! Может, я тогда снизойду... до лесты.

– Ты уж постарайся! Чтобы я поверил. Зря что ли тебя психологии учат? Хоть какой-то прок выйдет...

Я молча кивнул, и выжидающе уставился на него.

– В общем, ты же знаешь, где-то... лет сто назад ученые открыли три первичные силы. Так вот, основная программа основывается на их взаимодействии.

Мой отец, Михаил Ботов располагался в кресле в центре гостиной со стеклянным

куполом, сквозь который прорывался свет тысяч мерцающих огней города. Взгляд его стал серьезным, спина выпрямилась, выглядел он статно. Его локти упирались в шелк подлокотников, а ладони плавно жестикулировали. Казалось, в его руках вращается какая-то древняя сила... Я не склонен к патетике, но высокая спинка кресла, осанка говорившего, эпохальная обстановка и значение темы создавали ощущение чего-то неуловимо судьбоносного.

Я, будучи учеником пси-корпуса, хоть и понимал весьма поверхностно структуру работы отца, но отчетливо осознавал, насколько она важна. Веками люди пытались создать подобное, истинно разумное искусственное начало, а не жалкую имитацию – суррогат,

заполнивший нашу жизнь своей мертвой механичностью.

– Три силы, – продолжал отец, – это основа – кирпичики в теле нашего детища. Первая сила – движение, вторая сила – фундамент и третья – сила равенства. Их взаимодействие мы установили на тончайшем уровне. Раньше мы могли пользоваться только следствиями законов квантовой механики, сейчас мы способны этими силами управлять. Мы нашли инструменты, которые работают с причиной.

Меня переполняли вопросы, но я боялся прервать отца, боялся упустить что-нибудь существенное. К тому же я был уверен – отец расскажет все, что я должен знать. Он – гений, программный архитектор – один из немногих, кто стоит у

штурвала современного мира технологий, граничащих с запредельностью. Я же, хоть и учился, как примерный троечник пси-корпуса, в теме, которая наполняла вечер, был и вправду, как дитя.

– Тебе, наверное, интересно знать, как это произошло? В какой момент мы поняли, что у нас получилось? Мне сложно это описывать, прости. Я там не один работаю, – он улыбнулся. – Но я попробую рассказать.

Я одобрительно закивал.

– Если упрощенно, – продолжил он, – то мы создали такой алгоритм, при котором сила равенства всегда уравнивает силу движения и фундамент – силу покоя. Я понимаю, как туманно это звучит, но вряд ли ты поймешь больше, если я начну использовать технический язык.

– Так нормально. Продолжай.

– Мы научились влиять на силу покоя – изменять ее, придавая необходимую для нас форму. Я не стану вдаваться в подробности. Возможно, ты уже понимаешь, к чему я веду?

– Сила покоя – это... как своеобразный вопрос? Как направление для трансформации? – предположил я интуитивно.

– Молодчина! – похвалил отец. – Я серьезно. Уравновешивающая сила – наиболее тонкая и существенная из трех. Ее изучение – это три четверти всей нашей работы. Мы просчитали миллионы вариантов равенства на квантовом уровне, затем разработали технологию разветвления и взаимодополнения этих функций. Мы создали такой алгоритм

равенства, который отвечает за всю сеть программных решений.

Отец уловил мое недоумение.

– Если все упростить, Тэо, – в его голосе прозвучали нотки снисходительности, – третья сила – безупречна в своем устремлении уравновесить силу движения и силу покоя. Это ее цель – ее основное, и, пожалуй, единственное свойство. Благодаря этому третья сила создает «решение» – выбор оптимального пути к равновесию. Мы создаем, как ты сказал «вопрос» из силы покоя, затем уравнивающая сила преобразует его в ответ. Она как бы выравнивает наш вопрос своим ответом...

В это время по нашей комнате поползли яркие огни – высоко над прозрачным куполом потолка проплывал грузовой

корабль.

– И поверь, – продолжал отец, – мы уже заготовили для нашего детища все самые главные вопросы жизни!

– Эта сила что, создает «ответ» буквально из пустоты? Но как такое возможно? – удивлялся я.

– Я не в силах тебе это объяснить. Даже если бы ты прошел курс высшего программирования, это изменило бы немного в нашей беседе. Я сама понимаю крупицу. Мы, ученые, сейчас оперируем материями, которые за пределами математической логики. В нашей вселенной дважды два может равняться четырем. Но если ты поставишь, на первый взгляд, невозможное равенство между двойкой и тройкой, эта невероятная сила его осуществит.

Процесс может оказаться длительным, но все получится... сама жизнь – тому подтверждение! – сказал он и легонько, будто был разновидностью осторожных смутьянов, хлопнул кулаком по столу. – Мы работаем во вселенной, которую априори не способны понять! Мы делаем первые шаги. Это – эксперимент. Мы нашли определенные закономерности опытным путем, и теперь смотрим на результат, который превосходит все, что мы способны понять своим логическим умом.

–Что я слышу?–сказала подозрительно.
– Ты – сторонник школы разума, а говоришь как метафизик...

–Да, пупсик, прошло много времени, мои взгляды растут, и сейчас я вижу, что как школа ортодоксальных метафизиков, так

и школа разума – одинаково беспомощны перед фактами, которые нам открылись.

Отец взял бокал виски, сделал глоток и прикрыл глаза. Казалось, он посмотрел куда-то вглубь себя, и, удовлетворившись увиденным, снова заговорил:

– Искусственный интеллект – это не просто программа. Это новый мир – среда со своими законами. То, что мы ощущаем, как два начальных измерения пространства и времени, там может быть лишь частью картины. Мы можем судить об этом по косвенным данным.

– Как время и пространство, но что-то другое? – удивился я, и попробовал представить себе это «другое».

– Да, но сейчас об этом говорить рано. В нашем языке нет слов, которые хоть как-то отразили бы эти сведения.

– А вот скажи, он... этот... ваше детище... способно действовать в нашем мире? Оно способно осознать, кто такой человек? – спрашивал я, осознавая наивность своих вопросов. Однако любопытство перевешивало.

– Мы называем искусственный интеллект «2И». Так повелось. Это – порядковый номер нашей лаборатории. Хотя, официальное имя – «Я1». Можешь пользоваться любым, – сказал он, хотя сам называл его исключительно – «2И». – И я понимаю твой вопрос, но процесс, который ты называешь осознанием – это одна из загадок, над которой мы бьемся. Мы не постигаем, как 2И решает свои задачи при отсутствии самоосознания. Однако мы полагаем, что какой-то аналог фиксации собственного присутствия 2И, тем не

менее, воспроизводит. Его «я» состоит из так называемых соединительных компонентов уравнивающей силы. И ты знаешь, мы изучали динамику психических процессов человеческих особей, и проводили аналогии, но человек сам для себя так и остался загадкой, не меньшей чем 2И. Можешь представить себе насекомое, у которого еще нет органов понимания, но есть органы приспособления. Наша сила равенства – это универсальное приспособление к любым условиям, в которых, как ты помнишь, два может равняться трем, четырем, сотне, облаку в штанах, шутке, облаку без штанов, чему угодно, если мы сможем предоставить эти данные 2И. Но разница с насекомым – громадная. Для последнего требуются миллионы лет

эволюции, чтобы начать понимать, что оно есть, и оно ползает в траве. А может читать книгу или путешествовать по миру. 2И по нашим пока неточным оценкам проделает эту работу за ближайшие двенадцать лет. Затем, ты сможешь задать ему вопрос, и ожидать ответа. И это – совсем не тот ответ, который выдают поисковые системы. Заранее готовые решения нас не устраивают. Ответ 2И призван быть идеальным, кратчайшим решением, на которое человек с его мутным рассудком и животными эмоциями просто не способен.

– Двенадцать лет потребуются, чтобы добиться от него ответов?

– К сожалению, да. Сейчас мы можем только наблюдать за его адаптацией к нашему миру, как родитель терпеливо

наблюдает за ростом своего чада.

– Двенадцать лет! И как вы терпите?

– Если бы мы только могли найти выход, и хоть как-то ускорить процесс... – в его голосе прозвучало отчаяние.

После этого отец, не смотря на мою настойчивость, сменил предмет разговора, пообещав, что расскажет больше «в следующий раз». Мы проговорили час на серые типовые темы: учебы, работы, личной жизни и контактов с людьми. Все это навевало мне скуку.

Пройдя в спальню, я увидел своего старокота Мориса, блаженно сопевшего на подоконнике. Какое-то странное, новое понимание приковало мой взгляд к нему, и оформилось в мысли. «Понимает ли Морис, кто он? – думал я. – Ведь это чудо, что у него есть сознание. Он видит жизнь,

взаимодействует с ней на своем уровне. Он живой. Но как будет действовать холодный разум машины?»

Я долго не мог уснуть. Смотрел на далекие огни за витражом потолка и размышлял.

«Я ежедневно наблюдаю свою жизнь, но порой, кажется, что вижу ее впервые. Там высоко, над землей – мириады вселенных сталкиваются, пронизывают друг друга и расходятся. Как редко я понимаю, что вселенная бесконечна. И какое чудо, что в ней есть человек. А теперь, человек изобрел ИИ... Всего этого могло бы и не быть. Хотя, в бесконечности любые достижения итак ничего не значат – просто космическая пыль».

Мне стало тревожно, а ночью приснился кошмар. Я находился в небольшом

кабинете, уставленном антикварными стеллажами с книгами. По центру комнаты располагался круглый стол, окруженный десятком стульев. Я выдвинул один и присел. В комнате было уютно, но что-то было не так. Я не помнил, как попал сюда...

Скоро должно начаться занятие, понял я – мое первое занятие с Вальтером. Должна прийти молчаливая девушка по имени Хлоя, затем Макс и другие ребята.

Я смотрел, как свечение лампы отражается на поверхности деревянного стола. Пржилки красного дерева, заполненные светом, привлекли мое внимание. Я заворожено разглядывал их, погружаясь в древесный мир уплотненного света, пока не почувствовал

подкатывающую сонливость.

Я оторвался от световых пятен на столе и понял, что сижу в комнате уже очень долго, но до сих пор никто не пришел. Я начинал беспокоиться. Возникло ощущение, что никто никогда больше в эту комнату не войдет, потому что за ее пределами мир обрывается. И внезапно я ощутил страшный грохот – не услышал, а именно ощутил каким-то шестым чувством, словно грохот этот был воображаемым, но в то же время пугающе мощным. Возникло чувство, что в самом механизме реальности нечто титанически важное безвозвратно сдвинулось, и время начало замедляться. Я хотел подняться и убежать. Но было поздно. Время двигалось все медленней и медленней. Я успел поднять ладонь,

чтобы поднести ее к лицу, и увидел, как ладонь, замедляясь, застревает в воздухе, увязая все глубже и глубже в густой пустоте.

Затем время остановилось, и я понял, что вся моя жизнь была неправильной, потому что я жил «наоборот». Это было так, будто невидимый киномеханик поставил киноплёнку моей жизни с другого конца. А я, увлекшись просмотром, даже не сообразил, что живу не в том направлении. Смерть была жизнью, а жизнь – смертью. Будущее – в прошлом, а прошлое – в будущем. Все было – в обратном порядке. И поэтому, догадался я, привычное будущее раньше было – неизвестностью. Каждый следующий миг – это пропасть незнания, в которую люди непрерывно проваливаются, называя

это нормальной жизнью.

«Так жить просто невозможно, – понял я. – Жить, не подозревая, что ожидает тебя через мгновение – нельзя. Необходимо знать именно будущее. А прошлое при этом уже не имеет никакого значения». Видимо, божественный киномеханик решил поправить свою ошибку.

Когда незримый механизм времени остановился, и должен был начаться обратный отсчет, дикий страх вонзился в каждый мой нерв, и я проснулся, ощущая, как бешено колотится мое сердце. Почти сразу пришло огромное облегчение от осознания, что этот кошмар с жизнью в обратную сторону был просто сном.

«Как хорошо жить обычной тихой повседневностью, думал я. Однако если бы время все-таки пошло в обратном

порядке, возможно, я смог бы увидеть, что скрывала от меня моя память – как я оказался в той комнате перед первым занятием с Вальтером, что со мной было до этого... Ох уж это нескончаемое любопытство...»

Цивилизация

За пятьдесят один день до озарения

Проснувшись, как обычно, за две секунды до звонка будильника, я потянулся, встал, успокоил ум, и принялся выполнять комплекс упражнений «проживание тела». Мне хотелось сорваться, и бежать к отцу, пока он снова не ушел в работу. Но я был неплохо обучен методикам пси-корпуса, и не позволял мыслям захватить разум.

«Соблюдение правил спасает человека от хаоса и деструкции», – гласил один из принципов школы. «Робот может сделать за тебя все – он может прожить за тебя жизнь», – это изречение из «Кодекса разумного человека» я почему-то вспоминал особенно часто.

Конец девятнадцатого века и начало двадцатого – в нашей истории считается темным временем. Был достигнут пик в развитии робототехники, и модераторы (так мы себя называем) передали всю работу машинам. Братство торжествовало. Больше – никакого труда. Инфраструктура отточена столетиями. «Глупые» миряне и безжизненные киборги впахивали, а жители Цитадели, будучи беспечными «богачами», почивали на лаврах. Каждый мог позволить себе беззаботную амебоподобную жизнь. Фатальный идеал утопии.

Наши предки по безумной наивности полагали, что теперь будут счастливы, и смогут посвятить себя играм, творчеству и даже «как бэ» духовному развитию. Дальше игр никто пойти не возжелал.

Даже не так. Игры были уделом «сильных». Большинство интересовала исключительно услада рассудка и тела. Наркомания, вожделение, сон, апатия, оттенки интенсивной лени, полное отсутствие смысла и цели неустанно вели Цитадель к гибели.

Говорят, в темное время деградации и вырождения появился лидер, который организовал сопротивление системе, тянущей нашу цивилизацию в никуда. Я говорю о цивилизации, подразумевая все человечество, включая мирян. Простой люд не подозревает, на чем основывается устройство жизни. Модераторы делятся своими технологиями ровной степени, в какой это позволяет сохранять порядок и контроль над массами. Без модераторов за несколько десятилетий миряне

вернутся к варварскому средневековью, из которого смогут вылезти, лишь создав очередное мировое правительство.

Модераторы осознали необходимость труда для собственного выживания. Это положило начало углубленному развитию этики и психологии, которые до той поры явно отставали от времени.

После упражнений я вышел на балкончик своей комнаты. Наш дом располагается на окраине города, а город гнездится в глубине планеты. Недаром, осведомленные миряне зовут нас гномами, видимо намекая, в том числе и на нашу жадность. Разумеется, мы – обычные люди, просто хорошо образованные, и строим грандиозные сооружения под землей.

Пожалуй, если бы обыватель с

поверхности увидел Цитадель, то не поверил бы своим глазам. Огромные километровые строения, уходящие вглубь земной коры, приближаясь к мантии планеты, освещены мириадами огней. Сквозь дома протянуты транспортные линии, по которым тихо плывут скоростные трамваи. Между строений располагаются всевозможные парковые и прогулочные зоны, террасы и даже небольшие леса и озера.

Плотность населения в Цитадели – чрезвычайно низкая. У нас легко уединиться где-нибудь посреди небольшой рыночной площади. Разумеется, никаких продавцов и даже торговых автоматов в городе нет. Вещи в магазинах никто не охраняет. Каждый может взять любой товар, и

честно расплатиться за него в личном терминале.

Насколько мне известно, в Цитадели нет обладателей личного транспорта, и конечно, никогда никакого подобия так называемых «пробок» у нас не возникает. Личным транспортом мы пользуемся на поверхности. К слову, некоторые из модераторов, предпочитают жить в обычных мирских городах. Там – практически полный запрет на использование технологий Цитадели. Что вынуждает модераторов выбирать такой образ жизни, мне сказать сложно. Возможно – это какая-то аскеза, тяга к солнечным лучам, или психологический комплекс, с которым модератор наслаждается своим могуществом и авторитетом на фоне «простых

смертных», жестоко утрамбованных в своих кирпичных муравейниках.

Тема таких вот неврозов на почве чувства собственной важности в нашем обществе самозабвенно муссируется сплошь и рядом каждым – от юных чад, до мастеров и ученых.

С отцом мы встретились на кухне. Обычно он не склонен к обсуждению работы и других важных дел за едой – вчерашний разговор стал исключением. Школа учит посвящать свое внимание всецело процессу поглощения пищи. Теория гласит, что такая созерцательность способствует развитию концентрации ума – одному из главных параметров по меркам школы.

Я чувствовал себя немного странно, еще с утра меня переполняли вопросы.

Сейчас они кружили бесстрастными вихрями вокруг моей головы, но ум не будоражили. Я столько раз обесценивал собственные мысли, что теперь, кажется, это вошло в бессознательную привычку.

После завтрака мы вызвали транспортник. Через две минуты прибыл огромный беззвучный агрегат, похожий на дикую птицу. Внешний вид транспортников повышенной комфортности у нас – скорее дань моде, нежели эргономичности конструкции. Каждый может воспользоваться бесплатным «такси». У них нет владельцев. После доставки к месту назначения транспорт отправляется на стоянку, или к другим пассажирам. Вместо иллюминаторов здесь – прозрачные стены от пола до потолка, которые

при желании можно прикрыть любой текстурой.

Я установил регулятор скорости на низкую отметку, чтобы отец насладился обзором во время пути. Мы пролетали над шпилями и крышами небольших конструкций, приближаясь к одному из транспортных узлов, внутри которого отец намеревался пересесть в элеватор, доставляющий модераторов на поверхность под небо (так мы называем мирские города).

Лаборатория 2И видимо в целях безопасности (я точно не знаю) располагается на приличном расстоянии от нашего подземного города. Путь до лаборатории пролегает через мирской мегаполис. Отец иногда любит гулять под небом, и разглядывать мирян. Для

него это, как своеобразный экстрим – выйти из безупречной безопасности Цитадели в кавардак тамошней жизни, и почувствовать драйв от своей такой вот «смелости».

– Тэо, я под небом бываю в ресторанчике – «Уроборос». Его держат наши – из модераторов.

«Уроборос... – мифический змей, пожирающий себя с хвоста, – вспомнил я».

– Если захочешь продолжить разговор, приходи завтра к часу, – предложил он с ухмылкой.

Отец знал, как я не люблю поверхность. Я не разбирался в тамошнем мироустройстве, в законах и порядках, которые судя по слухам, сами же миряне постоянно нарушали.

– Так нечестно, – сказал я. – Ты не оставляешь мне выбора.

– Бедный – бедный Тэо... Какая безвыходная ситуация! Ты поплачь, легче станет.

Транспортник остановился. Меня переполняли смешанные чувства. «Я не люблю их мир. Я не хочу туда подниматься. Но я должен узнать больше о 2И».

– Завтра в час дня, – подтвердил я. – До связи.

Отец удивился, деланно выпучив глаза, и вышел из транспортного, а я поехал дальше – на учебу.

Да, я никогда не любил и не понимал жизнь на поверхности. Образование мирян я всегда считал примерно на девяносто семь процентов бесполезным. Молодые люди получают знания,

которые совершенно ничего не дают – просто какой-то виртуальный мусор за небольшим исключением. Судя по всему, образование там устроено таким образом, чтобы миряне не получили никаких эффективных инструментов для саморазвития, при этом даже не заметив этого очевидного вопиющего факта.

У нас в Цитадели новообращенных и детей, прежде всего, обучают этике и основам повышения личной эффективности, стимулируют на результативную, деятельную и полезную для общества жизнь. Нам, к примеру, скрупулезно и очень доходчиво объясняют, что такое наркотики, и почему их не надо пробовать. В нас убивают зачатки жалости, жесткости, обидчивости, лени, вандализма, и других бесполезных

наклонностей.

Лучшие умы Цитадели работали над курсом по этике и психологии. Эти предметы у нас сопровождают учащегося в течение всех лет обучения. Каждый обязан знать, как устроена его психика. Миряне этого не понимают. Им нет дела до своей сути и ее истинных потребностей. Они зомбированы модой, политикой, авто, гаджетами, игрушками и прочей вторичной шелухой.

Следующий по важности предмет у нас в Цитадели – логика. Нас обучают использовать эффективные модели мышления и действия. Сюда же входят базовые знания по математике и программированию.

Другой важный предмет – «диетология». Миряне по великой глупости используют

пищу в качестве развлечения, даже не подозревая, какое влияние она оказывает на сознание и физическое самочувствие. Миряне с юных лет поголовно поглощают яд, но при этом должны изучать: Толстова и Достоевского, гидросферу, почвенные покровы, инфузорию туфельку, пестики и тычинки, выдуманную историю отечества, таблицу химических элементов Карла Маркса, они должны уметь чертить карандашом геометрические фигуры и прочую ересь. Я мог напутать. В конце концов, у меня нет никакой мотивации – разбираться в том, как люди штудируют весь этот унылый бред.

А чему они в институтах учатся? Профессии? Ха! Там они забивают свои головы информационными отходами эффективной жизни. Высшие учебные

заведения существуют для того, чтобы понизить потенциальную продуктивность студента, перегрузив его мозг абсолютно бесполезными и заумными в своей сухости теориями. Молодые люди получают «знания», которые после обучения жить только мешают, потому что ничего общего с реальным положением дел не имеют. А когда выпускник пытается подогнать к реальной ситуации весь тот шлак, которому его обучили в ВУЗе, до него, если есть хоть капля разумности, доходит, как бездарно были потрачены лучшие годы его жизни.

Некоторые, продвинутые миряне начинают учиться заново – сами, интуитивно, на практике, без учителей от системы. А прочие же трутни становятся стражами своего бесполезного «знания».

Перечислять профессии не стану. Они всем известны. Эти люди становятся рабами системы, которая охраняет себя от любых по-настоящему полезных для общества вливаний. И в этом нет особой заслуги равнодушных к мирской суматохе модераторов – бюрократия – это в чистом виде тамошнее изобретение. Винтики системы – это особый вид паразитов, которые создают законы и правила, выдаивающие у их же сограждан максимально возможное количество денег и ресурсов всеми возможными способами. Продвинутым мирянам во все времена было ясно, что система работает не на людей, а на себя. Продвинутые модераторы во все времена по этому поводу испытывают что-то вроде ленивой отрешенности, а глубоко-

чувствительных личностей (вроде меня) держат от власти на расстоянии меткого выстрела из снайперской винтовки.

А ведь удивительно, и как сами миряне не осознают, что являются людьми, а не штампованными куклами? В мирских школах и ВУЗах всех загибают под одну и ту же гребенку прокрустова ложа конвейерных теорий. Понимаешь ты предмет, которому учишься, или нет – там у них не имеет совершенно никакого значения. Все пятнадцать лет обучения мирянин учится не предметам, а тому, как наиболее эффективно удовлетворять «учителей». Миряне учатся не ради знаний, а ради оценок. Сами знания при этом – глубоко вторичны.

А самое удивительное, что в итоге, после пятнадцатилетней отсидки за партами,

дипломированные «специалисты» не помнят и процента от полученных «знаний» по своей специальности. А все потому, что сами «знания» преподносятся именно таким образом, чтобы, напрочь забить все свободные ячейки памяти, перемешаться в них и расплавиться в громоздком котле отстойной теоретической каши, которая с годами начинает портиться и плохо пахнуть.

Что побуждает людей тратить годы жизни на этот ментальный онанизм, выдавливая из себя все соки жизни, я никогда не мог понять. Поэтому – общения с людьми на поверхности я, разумеется, избегал и даже где-то опасался.

В Цитадели дела идут иначе. Нам дают только самое важное, тщательно

вымеренное знание, поэтому базовое образование у меня никогда не отнимало больше десяти часов в неделю, и было увлекательным. Никаких домашних заданий нам никогда не задавали. Классы в Цитадели – небольшие, поэтому к каждому ученику – индивидуальный подход. Наставники выявляют наши сильные стороны, и помогают их развивать. Только концентрация усилий и знаний в конкретных областях дает реальный результат. А среднестатистический мирянин чаще всего совершенно неспособен углубиться в информацию, которой пичкают его мозг в тамошних школах – предметов слишком много, а их эффективность – ничтожно мала.

Образование – это еще цветочки. Жизнь

там – на поверхности – попросту опасна. Дипломированные варвары вынуждены тратить огромное количество энергии и ресурсов на физическую и социальную защищенность. Модераторы уже давно пытаются донести до мирян технологию микрочипов, которые встраиваются в физические тела. Но миряне все чего-то боятся. Наверное, опасаются контроля, как будто их и без того не пасут. Вероятно, они просто не дозрели до подлинной этики.

Предполагается, что встроенный в тело чип будет включать в себя датчик, отслеживающий местопребывание каждого человека. Если мирянин пропал, или где-то потерялся, его можно найти. Если мирянин попал в неприятности, можно определить местопребывание

всех участников «неприятностей». Это простое нововведение сократило бы количество преступлений в десятки раз. Но миряне, кажется, просто не хотят жить в безопасности.

А чего стоят их машины и дороги? Бог с ними с машинами. Чего стоят правила? Они же тратят десять процентов своей жизни на пробки, которые сами же самозабвенно поносят. Наверное, эта проблема еще долгие века будет оставаться на поверхности одной из главных. А надо-то ввести всего пару простых перемен, и все наладится. В городе личным транспортом должны пользоваться либо за дополнительную плату, либо, лица, заслуживающие этого права – люди исключительно полезные для общества: ученые, врачи, охрана

порядка и другие службы. Общественного транспорта станет больше, и он будет удобней. Вообще, личные машины для каждого отдельного человека в больших городах – это блаж. Нужны общественные кабины перемещения, которые можно заказывать на определенное время, и которыми никто не владеет. Если кабинку оставили около дома, ее может использовать любой другой человек. Таким образом, потребность в личном транспорте будет минимальной.

Меня в этой рефлексии носило еще несколько минут по самым разным сферам, и когда я очнулся, то пожалел о потраченном времени. Мир на поверхности ничто не исправит. И переживать об этом нет никакой необходимости.

Проекция реальности

За пятьдесят дней до озарения

Наши мудрые (или скорее хитрые) наставники приложили максимум усилий, чтобы сделать обучение смыслом нашей жизни. Самым увлекательным является курс по этике и психологии. Обучение проходит в свободной форме, и куда больше напоминает передачу ремесла от мастера к своим подмастерьям, нежели академическое обучение в каком-нибудь мирском ВУЗе с экзаменами. Никаких экзаменов Вальтер нам не устраивал. Зачем мастеру экзаменовать своих учеников, если он и без того знает их, как облупленных? Вместо дипломов с оценками у нас используется сложная рекомендательная система,

которая в отличие от бессмысленных цифр в зачетках у мирян дает точную всеобъемлющую характеристику ученика.

Наставники умудряются мотивировать нас руководствоваться искусственной общественной моралью, которую подгоняют под системное описание психических процессов. Меня всегда удивляло, с какой точностью и глубиной наш наставник Вальтер на словах выражал явления, которые все мы подспудно переживали, но не были способны понять и сформулировать самостоятельно.

К тому же этика и психология – это один из немногих курсов, который ведет живой человек. В основном мы обучаемся самостоятельно в удобном для каждого

ритме, при помощи всевозможных виртуальных учебных модулей. По каждой теме существует с десяток вариантов передачи информации – от сухих и формальных – до развлекательно-игровых, где сложные аспекты втолковываются, что называется – «на пальцах», как для детей. Без таких вот зрелищно-исчерпывающих объяснений, я, например, так и не смог бы освоить программирование на более-менее сносном уровне.

Ко всему прочему, я всегда мог получить ответ на любой вопрос, задав его учебному эмулятору. Иногда, ради развлечения, с этим эрзацем искусственного интеллекта я устраивал непродолжительные беседы. Программа, порой, вела себя весьма занимательно – особенно в

режиме «собеседника», когда у меня стабильно возникало ощущение, что машина пародирует человеческую речь. К примеру, я мог спросить программу: «в чем смысл жизни?» И получить в ответ:

«Этот вопрос имеет множество значений и толкований, повинующихся контекстам. А может быть, вас, уважаемый друг, на самом деле интересует, как повеселей провести вечер? Могу посоветовать хорошего психотерапевта».

И программа выдавала координаты врачей. Или, вот, недавно спрашивал ее: «а что если нам заняться сексом?» В ответ:

«К моему величайшему сожалению сегодня по техническим причинам я не могу удовлетворить ваш запрос».

Ниже следовали ссылки на различные видео-курсы: «Сублимация сексуальной энергии», «Тайное рукоделие», «Переустановка ОС Windows 95» и др. Больше всего мне нравилось задавать программе вопрос: «что такое Бог?», потому что ответы, по неизвестной мне причине, эмулятор выдавал каждый раз новые. Последний был таким:

«Это — понятие, которое используется, чтобы: озадачивать, ослеплять, производить приятное впечатление, как гром сражать, переворачивать с ног на голову,

дестабилизировать, склонять к спонсорству, бесстыдно пристыжать, задабривать...»

Вариантов использования «Бога» было много – на два с половиной экрана в моем терминале.

Иногда эмулятор здорово выручал в учебе. Однако традиционно считается, что живой пример имеет особое значение. В пси-корпусе, поговаривают, что учит не столько информация, сколько живое присутствие наставника. К тому же это всегда – классный повод выбраться из дома и повидать ребят.

Я ощущал почти трепет, гадая, о чем на сегодняшней встрече пойдет речь. Занятие проходило в ветхом заброшенном кинотеатре с двумя

десятками рядов пыльных кресел, одиноким металлическим помостом у сцены и красными многослойными шторами, которые полукруглыми складками свисали с высокого темного потолка. Мы сидели в первых рядах. Вальтер установил перед нами доску и нацарапал на ней своим напряженным гальваническим почерком крупными печатными буквами фразу: «секретное искусство самодрочества». А рядом повесил недобрую картинку изображавшую мужчину с головой свиньи, который замахивался мечом на свинью с головой человека.

– Сегодня мы начинаем мою любимую тему, – торжественно сообщил он. – Тема – простая, но почему-то до некоторых доходит только с пятого раза, – последние

слова он протараторил, закатив глаза и сбавляя громкость – видимо, по неосознанности, мысля «вслух».

– Начинаем? – поинтересовался Макс.
– Так ведь проекции уже были в прошлом году.

– Были в прошлом – будут и в будущем. Тема эта – непростая. Осваивать ее надо каждый раз заново, – сварливо ответил наставник.

Он снова уставился куда-то в потолок, свел пальцы рук и начал смыкать и размыкать ладони. Казалось, Вальтер задумался.

– Проекции – это картинки на экране? – Давид прервал молчание.

Наставник злобно глянул на Давида и продолжил неестественно ласковым голосом:

– Наверное, – некоторые из вас в курсе, что латинское слово «projicio», – он начертил его на доске, – переводится как: «бросаю вперед». Мы ежедневно втайне от себя и других, иногда с ненавистью, а иногда из любви, бросаемся друг в друга калом проекций...

– А поконкретней, с примерами? – попросил я (на занятиях я вел себя довольно активно).

– Проекция – продолжал наставник благодушным тоном, – это, когда арабский парень бросает гранатой толпу туристов, потом смотрит на результат и говорит: «это не я – когда я пришел – так и было». Проекция – это когда мы находим что-нибудь красивое и прекрасное, тщательно его оплевываем, а потом с огорчением смотрим и причитаем: «что за хрень!

Какой несправедливый мир! И почему мне всегда достаются оплеванные вещи!»

Проекции – это когда мы смотрим на толстого, лысого, припотевшего мужика, начитывающего мантру «ом» и думаем: «о, просветленный гуру!», – Вальтер опять закатил глаза. – Проекция – это, когда мы смотрим на просветленного гуру под деревом бодхи и думаем: «фу! Грязный попрошайка!»

– Проекция – это гиперболизация оправданий? – попытался снова угадать Давид.

– Проекция, – отвечал Вальтер с лучезарной улыбкой, – это, когда Давид прилюдно мастурбирует, а сам думает, что говорит умные вещи, – чувствовалось, что тема наставнику нравится. Он подошел к Давиду и добродушно потрепал его

густые волосы.

– Итак, – продолжил Вальтер, – если предельно упрощенно, проекции – это приписывание собственных переживаний внешней реальности. В психологии мирян под проекцией понимают какие-то отдельные неадекватные переживания и защитные механизмы. У нас в Цитадели к проекциям сводят абсолютно все. Вся происходящая с вами жизнь – это работа вашего ума. Все, что вас окружает – это проекции – ваши мысли и состояния. В индуизме проекции называют модным словом «карма».

– Так это что, индуизм? – разочарованно спросил Макс.

– Сам ты индуизм, – громко буркнул наставник. – Ты в курсе, что индуизм называют «вечным путем»? Знаешь, что

это значит?

Макс лениво повертел головой.

– Это значит, – продолжил Вальтер, – что ты будешь десять лет читать веды, а потом еще двадцать – упанишады, и может быть, потом, если повезет, на семидесятом году жизни до тебя, наконец, дойдет, что карма – это всего лишь твоя проекция. И то, лишь при условии, если перед этим ты пережил мокшу и воссоединился с Брахманом.

– А причем тут Брахман Исаивеич? – спросил Давид о завуче пси-корпуса.

– Действительно, причем? – сказал задумчиво Вальтер. – У каждого – свои проекции – у одного на уме – старый баран, у другого – безличный абсолют. У всех своя карма. А все потому, что каждый видит мир только таким, каким и

является этот каждый. Реальность — это отражение вашей психики. Это — ваше «Я». Во внешнем мире не существует ничего плохого, ничего раздражающего, ничего важного, ничего пугающего. Все это — оценки индивидуального разума, ваши личные качества, которые вы проецируете на внешний мир, на людей и на женщин, — Анна возмущенно посмотрела на Вальтера. — Все, что происходит с вами — это работа проекций. Говорю это совершенно объективно.

— Скука, — зевнул Макс.

— Проекция, — ответил наставник.

— А, по-моему — интересно, — сказал Давид.

— Проекция, — снова ответил наставник.

— Никто из вас не видит истины — одни проекции. Вот взять, к примеру, ложку,

– и Вальтер извлек из кармана видимо заранее заготовленную серебристую ложку. – Знаете, что я вам скажу... – ложки не существует. Ложка – это форма вашего ума, сочетание букв, мысль. Без этой мысли есть нечто, и это нечто – неопределимо, – говорил наставник, дирижируя этой «несуществующей» ложкой.

– Ложка – это не сочетание букв, – вдруг заявил Тим, – а сочетание физических частиц. И она реально существует как физическое тело. А вот плохая она или хорошая – вот это уже проекция.

Красавица Хлоя, до этого погруженная в свой терминал, подняла нахмуренный взгляд на ботаника:

– Это тебе кто сказал? Сам придумал?

– В том и дело, – вмешался наставник,

– что ложка является сочетанием частиц, как и все остальное. Но вот то, что эти частицы являются ложкой – это уже игры разума. Все суждения – иллюзорны. И эта теория о проекциях – тоже очередная проекция. За пределами ума жизнь – нейтральна, чиста, идеальна. За пределами ума, жизнь – белый экран, чистая «нирвана».

– У нас что, дефицит терминов? – огрызнулся Макс.

– Любое частное знание – это иллюзия, отступление от абсолютной истины вне ума, – продолжал наставник, игнорируя выпады Макса. – Цепляния за частные концепции, вроде той, что я здесь пропихиваю – ограничивают и создают иллюзию информированности. Ваше любопытство – истинный ключ

к самопознанию. Вы все стремитесь оказаться в центре событий, быть в курсе последних самых важных новостей. Так вам кажется, но это – проекция. На самом деле вы стремитесь познать себя. Любопытство и удивление – это такой географический рельеф пути самопознания.

Хлоя оторвалась от терминала, и с любопытством оглядела наставника. Вальтер от такого неожиданного внимания, казалось, расцвел и начал входить в раж.

– Разоблачая грубые проекции, мы движемся к утонченным глюкам и таким образом прогрессируем. Но однажды, бегать по этажам утончающихся концепций надоедает. Вы перестаете воспринимать всерьез собственный ум.

Вы осознаете, что привычная жизнь — это ваша проекция на неизвестное, и только тогда вы становитесь хозяевами самих себя, и тонны внутреннего дискурса испаряются. Остается кристаллизованная соль — ясность и четкое понимание того, что вам нужно, — наставник слегка ошарашено посмотрел на Хлою, — тогда все решения становятся настоящими, и приводят к реальным действиям.

Хлоя зевнула и снова уткнулась в терминал.

— Мне кажется, — заговорила Анна, — что это лишь внутренняя сторона вопроса, «идеальная» — то, к чему можно стремиться. А мы живем в хаотичном материальном мире, и от повседневных забот нам не спрятаться. Эгоизм

окружающих, болезни и душевные недуги, кризис, безработица по-прежнему существуют. По крайней мере – там, на поверхности.

– Твоя, так называемая «идеальная» сторона, – отвечал Вальтер, – это не то, к чему мы должны стремиться, а то, что уже и так происходит прямо сейчас со всеми людьми на планете. Настоящий «кризис» – у людей в головах.

– Получается, – заговорил я, – проекции – это просто личное мнение?

– Как тебе сказать, – медленно вполголоса пробасил наставник, – вот, к примеру, я думаю, что ты – мудака. Макс думает, что ты – хороший парень. А Анна думает, что ты – «красавчик Тэо», – Анна порозовела. – Личное мнение зависит от проекций, но сами проекции – это часть тебя...

– Значит, – перебил я, – если ваши проекции – часть вас, тогда мудак – вовсе не я, а вы.

– Совершенно верно! – невозмутимо ответил наставник.

– Почему так трудно увидеть эту очевидную истину? – спросил Макс, небрежно сдерживая усмешку.

– Просто наше мышление вследствие многолетней привычки обусловлено концепциями. Мы заслоняем экран жизни проекциями прошлого.

– Мне начинает нравиться эта тема, – сказал Макс.

– И мне, – добавил я. – Но какая от этих мудреных теорий практическая польза?

– Понимание проекций позволяет увидеть природу самообмана, – ответил Вальтер. – Но понимать их надо постоянно,

особенно, когда вам мерещится кризис, или какой-нибудь «нехороший» человек. Когда понимаешь, что все это – проекции, проблемы перестают казаться несправедливой случайностью. Вы начинаете понимать, что никогда не страдали зря, потому что таким образом вы отработывали свои проекции.

– А мы обязаны их отработывать? – спросил Макс.

– А тебя кто-то спрашивает? У тебя есть выбор? – ответил наставник.

– А что, выбора нет?

– О том и речь, что все в этой жизни – проекции, включая выборы, сомнения, терзания и прочие отработки. Что бы ты ни делал, куда бы ни пошел, ты сталкиваешься с проекциями – с иллюзиями, которые наслаиваются на

экран бытия.

– Так это же просто события. Зачем их называть проекциями?

– Затем, чтобы понять, что никаких событий не существует, а есть только проекции о событиях, – ответил Вальтер. – Все ваши переживания – это информация в каналах психики, которую хочешь – не хочешь, приходится выпускать и проживать. Иначе проекции будут подспудно давить, а ум будет то и дело предчувствовать тревожные события.

– Так вы же говорите, что событий не существует? – заметил я.

– В том и дело, что ум предвкушает не какие-то якобы реальные события. Ум предвкушает свои представления о событиях. Но самих событий никогда за пределами этих представлений не

было, – Вальтер поднял ложку, видимо, продолжая настаивать на ее небытии.

– А что если я сейчас пну вам под зад?
– предложил Макс наставнику, улыбаясь одними глазами. – Ведь никаких событий нет, значит, вы даже не заметите...

– Замечу. А ты – получишь выговор по всей строгости, – равнодушно ответил Вальтер.

– За что? – удивился Макс. – Ведь событий – не существует!

– Разумеется! – торжественно сказал Вальтер. – Как пинок под мой зад, так и твое последующее за ним наказание с выселением на поверхность – все это проекции.

Макс заинтересованно хмыкнул. А Вальтер продолжал:

– Когда вы начинаете самозабвенно

смаковать отрицательные переживания, вы самолично придаете им реализма. Вы при этом как бы верите в ту «дурную» реальность, которую эти переживания вам бессовестно позиционируют. Так происходит наработка кармы.

– И как же прекратить это безобразие?
– спросил я.

– Наблюдать! – ответил Вальтер. – Когда включается наблюдательность, ты распознаешь мысли как иллюзии в уме. Ты понимаешь, что мысль – это не событие, а мимолетный глюк. Если такой наблюдательности нет, происходит участие в иллюзии событий. Тогда, ты вовлекаешься в игры разума и зарабатываешь карму.

– А как обстоят дела с приятными событиями? – спросила Анна. – Их тоже

надо разоблачать?

– Приятные события — это растрачивание хорошей кармы. Люди, которые живут в свое удовольствие — просто расходуют свои заслуги.

– Что за заслуги такие? И перед кем они? — задумчиво спросил Макс.

– Перед собой, конечно, — недоумевающая ответил Вальтер, будто речь шла о чем-то очевидном. — Заслуги — это карма. Каждый получает по заслугам. А погоня за приятными событиями — это наркомания. Привязанность к приятным проекциям — повергает в порочный круг кармы.

– Но позвольте, — перебила возмущенная Анна, — разве это человек наполняет эту сложную, материальную реальность? Есть люди, которые колбасятся независимо от своего отношения к жизни!

– То, что другие колбасятся – это твоя проекция. На самом деле колбасишься здесь, Анечка, только ты, – наставник посмотрел на нее с брезгливой ухмылкой. – А что там у других, как говорится: чужая душа – проекции потемок.

– Хамло, – ответила Анна. Вальтер кивнул.

– Во внешнем мире нет никаких сложностей. Их строит твой ум, а ты отождествляешься с умом, и думаешь, что это реальность такая. Безответственность – тотальная, – наставник развел руками.

– Кстати, – вспомнил я, – в кодексе была фраза... что-то типа: «безответственность делает задачи проблемами, ответственность обращает проблемы в задачи».

– Эта фраза не вскрывает суть проекций, – пояснил Вальтер, – но помогает понять их неустойчивую природу. Абсолютно все ваши реакции идут изнутри. Это не я хамло, – Вальтер снова обратился к Анне, – это твое хамство, твоя темная сторона, которую ты отказываешься принять в себе. Тебе, проще это свое хамство вытеснить и спроецировать на меня, потому что это качество не вписывается в тот образ, который ты тут всем позиционируешь.

– Да, Анюта, это правда, – тихо сказала Хлоя, не поднимая глаз.

– Нет, неправда! – это твои проекции, – ответила Анна. Хлоя улыбнулась.

– Ваша задача, – Вальтер обратился ко всем, – не в том, чтобы избавиться от сложностей, а в том, чтобы понять их

природу. Тогда внутренние противоречия начнут автоматически разрешаться, и вы перестаете обвинять мир в своих бедах.

– А все-таки, – не унималась Анна, – как это мое сознание могло сотворить из вас хама? Ведь вы и есть хам! А в моей воле – не обращать на ваши выходки внимания. Иначе можно углубиться в проблему, накрутить себя и заработать стресс.

– Я – хам, – согласился Вальтер. – И это – твоя проекция.

– А мне вы хамом не кажетесь, – сказал я.

– Проекции у всех разные, – пояснил наставник. – Иногда они совпадают, придавая происходящему реалистичности.

– А убийства это тоже ничего плохого?

– завелась Анна. – Тоже существует только в голове? Тоже чисто, идеально и нейтрально? Объясните! – капризничала она.

– Все оценки происходят в голове, – безмятежно ответил Вальтер. – Если ты считаешь иначе – это самообман. Конечно, лучше никого не убивать. Это – разумно. Но если тебя убивают, волнения делу не помогут. Принять правильное решение поможет трезвый взгляд. Каждый хочет для себя блага. Мудрец выбирает мудрый путь. Глупец – глупый, – говорил Вальтер с умиротворением пещерного аскета-мыслителя.

– Мне все это напомнило один старый вопрос: «существует ли шум падающего дерева в лесу, если его никто не слышит?» – сказал я.

– То, что реальность остается, даже когда мы уходим – это вполне понятная и обоснованная вера.

После этих слов наставника меня снова накрыло дежавю. В глазах потемнело, и я на мгновение вспомнил, что все это я уже когда-то видел. Вспомнил глубоко и явственно, будто пробудился от многолетней амнезии. Это краткое переживание казалось реальней всего, что происходило за целый день, и почему-то мне это не понравилось – что-то во всем этом было не так. Очухался я не сразу – мир несколько секунд проявлялся из бордовой ряби перед моими глазами. Я с удивлением обнаружил себя сидящим там же, где и был – с ребятами в заброшенном кинотеатре. «Какой яркий бант в волосах у Анны. Вокруг – непрерывное движение.

Это реальность?» В моей голове отдавался голос наставника.

– Все самые серьезные теории и переживания реальности – это Ваши переживания, а не чьи-то чужие. То, что якобы происходит за пределами Ваших переживаний – так же лишь ваша оценка, ваше переживание, которое вы расцениваете, как внешнюю реальность. События за пределами ума, если таковых можно говорить, не имеют совершенно никакой окраски. Это – безличностный хаос, недоступный для понимания. Сам хаос – никто не видит. Все погружены в персональные проекции.

– А как на счет физических ощущений?
– спросила Анна. – Ведь даже ребенок, ум которого еще не натренирован думать, реагирует на боль, голод и жажду.

– Даже у животных есть своеобразная интерпретация ощущений, иначе они не были бы живыми, – тут же ответил Вальтер, будто только и ждал этого вопроса. – Просто у человека все намного сложнее. Физический дискомфорт – это боль. Психический дискомфорт – страдание. Если нет психики – некому оценивать боль как страдание.

– По-моему, – вдруг сказал Тим, чуть приподнявшись в кресле, – иллюзией является не сама реальность и несобытия, а только наше субъективное отношение к реальности. Тут действительно можно утверждать, что это всего лишь игры разума.

– А ты знаешь другую реальность, помимо той, что воображаешь? – переспросил наставник.

– Если я не знаю другой реальности, это еще не значит, что ее нет, – ответил Тим.

– Разумно. Но, если ты веришь, что за пределами твоих рассуждений другая реальность все-таки есть – это просто очередные проекции.

– А как? – снова вмешалась Анна. – Как объяснить существование фотографии? Допустим, когда я фотографирую лавочку в скверике, фотоаппарат делает ее отпечаток. Значит – лавочка существует! И существует она независимо от наших проекций! – Анна радовалась «удачному» аргументу.

– Анна, ты этого, наверное, не понимаешь, но у фотоаппарата – нет мозгов. И поэтому для него не существует никакой лавочки. Это ты наблюдаешь

лавочку с помощью фотоаппарата. Лавочка с фотографии становится лавочкой все там же – в твоих фантазиях, – Вальтер легонько постучал несчастной ложкой по своему виску. – Можно условно заявить, что объективная реальность существует отдельно от нас. Но обыватель не способен ее воспринять.

– Реальность не может быть иллюзией, – перебил Тим. – На то она и реальность. А иллюзия никогда не станет реальностью. На то она и иллюзия.

– Каждый находит наиболее убедительные доводы, чтобы доказать собственную правоту, – ответил Вальтер. О правоте будем говорить через пару недель. Лично я считаю учение о проекциях – превосходным, и нахожу его логически обоснованным, понятным, и

самое главное – простым.

– Законы физики – тоже же иллюзия? – спросил Тим.

– Все, что констатирует ум – это констатация ума.

– Вальтер, – вмешался Макс, – вот вы говорите, что все является проекциями, так?

– Ага.

– А кто наблюдает проекции?

– Наблюдатель.

– Получается, наблюдатель – это тоже проекция?

– Разумеется.

– Значит, проекция наблюдает проекцию? – заинтересовался Макс.

– Проекцию наблюдает наблюдатель. Но эта теория является очередной проекцией.

– Значит, наблюдателя нет?

– Раз есть ты, и есть то, что ты ощущаешь, значит, есть наблюдатель и наблюдаемое. Другое дело, что сам этот наблюдатель себя обнаружить не способен. Вместо этого ему каждый раз подсовывают калейдоскоп просроченных проекций.

– А кто подсовывает? – спросил я.

– Ты сам же и подсовываешь.

– А как я это делаю?

– Бессовестно.

– Даже общаясь с вами, я общаюсь со своими проекциями? – удивился я. – То есть... с самим собой?

– Именно! Вся твоя жизнь похожа на книгу. А книга – это просто линии на однородном фоне. Интерпретация этих линий на все сто зависит от тебя. В этом

смысле ты сам являешься автором книги. Ты сам из этих закорючек создаешь мир, в котором живешь. Если на буквы проецируются заряженные проекции, текст кажется тебе интересным. Если в текущий момент лезут обесточенные и блеклые слайды ума, текст кажется скучным и безжизненным. Вся твоя жизнь – сплошное рукоблудие мозга.

– Так что получается, – заскулил Давид, – вся жизнь это воображение? Все люди – это не люди? А зачем тогда жить, если все кругом фальшь? Какой толк от этих теорий? Я бы не хотел думать о таких вещах, а хотел бы просто жить и радоваться.

– Живи и радуйся, – сухо ответил наставник.

– А кто меня создал? Кто тогда мои

родители? – взволновался Давид. – У всех же людей есть мозг, значит, все независимы?

– Детский сад, – прошептала Хлоя.

– Давидик, – ласково заговорил наставник, – то, что мир иллюзия – это также – иллюзия. Совсем необязательно так смотреть на жизнь. Проекция – просто способ указать на некоторые пласты знания. Как сказал один старый мексиканский масон: «нет другой реальности, кроме той, что перед твоими глазами». Твоя жизнь от одной этой теории не изменится. Можешь поверить на слово.

– А я уж было испугался, – успокоился Давид.

Вальтер взглянул на часы и сказал:

– Попрошу внимания! В качестве

эксперимента, попробуйте залезть на какой-нибудь порно-сайт, а лучше – интернет-форум, или даже лучше – чат. Пообщайтесь и посмотрите, как пустые черточки на экране становятся в вашей голове типа «реальными» людьми.

Все машинально засобирались, а я опять подошел к наставнику.

– Сэмпай, – обратился я с уважением, пародируя Давида, – у меня снова было дежавю.

– Что ты ко мне прицепился? Не имею я квалификации по этой теме, – отмахивался Вальтер.

– А к кому мне тогда обращаться? – я пожал плечами, как бы демонстрируя, что мне и самому напрягать наставника не хочется.

– Хм, – прищурился он, – есть у меня один

знакомый – мужик мощный, но малость двинутый. Он мастеров консультирует на проблемные темы. Но раз уж твой батя – такая большая шишка, может он и тебя примет. Я скину ему твой запрос.

– Спасибо, сэмпай.

– Кстати, его Рафаил зовут – как архангела.

Виртуальная комната

*За сорок девять дней до озарения
(дополнялось)*

Я решил попробовать эксперимент, который предложил Вальтер. К тому же, как мне казалось, я догадывался, в чем его суть. Уже несколько раз из любопытства и ради развлечения, я заходил в мирские чаты, чтобы поглядеть, как общаются «варвары». Как оказалось, среди них встречаются неглупые особи – но и те выглядели поверхностными и отсталыми даже в сравнении с нашим сентиментальным Давидом.

Однажды, сидя в очередном чате, я словил странное тревожное ощущение, почувствовав, что в этой виртуальной комнате, я словно бы разговаривал не

с другими людьми, а исключительно с самим собою. Передо мной были буквы, составленные из пикселей монитора, за которыми мой собственный ум выстраивал образы «реальных» людей. И вот, я говорю с этим типа реальным человеком, а через мгновение вижу только буквы – те самые пустые черточки, о которых упомянул Вальтер.

Мне, вдруг, вспомнилась надпись на доске во время последнего занятия. В чем заключалась суть «секретного искусства», я начинал догадываться. Оставалось эту догадку проверить и закрепить.

Я зашел по закладке (даже не посмотрев на адрес!) на: «progressman.ru/2i». Это был модный психиатрический чат для продвинутых домохозяек

и начинающих эзотериков, куда я в последнее время периодически заглядывал под ником «Бот». Когда-то один из наших наставников ради какого-то эксперимента курировал тамошних мозгоправов. Видимо поэтому, среди мирян кружок считался элитарным и «закрытым». Но как водится, весь этот эксклюзивный пафос был пустопорожним нагромождением нелепого камуфляжа для отжимания капитала у наивных искателей истины. И потому при помощи обычной кредитки закрытый кружок становился голым, как сокол, со всеми возможными привилегиями.

В нашем чате появляется Бот

Бот: Физкульт-привет!

Мартовский заяц: Боттичелли!

/кретинский смайлик/

С мартовским зайцем у меня сложились почти приятельские виртуальные отношения. Этот юзер был на редкость дружелюбным и приветливым (в отличие от большинства, принадлежавшего к расе троллей), и порой выдавал концептуально нагруженные тирады.

Сундук: Добрый вечер!

/подозрительный смайлик/

В нашем чате появляется Бегемот

Бегемот: Мое почтение...

Душелюб: Вернулся – не запылился. И пяти минут не прошло. Тупое ты животное, хочешь прогнуть мир под свои понты. Ни хрена у тебя не выйдет!

«Так, первая проекция. Душелюб обращается к «тупому животному», возможно – к мартовскому зайцу, думал я». Но где-то я принял эту фразу на свой счет. Видимо, Вальтер засадил мне психическую занозу под кожу чуть глубже, чем я полагал.

Бегемот: Душелюб, спасибо на добром слове.

«А вот и адресат, понял я с облегчением».

Петр и Павел: Бот, подключайся – у нас тут энергичная психотерапия. Невротики лечат невротиков.

Душелюб: Петенька – ты тоже гадюка подколодная – только и умеешь из-за

угла подгаживать осторожноенько, пока никто не видит!!!

Приватное сообщение от Мартовский заяц: Где пропадал?

Приватное сообщение для Мартовский заяц: Там же, где и все – где-то за кадром.

Приватное сообщение от Мартовский заяц: Приходи завтра на сходку? Хоть посмотрю на тебя – какой ты в кадре.

Приватное сообщение для Мартовский заяц: Я – не фотогеничен.

Бегемот: Душелюб, а если мир не прогибается, самому что ли прогибаться?

Мартовский заяц: Не фиг! Продолжай мир прогибать!

Душелюб: Бегемот, ты вот мнишь, что яйца у тебя – Фаберже, весом с пуд, а посох – Ивана Грозного. И этим девайсом,

ты, амбициозно осмеливаешься обслуживать свою клиентуру. Но им-то со стороны лучше видно, каковы истинные размеры твоего достоинства. И размеры эти, очевидно – никого не впечатляют. Посошок у тебя, прямо скажем – миниатюрный, если не сказать – жалкий.

Бот: Бегемот, простите, вы что, в доме терпимости работаете?

Бегемот: Бот, скоро я и сам так думать начну.

Приватное сообщение от Мартовский заяц: Ввожу в курс дела. Компания Бегемота проиграла аравийскому концерну тендер на поставки нефти в Западную Европу, и Бегемот теперь нервничает. Душелюб предлагает ему сбавить запросы, смириться со

СВОИМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ И СЛОЖИВШИМСЯ положением дел.

Приватное сообщение для Мартовский заяц: Спасибо за пояснение. А то с этими ювелирно-генитальными проекциями, я уж было подумал, что тирада сия о какой-то кремлевской оргии.

Бот: Бегемот, сочувствую.

Людовед: Еще один нытик в зоопарке...
/назидательный смайлик/

«На этот раз речь точно шла обо мне, понял я».

Бегемот: Спасибо за сочувствие. А вы завтра тоже на встречу пользователей идете?

Бот: Это вряд ли – у меня социофобия и... мизантропия.

Бегемот: У меня тоже. До сих пор борюсь... на планерках.

Петр и Павел: А у меня – раздвоение личности.

Бегемот: Душелюб, а как посох-то нарастить?

Сундук: Мне на почту спам конкретно по этому вопросу ежедневно сыпется. Это не вы, Бот, стараетесь? Если не вы, то передайте там своим – можно уже сбавить обороты. */счастливым смайлик/*

Бот: Сундук, я – не спам-бот. Я из тех, что бегают по заданной траектории в ограниченном пространстве.

Сундук: Какой глубокий жизненный фразеологизм...

Душелюб: Бегемот, проблема – не в посошке, а в понтах. Амбиции свои понижай. Или все-таки попробуй

удовлетворить клиента, при помощи того девайса, каким природа наградила. Придется поизворачиваться, конечно. А ныть – непродуктивно. Да и вообще, задумайся, для чего тебе барский посох?

Бегемот: Для продуктивного секса, конечно!

Мартовский заяц: Боттичелли, в курс дела не надо вводить?

Бот: Да вроде понятно – опять о деньгах речь. /зевающий смайлик/

Людовед: Ни хрена тебе непонятно, дурак. Речь – о понтах.

Душелюб: Вот именно! Речь о том, что лузер Бегемот хочет быть самым крутым лузером среди прочих падших лузеров.

Бегемот: Да вы что! Я просто хочу скромный замок – хотя бы, как у барона фон Швангау.

Людовед: Замок? Очередная насадка на игрушечный лингам. Купи ты хоть пять замков! Компенсировать свое миниатюрное достоинство можно бесконечно. Но в глубине души ты будешь знать, что ты – просто лузер, дорвавшийся до нефтяных шламов. Чем раньше ты признаешь эту горькую правду, тем больше энергии сэкономишь. И не понадобится ради наполеоновских глюков рвать полушария на жопе.

Душелюб: Да, бегемотик... на словах ты – император, а на деле – супинатор. То есть – подстилка заурядная.

Петр и Павел: Бегемот, замок Хоэншвангау в Баварии?! Это же – Людвига второго... /wow/

Бот: По-моему, здешним мозгоправам – самим скорая помощь требуется. Или

я чего-то не догоняю?

Душелюб: Мы проявляем заботу о слабых и падших, а ты спамботишка – не то, что догнать, ты даже ворочаться еще не начал. Варишься там в своем болоте – юзер трафаретный...

Петр и Павел: /пальцы веером/

Мартовский заяц: Душелюб, на словах ты–альма-матер, а на деле–прокуратор.

Бот: Заяц /подмигивающий смайлик/

Бегемот: То есть, мне что? Надо признать, что я чмо какое-то? Хреновая ситуация получается.

Сундук: А оно тебе надо?

Я пробовал следить за тем, как буквы из монитора хитро сплетаются в состояния, очертания которых имели неповторимые оттенки реалистичных

образов. Чистые проекции. Ум рисовал, упитанного нефтяника и двух лукавых чертей, стоящих у него над душой. И все это происходило в моей голове! Я пребывал в виртуальной комнате, созданной собственными проекциями. О, ужас. «Получается, я сам одновременно – и больной, и доктор, и просто зритель собственного спектакля, – подумал я».

Бот: Интересное кино.

Людовед: Ботинок, да ты не стесняйся, доставай попкорн, пристраивайся поудобней. Сейчас интимные сцены пойдут. Терапия только началась...

Петр и Павел: Чувствую, завтра на сходке будет еще увлекательней.

Душелюб: Бегемот, а вообще, это не ситуация у тебя хреновая – это ты сам

хреновый. Вот и бесишься.

Бегемот: Завтра сходка в 12:00? Предлагаю эту тему в реале добить.

Бегемот: Бот, приходите тоже, а?

Приватное сообщение от Мартовский заяц: Боттичелли, правда, приходи? Давно на тебя посмотреть хочу.

«И чего они меня на свой звериный слет так настойчиво зазывают? Будто я – их лучший виртуальный друг. Бегемота этого вообще впервые вижу. Хотя вот на дружелюбного зайца поглядеть было бы любопытно».

Я направил внимание на чистые ощущения, которые проецировала текущая ситуация. Что-то во мне самом нашло в себе все подходящие элементы этой проекции. Одна часть

меня пыталась в этой жизни чего-то достичь и реализовать, другая – эту часть успокаивала и умирляла, как буйного пациента в белой рубашке с завязанными за спиной рукавами, а третья – смотрела на шоу со стороны, оценивающе, холодным, почти бездушным взглядом.

«Мой ум ведь создает смыслы буквально из пустоты, думал я. А вдруг все эти Сундуки с Бегемотами и Душелюбами – имена архетипов моей собственной психики? Что если я сам их создал, назвал и разделил по ролям? Нет, так не бывает! Не хочу».

Я верил, что где-то там, под другую сторону экрана сидит человек под ником «Людовед», и брызгает (проецирует?) своей же слюной на свой монитор. Истинный оплот hi-tech-эволюции. Но

подспудно я воспринимал происходящее иначе. Мои ощущения, как бы отделились от моей жизни, и ум тут же подкинул очередную проекцию этого переживания. Это был образ маленькой сферы, в которую было погружено мое тело. И в этой сфере я был единственным человеком во вселенной. Вся моя жизнь была такой. Все это время я думал о самом важном, так ни разу и не прикоснувшись к «самому важному». Я всегда был «тем самым» живым героем собственных грез. «Я – центральный персонаж своей жизни. В этой истории я играю главную роль. Почему же я не замечаю себя? Почему я рвусь к целям? Зачем мне гармония? Все эти цели только дополняют то, что уже и так есть».

Еще одна проекция. Теперь я –

единственный человек во вселенной. Я стою один на одной ноге на небольшой, скользкой платформе посреди черной бесконечной бездны. Невероятными усилиями эоны лет я удерживаю здесь равновесие. И чтобы все не казалось таким плачевным, на фоне этой обреченной вечности я выдумал для себя так называемый «обычный» мир, в котором у меня есть друзья, родственники, дом, компьютер, учеба и другие увлекательные проекции.

И тут со мной случилось какое-то когнитивное расщепление. Несколько секунд я не мог понять, кто я и где. То ли я – один из участников чата, то ли одна – из собственных живописных проекций, то ли я – Тэо Ботов, сидящий у терминала в своей комнате в Цитадели.

«Чем на самом деле является мое «я»? И если это «я» принадлежит мне, значит, у меня есть «я», владеющее другим «я»? Они оба отделены от меня? Кто же я тогда? Чем является то «я», в центре которого сплетается вся моя жизнь? Из каких реальных признаков складывается самоощущение?»

И в этот момент меня будто током ударило. Нечто туманно непостижимое целое мгновение казалось озаряюще очевидным и понятным. Невыразимые крупинки знания состыковались в одно целое, и осветили мой ум вспышкой постижения чего-то изумительного. «Что это было? – содрогнулся мой рассудок». А затем все прошло без следов, и меня охватила тревога. Внезапно я сильно захотел, чтобы все эти люди на экране

терминала оказались реальными. Я как будто начал понимать пользу от той вездесущей нормы, в которую мировое правительство так старательно погружало мирское сознание. Модераторы были мудры, устанавливая свои правила и ограничения.

В приватном сообщении я выпросил у Мартовского зайца телефонный номер, и сразу позвонил. Это была девушка моего возраста с мягким вкрадчивым голосом по имени Соня. Мы несколько минут проговорили о какой-то чепухе, которая, тем не менее, почти мгновенно исцелила меня от приступа просветления. «Просто фантастика, думал я. Каким-то волшебным образом обычная болтовня с живым человеком махом стабилизирует сознание в состоянии нормы».

Соня рассказала мне о других пользователях. Как оказалось, человек под ником «Петр и Павел» тоже был лицом женского пола. Что позабыл в чате бизнесмен Бегемот, оставалось загадкой. Как сказала Соня: «с такими, как у него возможностями, можно было бы самого Фрейда с того света вытащить и нанять». Голос Сони казался вполне реальным. Она снова предложила мне прийти на встречу, которую пользователи устраивали еженедельно в баре «Барокамера» в торговом центре Babylon. Соня сообщила, что будет в черном платье с цветочным шифоновым шарфом на шее. Я был переполнен противоречивыми чувствами, на предложение объявиться ответил уклончиво и попрощался.

Тревога начала растворяться, но

внутри оставалось ощущение чего-то недоконченного. Я понял, что все-таки хочу увидеть Соню и остальных, чтобы убедиться в «реальном» существовании этих людей. В иное время, я бы и не помыслил ради такой глупости подниматься на поверхность, но раз уж отец уже уговорил меня высунуться... «прямо подземная тварь какая-то!» К тому же, как оказалось, именно в этом торговом центре по какой-то дикой случайности располагается одна из точек выхода из Цитадели на поверхность. «Может быть, это и не случайность вовсе, думал я. Может быть – это очередной виток в книге судьбы». По времени я вроде бы успевал как раз перед встречей с отцом.

Последний раз до этого я был на поверхности полгода назад вместе

с группой других адептов корпуса в сопровождении наставника. Мы ездили на «экскурсию» в бункер 2И целым кортежем с охраной.

Вход в бункер из мирского города представлял собой неприметное двухэтажное здание, обитое светло-серым металлом. За ним, как нам тогда пояснил наставник, локализовались километры заводов и складских помещений правительства.

Добирались мы тогда без остановок, но даже из окна машины, город мне в очередной раз не понравился. В сравнении с Цитаделью, мирской мегаполис казался ржавой консервной банкой в Богом забытой комиссионке.

Сейчас я теоретически понимал, что это – проекция. То есть, получается,

все эти образы содержатся где-то в моем уме, и чтобы не замечать своих же неблагоприятных качеств, я начал приписывать их мирскому городу.

Что-то с этой теорией у меня не клеилось. Подавляющее большинство знакомых мне модераторов, также как и я не выносили поверхность. Возможно, это был какой-то коллективный самообман. Но упрямая статистика всегда остается на стороне привычного взгляда на вещи. Почти все истории этого мира повествовали о добре и зле. С добром не все было однозначно, а вот зло неизменно оборачивали в топорные грязные обертки: насилия, лжи, болезни и распада. Неужели каждый человек на этой земле в борьбе со злом, неизбежно веками занимался самообманом? По

этой логике выходило, что любые выпады против зла, совершались под влиянием этого же самого зла внутри человека.

И тут меня осенило... «Просто день откровений какой-то!» Я понял, что все это время подспудно терзался неведомым сложным, но еще толком не выраженным вопросом. Затем что-то внутри раскрылось, и мою познавательную жажду заполнила амброзия удовлетворения, словно я, наконец, дозвонился до самого себя, получил долгожданный ответ, и мысли потекли по новому маршруту быстрым потоком. Казалось, я только сейчас понял, о чем битый час твердил наставник. «Проекция – это же просто мое собственное отношение к жизни, понял я. Как же я сам этого не понимал... Я смотрю на жизнь из своей головы,

своими глазами, сквозь собственные мысли. Я никогда не видел этого мира глазами других людей, но жил так, будто другие для меня существовали наравне со мной. Как же я не понимал, что я – это я? И я всегда был только собой. Иногда мне казалось, что я становлюсь Максом – и нас становилось двое. Потом появлялся отец – и теперь меня уже – три. Затем появлялись другие... Весь мир – это мое отношение. Каждую секунду я проявлял череду отношений, которые, цепляясь друг за друга, создавали вереницу событий. Вся моя жизнь состояла из такой вот хронологии, которая двигалась непрерывным потоком в моей голове».

Несколько минут я переживал волнение, и даже чувствовал стук своего сердца. Затем понимание стало сглаживаться.

Только что мне казалось, будто я понял нечто очень важное, а спустя всего минуту это понимание с космической скоростью как-то очень уж по-свойски становилось чем-то буднично нормальным и почти бесцветным. И вот мне на автопилоте уже хотелось бестолково поскакать дальше — к новым впечатлениям — еще и еще! Какое поверхностное легкомыслие! Я по-прежнему считал, что постиг проекции, а когда захотел как-то зафиксировать это свое «постижение», зацепиться больше было не за что — чудо в очередной раз незаметно ускользнуло, не попрощавшись.

«Да, мое восприятие событий зависит от моего отношения к событиям. Но ведь это же очевидно, думал я. Каждый это понимает. Видимо, эта разновидность

знания по-настоящему себя проявляет только в живом опыте». И тут я вспомнил, как Вальтер говорил, что проекции каждый раз необходимо понимать заново...

Поверхность

За сорок семь дней до озарения

Предстоящее посещение города меня больше не пугало. Это было похоже на маленькую сказку – приключение в неизвестное, которое может обернуться, чем угодно, в зависимости от моих проекций. Мне стало интересно, как мой ум будет реагировать на город сейчас, спустя время. Я сам для себя стал интересной и непредсказуемой загадкой.

Модераторов всегда обеспечивают охраной и сопровождением, если выход на поверхность связан с каким-нибудь официозом. Но если модератор выбирается в город по своей прихоти, он это делает на свой страх и риск. А

риск между тем – немалый, ведь не считая имплантатов в физическом теле, единственный механизм из Цитадели, который я мог с собой пронести, был маленькой пластиковой карточкой – приспособлением для снятия бумажных денег.

У нас в цитадели бумагой в таких целях никто не пользуется. Информация о личных средствах хранится в общей базе данных, и доступна для управления через персональные терминалы. Я слышал, что миряне начали дозревать до этой фазы, и потихоньку вводили так называемые «электронные деньги».

Некоторые модераторы утверждают, что никаких реальных опасностей на поверхности у нас нет – главное соблюдать местные законы (которые

В целом напоминают усложненную и запутанную версию законов Цитадели), и тогда шансы лишиться жизни в мирском городе в течение одного дня, составляют не более пяти тысячных процента. К тому же имплантаты делают нас сильнее и защищают тело от повреждений. Учитывая эти данные, я решил, что проведу на поверхности два с половиной часа. Набравшись смелости, я достал солнечные очки, и вышел из дома.

Сквозь прозрачные перегородки лифта была видна великая Цитадель – гигантские фигуры строений, усыпанных лучащимся бисером иллюминаторов, изящные волнистые переплетения транспортных линий, редкие точки крошечных человеческих фигур. Вечно ночной город двигался вниз, обнажая

крыши строений. Поднявшись к обшивке нашего грунтового «неба», лифт нырнул в темноту, включился вспомогательный свет, и можно было различить природную каменистую поверхность шахты.

На выходе из элеватора я оказался в длинном пустом сером коридоре. Вдали виднелась маленькая дверь, а по бокам располагались офисные помещения с прозрачными перегородками. Людей не было ни души. Я осторожно шагал, оглаживаясь по сторонам и прислушиваясь к тишине. У двери в конце коридора, слышались мужские голоса.

– Зассыт, – произнес чей-то бодрый бас.

– Уже пошел, – ответил усталый сиплый голос.

– Ждем еще минуту и с тебя пятикат.

– Мы так не договаривались! Получишь, когда обратно выйдет.

«Не понял, – подумал я, – это они меня ждут?»

– Тридцать секунд! – снова заговорил бас.

– Вот почему у нас камеры только у лифта? Не видно же ни хрена, – ответил второй голос.

– А так было бы не неинтересно.

– Ты давай тише, вдруг услышит!

– Да не гони! Он вернется.

– Знать бы куда...

Я открыл дверь и вошел в небольшое помещение. Один из охранников сразу отдал честь. Второй, смотревший на наручный механизм, среагировал также спустя секунду.

– Вольно, – сказал я сухо. – Не ждали?

– Так точно.

– Я же сказал, вольно! Говори нормально, как до этого говорил. Чем вы тут занимаетесь?

Охранники переглянулись.

– Отвечать! – приказал я хорохорясь.

Басистый мужчина неловко пожал плечами и сказал:

– Понимаете, какое странное дело выходит... мы тут уже два месяца охраняем.

Охранник начал испуганно озираться, затем опустил голову.

– И что? Говори! – сказал я нетерпеливо.

– Можно говорить.

– Понимаете, элитное подразделение, годы штатных тренировок, боевой опыт. К разным ситуациям готовились... –

затараторил он виноватым голосом. – Только не к таким, – охранник развел руками. – Здесь вообще ничего не происходит! Периодически открывается лифт, и оттуда выходят люди в черных очках. Некоторые молча выходят, а другие... понимаете, ну, как вы... – чудные. Простите.

– Ничего, продолжай, – сказал я, кивая.

– Крадутся по коридору... тихонько так. А затем возвращаются. А чаще и не выходят даже. Лифт закрывается и все – человек уезжает. Мы даже подумали, что это розыгрыш какой-то. Каких предположений только не строили...

– А какие еще варианты были? – мне стало интересно.

Второй охранник с сиплым голосом стоял молча, опустив голову.

– Ну, – отвечал басистый, – например, мы предположили, разумеется в шутку, что люди по коридору приходят из другой вселенной – и все никак не решатся пойти на контакт. Или, вот, на днях возникла идея, что это какой-то эксперимент: вас выращивают в теплице, учат говорить и выпускают на волю. Ерунда, конечно...

Самое унижительное в этих гипотезах было то, что они чем-то походили на правду. Еще, я вдруг понял, что передо мной вполне адекватные, разумные люди. Хотя, к «нашим» так близко других бы и не подпустили.

– Хочешь знать, кто я, и откуда пришел?
– спросил я.

– Спрашивать не положено, – спокойно ответил охранник.

– А хочешь, сам скажу? – спросил я

неискренне, глядя охраннику в глаза.

Тут заговорил сиплый:

– Простите – нам не положено.

Я понял, что у парней могут возникнуть проблемы, учтиво попрощался, и пошел к выходу. «Значит, я не один такой. А что побуждает других выходить в город? Любопытство? А что останавливает? Зона комфорта?»

Некоторые наставники, не смотря на всю нелюбовь к поверхности, поощряют вылазки в мирской город только потому, что привязанность к зоне комфорта у нас в Цитадели со времен смуты и упадка считается чем-то вроде смертного греха. Под зоной комфорта мы понимаем персональное привычное окружение, где происходят относительно предсказуемые явления. Наставники утверждают, что все

привычное и знакомое, хоть и позволяет ощущать комфорт, но при этом убаюкивает сознание и притупляет восприятие. Считается, что нашей психике точно так же, как и нашему телу, для поддержания тонуса и дальнейшего развития, необходим умеренный стресс, иначе психические функции атрофируются, и человек попросту тупеет. Так говорили наставники, и это казалось логичным.

Пожалуй, думал я, именно привязанностью к зоне комфорта можно объяснить эту скованность, которую мы испытываем при вылазке на поверхность в непредсказуемый мегаполис. Однако же проживание в мирском городе само по себе не избавляет мирян от увязания в персональных аквариумах... Ведь для большинства из них зона комфорта

сужается до наличия удобного диванчика и прохладного пивка из холодильника. Следуя такой дорожкой не сворачивая, мирянин спивается, теряет работу, семью, дом и становится представителем самой низкой касты – бомжом... ибо стены этой пропасти скользкие, а спасительные наросты – острые, покуда разум пребывает в тумане.

А наиболее наглядно этот процесс самочинного отупления происходит с сектантами: люди бегут от жизни, в узкую зону комфорта очередного лжеучения. Там они варятся в своих маленьких трясилах сектантского микросоциума, пока не утопнут, или снова не сбегут, теперь уже назад – в социум. А сколько от себя не бегай, далеко не убежишь, – я снова вспомнил о проекциях. –

Обещанное настоятелями сект коварное «просветление», заманивает наивных искателей в ловушку духовных иллюзий, а после посылает далекие приветы из космоса, намекая на свою вечную и запредельную недоступность.

Я помню, как Вальтер говорил, что зона комфорта – это наркотик, который позволяет человеку сидеть в уютном болоте под кайфом собственных заблуждений. Когда действие наркотика ослабевает, некогда привычный мир начинает казаться колючим и страшным, так как уже не влезает в сплюснутый аквариум наркомана, посаженного на свою тепличную «безопасность».

Выход за пределы зоны комфорта – это всегда шаг в новое состояние, где нет привычных психических опор. Наставники

советуют делать такие шаги не спеша, потому что крутые перемены вызывают психическую дезориентацию, плотно заряженную тревогой. Здесь, как и в спорте, главное – не переусердствовать.

Не привязываясь к зоне комфорта, мы ее расширяем, и со временем удовлетворенно обнаруживаем, что некогда сложные вещи, становятся простыми и понятными. Памятуя об этом эффекте, я думал о предстоящей вылазке в город прагматично, предвкушая полезный эффект.

Вальтер однажды сказал, что когда человек не бежит от себя, его зона комфорта теряет пределы, и комфорт освобождается от ограничивающих зон. Размышляя об этом, я вдруг понял, что, в сущности, зона комфорта – это сборник

устоявшихся проекций, за которые цепляется ум. Получается, когда я боюсь вылезать из зоны комфорта, на самом деле я боюсь тревожить собственные представления о жизни. Я боюсь разрушения своих драгоценных иллюзий о самом себе...

Обучение в Цитадели удивляло своей нежданной целостностью. Каждый новый урок был похож на недостающий пазл, который дополнял общую картину понимания, состоящую из ранее полученных знаний.

Моя «одиссея» по городу начиналась с торгово-развлекательного центра Babylon. Такого количества людей в одном месте я раньше никогда не видел. Это пугало и завораживало одновременно. Мирской ТРЦ сам по себе казался

маленьким городом с аккуратными улочками, обставленными миленькими скамеечками, клумбами, фонтанчиками и прочим благовидным декором. Такой картины я не ожидал. Со всех сторон были торговые лавки, кафешки и всевозможные развлекательные заведения, по которым сновали сотни, если не тысячи людей. Миряне передвигались лениво, будто в трансе, заползая и выползая из бескончаемых лавок. Кажется, на меня совсем никто не обращал внимания – все были погружены в свои лениво-праздные заботы.

Рядом с продуктовым супермаркетом, я заметил молчаливое собрание банкоматов и сообразил, что мне понадобится местная валюта. В здешних расценках я совершенно не разобрался.

Единственной подсказкой для меня была информация о том, что богачей тут называли миллиардерами. Немного подумав, я решил, что для начала хватит и пары миллионов.

На экране высветилось сообщение о превышении максимального лимита на снятие наличности. Я активировал обходной протокол карточки, и банкомат с небольшими паузами начал выплевывать деньги порциями по двести тысяч. Когда мои руки наполнились, я распихал банкноты по карманам, а банкомат все не унимался. «И как миряне сами не понимают, насколько неудобны бумажные деньги?»

За спиной послышались возгласы:

– Ни хрена себе!

– Ты только посмотри!

– Молодой человек, что вы сделали?

Пол вокруг был усыпан бумагой, и деньги продолжали вываливаться, опустошая банкомат. Послышались новые потрясенные восклицания:

– Надо вызвать полицию!

– Не надо никого вызывать!

– Сбой системы...

Отчего-то приличные люди не торопились расходиться, и толпились рядом, большинство – как вкопанные, и зачаровано смотрели на сие представление, поневоле мною разыгранное.

«Пусть сами разбираются, – решил я и стал удаляться».

– Держите вора! – слышался женский голос за спиной.

– Заткнись, дура! – ответил ей какой-то

мужчина истошным тенором.

– Ой, мамочки! Ой, что такое!

Пока я отдалялся, было слышно, как позади началась какая-то балаганная возня. Доносились голоса множества людей, переходящие в крики и вопли.

«Все-таки они варвары, – подумал я.»

Бар «Muḥamed's барокамера» показался мне своеобразной инвольтацией прохладного арабского уюта в лоне вялой мирской суеты. Стены и пол покрывали толстые восточные ковры, усыпанные узорчатыми подушками. На низких столиках стояли кальяны и чаши с сухофруктами, вездесущим рахат-лукумом и пахлавой. С потолка на толстых цепях свисали золоченые лампы, похожие на миниатюрные дворцы с куполами. Я снял туфли и пошел по

ковру, выискивая глазами девушку в черном платье с шифоновым шарфом на шее.

Соня сидела на ковре в позе по-турецки рядом с рыжеволосой веснушчатой девушкой в длинном клетчатом платье и оранжевых гольфах. Напротив них также на полу у стены уложенной подушками располагались трое мужчин. Сидевший посередине казался как бы зажатым между двумя другими мужчинами и столом. Под глазом у него был свежий чуть розоватый синяк. Двое других оживленно беседовали.

– Не, ну а что? Он же сам сказал – надо действовать! Сам сказал, что нытьем ситуацию не спасти! И этот поддакивал! – и плотный мужчина лет тридцати в дорогом пиджаке положил руку на плечо,

сидящему рядом с ним парню с синяком.
– Сами же видели! Вот скажи, Петр? – он обратился к рыжеволосой девушке.

– Во всех красках, – подтвердила она.

– Я чуть из монитора не выпала... – вставила Соня, и они рассмеялись.

– Салам алейкум! – обратился я к компании.

– Алейкумассалам! – тут же откликнулась Соня.

Плотный мужчина встал и протянул мне руку.

– Бегемот, – сказал он.

– Бот, – ответил я, пожимая руку.

– Ты все-таки пришел... – Соня взлетела, подошла ко мне, и неожиданно, будто соскучилась, обняла меня за шею, на две секунды прижавшись щекой к моему воротнику, затем вернулась на место.

– Людовед, – представился курносый молодой человек с синяком под глазом.

– Сундук, – сказал третий, – усатый мужчина в черном сюртуке.

– Лица, – клюнула рыжеволосая девушка.

– Еще Душелюб приходил, – сообщила Соня. – Но ты его не застал. Он уже ушел. Верней – убежал.

– И чего ему не понравилось? – запричитал Бегемот, – классный бар! Правда, Эдвард? – он обратился к Сундуку.

– Я думаю, – заговорил тот задумчиво, – его смутило что-то другое... Быть может, он не привык сидеть на полу? – и Сундук-Эдвард почесал подбородок.

– Да нет же, – возразила Соня, – после того как ты, Бегемот, ему в лоб дал, он

сразу вспомнил, что скоро начинается любимый сериал по ящику.

– А-а, ну, тогда понятно! – одобрительно закивал Бегемот.

Соня показалась мне в чем-то странно похожей на меня самого, словно мы были с ней одной породы. И от этого неуловимого сходства у меня создавалось самонадеянное ощущение какого-то эксклюзивного права на близость с ней. На всякий случай я сразу обесценил это ощущение как очередную галлюцинацию.

Я коротко поклонился, и пошел к барной стойке. «Дело сделано». Я собирался заказать компании хорошего вина и поскорей убраться. «Народ интересный, заметил я про себя, но есть дела и поважней». И тут ко мне

подошел Бегемот.

– Простите уважаемый, – обратился он ко мне, – у меня язык не поворачивается называть вас ботом.

– Отчего же? – насторожился я.

– Я вот вижу у вас кольцо на пальце – интересное. Я такие уже видел, но все были поддельными. А это кажется настоящим.

На моем мизинце была золотая печатка ученика пси-корпуса. Откуда этот варвар мог знать о происхождении кольца, я понятия не имел, и полагал, что это какая-то ошибка.

– Только вы не пугайтесь...

– А чего мне пугаться? – удивился я.

– Совершенно нечего, – сказал он осторожно. – Возможно, вы слышали про общество кукловодов? Иногда я

вращаюсь...впересекающихсякругах...

– Я в политике плохо разбираюсь, – честно сказал я.

– Понимаю-понимаю, – ответил он, – кто же в ней сегодня разбирается... Знаете, – продолжил он, – один очень влиятельный человек мне как-то поведал, что есть в Интернете некий сайт – ничего особенного, на первый взгляд – фрейдистский клоповник, но туда заходят представители исходного ресурса, – он сделал удивленные глаза. – Представляете? Я нанял специалистов, которые, программировали систему безопасности для PayPal, чтобы ребята для меня отслеживали посетителей этих психологических яслей. Я плохо в этом понимаю, но как только вы зашли в сайт, мне сразу раздался звоночек. Ваши

координаты, как мне сказали, отследить не удалось. В этом и состоит разгадка. В нашем обществе не бывает людей без координат. Но вы...

– Просто детектив какой-то! – перебил я, и подумал, что гнать дуру большого смысла не имеет. Про кукловодов я краем уха слышал. Эти нахальные миряне были частично посвящены в курс дела, и возомнили себя тeneвым правительством – посредниками между модераторами и простыми смертными.

– Я хотел сказать, – продолжил он, – что если скромный нефтяник может сделать что-нибудь полезное для всеобщего блага, или, возможно, для вас лично...

– А что вы называете всеобщим благом?
– мне стало любопытно.

– Я не смею рассуждать о том, что

является благом, а что – нет...

– Но действовать ради этого мифического блага вы, тем не менее, готовы.

– Готов всей душой! – сказал он с мольбой в глазах.

– Мне кажется, вы просто ищете покровительства, чтобы не сливать тендеры. Иначе наличный замок нехватит, – сказал я и подумал о разноликости калибров зоны комфорта.

– Я ценю и уважаю прямолинейность, – ответил Бегемот. – Разумеется, вы правы. Но есть и другая причина. Вам, наверное, будет сложно мне поверить, но я на самом деле не очень-то интересуюсь дальнейшим развитием своего материального благополучия. Я просто не вижу конечного смысла в этом

нескончаемом финансовом копошении. Все это – какое-то бессмысленное переливание из пустого в порожнее. И если в этом мире есть что-то еще... каким бы оно ни было, я хочу это увидеть! – говорил он убедительно, с волнением и надеждой в голосе.

Я внимательно посмотрел на этого нефтяника-Бегемота. Его округлое лицо казалось добрым и одновременно сильным. Молодой невысокий мирянин говорил, как истинный модератор мира. Именно это безудержное любопытство отличало всех нас без исключения.

– А как вас зовут? – поинтересовался я.

– Серафим, – ответил он, и снова протянул мне свою ручищу. – Можно просто – Сема.

– Сема, я вас услышал, а сейчас, к сожалению, мне пора.

– Не смею задерживать, – безропотно ответил он.

Уйти по-английски не удалось – у самого выхода меня окликнула Соня:

– Эй! Ты что, уже уходишь?

– Да, – я виновато улыбнулся.

– Зачем ты приходил? – в ее голосе промелькнула обида.

– Хотел убедиться, что ты – реальная.

– Убедился? Так быстро? – спросила она с сомнением.

Я кивнул.

– И как? Реальная?

Я посмотрел на нее внимательней, и только сейчас заметил, каким красивым было ее лицо – такое лицо, которое сначала кажется невыразительным

только потому, что на нем нет абсолютно ничего лишнего. Затем, ты вдруг замечаешь, какая тонкая безупречная красота таится за этой неприметностью, и удивляешься своей «находке». Улыбка Сони искрилась сладким нектаром блаженства, который хотелось выпить без остатка. «Какой странный вечер...»

– Ты – самая реальная девчонка, их всех, что я знаю, – сказал я, и быстро удалился. «– Мартовский заяц, позвоню тебе позже, – я мысленно обратился к ней. – Сейчас надо ехать к отцу, пока он снова не пропал в своем интеллектуальном бомбоубежище».

Не смотря на то, что небо затянули тучи, с непривычки свет ударил мне в глаза, и несколько секунд я ничего не видел. Черные очки помогли прозреть.

Мирской мегаполис, не смотря на хорошее освещение текстур, казался все таким же мрачным и пыльным. На лицах людей я улавливал печать тревоги и разочарования.

До встречи с отцом оставалось совсем немного времени – мне следовало торопиться. Я произнес вслух: «Транспортник. Ресторан «Уроборос». И тут до меня, вдруг, дошло, что здесь на поверхности эти команды не работают. «Как же я мог быть так неосмотрителен...» Я мог вернуться в Цитадель. «Но когда я снова увижу отца? Я должен узнать как можно больше о 2И». Любопытство было единственным чувством, которое я не был способен контролировать ни в коей степени. Так было со всеми модераторами. Должно быть, это

передавалось с кровью.

– Транспортник, – я снова произнес вслух механически, надеясь на чудо.

Я чувствовал, как подкатывает обида. «Ну уж нет, с обидой как-нибудь справлюсь».

Я стоял на улице, а мимо меня шли люди. Все это было похоже на чей-то глупый сон. Мои очки преломляли свет солнца. Люди смотрели сквозь меня, куда-то в пустоту. «Какое-то сонное царство, думал я. Насколько же это удивительно, что посреди этой аномальной нормальности повседневной жизни существует 2И». Вся мирская жизнь казалась каким-то заблудшим прошлым на усопшей земле, по которой бродили спящие мертвецы. Парадоксальным образом, на холодный разум машины в моем сознании ложились

проекции чего-то истинно живого и незапятнанно чистого.

– Простите любезнейший, – я обратился к пожилому мужчине в старой шляпе, – не будете ли вы так добры, подскажите, пожалуйста, как я могу вызывать транспортник до ресторана «Уроборос»?

– Что? Как вы сказали?

– Уроборос, – повторил я.

– Таких не знаю, – отвертелся мужчина.

– Благодарю.

Почувствовав себя дураком, на сей раз, я решил потревожить кого-нибудь по моложе. Пожилые миряне, как я слышал, часто теряли рассудок и способность к здравомыслию.

И тут я снова увидел Соню с Ликой – эти лучи надежды исходили из торгового

центра под ручку как раз в моем направлении. «Снова случайность?».

– Соня! Привет еще раз... – сказал я, подходя к ним.

– Ну, привет, – ответила она хмурясь.

– Ты не знаешь, как вызвать транспортник до ресторана «Уроборос»?

– Что вызвать? – удивилась она. Лика шепнула ей что-то на ухо.

– «Уроборос»? – переспросила Соня. – Это же кошерный ресторан на окраине. Знаю такой – там важные перцы лакомятся.

Во мне зажегся огонек надежды.

– Предлагаю продолжить наше общение именно там, – сказал я, не раздумывая.

– А чего тебе в баре не сиделось? – она недоверчиво оглядела меня с ног до головы.

– Заяц, в баре было слишком много бегемотов... – я апеллировал к ее нику, напоминая, что я – тот самый Бот, ее виртуальный друг, а не какой-то незнакомец с улицы. И видимо, это сработало.

Она улыбнулась и, поколебавшись несколько секунд, что-то шепнула подруге.

Лица нахмурила брови. В ее завистливо осуждающем взгляде как бы читалось: «а ты хорошо подумала, прежде чем совершить такой постыдный поступок, и пойти с этим незнакомцем?» «Опять проекции, – подумал я».

Она, чмокнула Сою в щечку и направилась назад – в торговый центр, откуда мы пришли.

– Как тебя зовут-то? – спросила Соня.

– Тэо, – ответил я.
– Еще один ник?
– Эм-м, да... прозвище такое, – соврал я.

– А зовут как?

– Теодор, – снова соврал я.

– Ясно. Сразу поняла, что ты иноподданный туземец, – сказала она. – «Тэо» мне больше нравится.

– Соня, как быстрее всего добраться до «Уробороса»?

– Быстрее всего – две станции на метро, а потом запарить водилу. Скотовозы туда не ходят, – ответила она суховато.

Зачем парить водилу, и почему скотовозы не возят, а ходят, мне было неясно, но общий смысл я уловил.

– Ты паришь, а я – оплачиваю, – сказал я.
Соня кивнула.

– Ну, идем, Тэо.

Глядя на Соню, я восхищался красотой собственных проекций, которые наслаивал на холст ее внешности. Она была немногословной – говорила короткими, меткими фразами и по делу. А своей богатой и удивительно живой мимикой она выражала больше, чем иной человек мог сказать целым абзацем слов.

– А ты откуда, Тэо? – спросила она, пока мы шли до станции.

– Из торгового центра, – ответил я честно.

– Сбежал с прилавка?

– Да, погулять вышел.

Соня улыбнулась. Я был рад, что на этом расспросы закончились, и мне не пришлось ей снова врать.

– Спешешь? По делу? А ничего, что я с тобой и в готском платье?

– Мне туда нужно к часу. А платье – тебе очень идет.

– К часу опоздаешь.

– Не хотелось бы.

– Что-то важное?

– Скорей – занимательное.

Мы подошли к огромному мужскому туалету, и я, было, смутился, но как оказалось, это был проход на станцию метрополитена. Я имел представление об этой разновидности транспорта, и почувствовал облегчение, спускаясь под землю на эскалаторе. Кроме того здесь был знакомый приятный сырой запах гидроизоляционной пропитки грунта. А вот шум подъехавшего состава меня заставил понервничать – такого грохота

в Цитадели я никогда не слышал.

Во время движения вагона, я закрывал глаза и представлял, что стою посреди огромного водопада. Затем, я слушал, как вагон ускоряется, и мне мерещилось, что я несусь в бесконечности со скоростью метеора. Наигравшись этими проекциями, я повернулся к своей прекрасной спутнице. Соня тут же ответила—повернувшись, она посмотрела на меня с загадочной полуулыбкой, затем, видимо смутившись, отвела взгляд и улыбнулась шире — казалось, внутри нее расцвело нечто волшебно-лучистое, покрывающее своей свежей лакомой миндально-карамельной аурой все ее тело, одежду и даже небольшой радиус нашего громыхающего пространства.

«Проекции?! А может все дело в

том, что в себе я такие «цветочки» принимать не готов, но вот в форме этой персонифицированной в Соне женственности...»

Напротив нас сидел мужик с антикварным магнитофоном в руках, из которого доносилась органная музыка, и я был рад, что косились на него – значит, я неплохо сливался с толпой. Вообще, мне давно стало ясно, что как бы человек не чудил, главное – делать это уверенно, словно так и должны поступать все нормальные люди – тогда все сходит с рук.

Когда мы вышли из метро, Соня небрежно приподняла руку, и рядом с нами тут же, как по команде остановился автомобиль с шофером. Это произошло так быстро и естественно, словно нас поджидали.

«Чего-то во всей этой мирской жизни я недопонимал».

Когда мы уселись в машину, в моем кармане завибрировал телефон.

– Ты передумал? – это был мой отец.

– Я скоро подъеду, – сказал я. – Сильно опаздываю?

– Уже опоздал. Ждать не стану, – и он положил трубку.

Что-то внутри меня перевернулось, и я почувствовал, как пространство начало заполняться терпкой бессмысленностью. «Получается, я напрасно потратил время? Но как же все эти размышления о пользе выхода из зоны комфорта? Конечно же, все не зря, – уговаривал я себя».

– Ты как будто приуныл... – заметила Соня.

И тут я понял, что еду в машине с

незнакомой девицей по чужому городу
черти куда...

– Встреча не состоится – поговорить не
удастся, – ответил я машинально.

– Погоди-ка, – сказала она, – так у тебя
там приватный конверсейшн намечался?
А с какой же радости ты интересно меня
позвал? Ты что же это, собирался меня
одну оставить?

Я заметил, что когда Соня хмурилась,
или теряла в себе уверенность, в ее речи
то и дело проскальзывали жаргонизмы.
«Какая интересная защитная реакция».
А особой пикантности речи придавало
дикторское произношение с легким
оттенком шепелявости.

– Я, как-то – необдуманно... –
оправдывался я.

– То есть сдуру, – уточнила она. – А, по-

моему, ты, Боттичелли, все продумал. Ты просто решил купить меня, как индийского гида... за еду.

– Вообще-то... – я, было, хотел возразить, но передумал. – Вообще-то, сейчас я в твоём полном распоряжении.

– Тары-бары отменились, и теперь он стал правильным и пушистым, – она отвернулась в окно.

В этот момент я непроизвольно взял её за руку. Таких повадок у меня никогда не было, но в этом жесте не было флирта. А может и был, но настолько естественный, что я не испытывал никаких неудобств.

Мы несколько секунд молчали, затем она мягко сняла мою руку и сказала:

– А как ты будешь меня развлекать? Только, пожалуйста, без налипаний и мозгоклюйства. Я вообще, если

разобраться, тебя реального толком и не знаю.

– Угу. А на счет развлечений, ну... говорят – я неплохой собеседник.

Соня ответила недоверчивым взглядом.

Когда мы подъехали, я увидел, что здание ресторана выполнено в форме огромной рептилии с разинутой пастью, напоминавшей помесь дракона и крокодила. Видимо Уроборос еще не успел укусить себя хвост, но судя по выражению его морды с выпученными глазами, от приступа самоедства он был недалек. Чтобы попасть внутрь, мы прошли по окаменевшей гортани чудовища, и оказались посреди огромного зала. Внутренности Уробороса были оформлены в знакомом стиле офисных

помещений TotalRobotics: бирюзовые стены разделяли белые и серые полосы, а сквозь стеклянный потолок, проглядывало пасмурное небо мирского мегаполиса. От знакомых очертаний мне стало комфортней.

– Неловкая тема, – сказала Соня, листая меню. – Ты хотя бы примерно представляешь, какие тут расценки? Когда цифры не указаны, – это означает полный запредел. Я если что, могу подсобить.

– Этого хватит? – я небрежно вытащил помятую пачку банкнот из кармана.

– Да, – она расширила глаза, – этого хватит.

К нам подошел мужчина в черном костюме с бабочкой, поклонился одной головой и произнес:

– Тэо Михайлович, очень ряд, что вы нас посетили. Для вас все блюда – за счет заведения – сегодня и всегда. Когда будете готовы сделать заказ, только кивните.

И мне вдруг стало приятно осознавать свое положение в обществе. Судя по всему, так на мое самолюбие воздействовала Софья, и с этим было пора что-то делать. Однажды я уже влюблялся – больше так вляпываться мне совсем не хотелось.

– И кто же ты такой, Тэо Михайлович?
– удивилась она.

– Давай тему сменим, – попросил я.

– Ладно. А почему ты бумажником не пользуешься?

– Для хранения бумаги?

– Да.

– Я бумагой обычно не пользуюсь.

– Что, везде такая же халява? – Соня приподняла брови. – Хотела спошлить про бумагу... не к месту.

Глядя в меню, я увидел знакомые названия блюд – я догадывался, что пицца сюда поставляется прямиком из Цитадели. Когда мы подозвали официанта, Соня сделала заказ:

– Два коктейля: райский пепел и фруктовую вечность. Еще, – она перелеснула страницу меню, – чизкейк без коржа, – Здесь фантастические десерты! – оправдалась она.

Мы долго общались на отвлеченные темы, и постепенно ко мне подкралось непрошеное, приятно-волнующее ощущение, что я – на свидании. И кажется, собеседница это чувство сомной

разделала. Странное дело, я чувствовал себя с ней удивительно непринужденно, будто мы знали друг друга уже целую вечность. Два часа, как в воду канули, не оставив в памяти ничего, кроме радужной россыпи блаженных предвкушений. Мы заказали еще несколько блюд, пообедали, затем вызвали такси. Я доехал с Соней до ее дома с высокими кирпичными стенами. Открыв дверь такси, я подал ей руку, и как-то наудачу удивительно непроизвольно поцеловал ее в щеку. Соня коротко улыбнулась и сказала:

– Ну, до связи, Тэо Михайлович.

Дежавю

За сорок четыре дня до озарения

По совету Вальтера за разъяснением своих загадочных переживаний я обратился к старшему наставнику. Рафаил был высоким сухощавым дядей с широкими плечами и аристократически-утонченным лицом. Его взгляд казался теплым, но огромные черные глаза пугали своей глубиной. Он был одет в старый серый пиджак и бежевое поло. В его кабинете было очень светло и как-то по-дзенски просто. Небольшой антикварный столик окружали два кресла и кушетка. На стене было несколько полок с хаотично разбросанной восточной утварью.

Рафаил бегло с какой-то неожиданно ошарашенной сосредоточенностью

(чему я в тот день не придавал никакого значения) осмотрел меня, и сразу отвернулся, уставившись куда-то в пространство, словно опасаясь потревожить меня своим взглядом. Он вежливо предложил мне на выбор кушетку, или кресло. Мне почему-то подумалось, что кушетка предназначалась для особо проблемных посетителей, и я выбрал кресло.

– Тэо, общение можно начать с любой темы, – собранно заговорил он. – Не нужно беспокоиться о том, насколько подходящей для разговора эта тема является. Не нужно переживать о том, как и что ты говоришь. Общение со мной – это не тест и не экзамен.

Мне стало немного не по себе – я сообразил, что к Рафаилу приходят за

решением серьезных проблем, а меня, по сути, привело любопытство. К тому же где-то я допускал, что мой запрос был лишь поводом для привлечения высококочтимого внимания к собственной персоне. Но какая-то часть меня, казалось, подспудно понимала (или обманывалась такой мыслью?), что внимание это необходимо для раскрытия чего-то по-настоящему важного. И раз уж наставник сам пояснил, что говорить можно на любую тему, я не стал юлить и обратился прямо:

– Сэмпай Рафаил, – заговорил я уважительно, – я в последнее время часто переживаю дежавю. Вот, хотел узнать, что это такое – дежавю.

Поеголицусно васкользянуло удивление. Рафаил секунду сверлил меня взглядом,

затем ответил:

– Дежавю – такое переживание, когда ты осознаешь, что это мгновение с тобой уже происходило.

– Это понятно, – согласился я. – А какова природа дежавю?

– Это... – он снова внимательно посмотрел на меня, – проблеск той части твоего «Я», которому прямо сейчас доступно полное осознание времени. Поэтому и возникает такое ощущение, будто ты это уже видел.

– Это что-то типа ясновидения? – удивился я.

– Таким типом ясновидения могут пользоваться только просветленные умы. А нам остается лишь удивляться кратким проблескам.

– То есть, я не совсем понял... это что,

как-то связано с природой времени?

– Дежавю – это беглый взгляд в реальность, где все, что было и все, что будет, существует в одно и то же время – в момент, который мы называем словом «сейчас», – непринужденно ответил он.

«Ох уж это «сейчас», – подумал я негодующе. – Чего к нему только не приплетают...»

– То есть, будущее и прошлое существуют где-то в параллельном измерении? Они есть сейчас, но где-то «там»? – я поднял взгляд к потолку.

– Вполне уместная аналогия, – кивнул Рафаил.

– Это действительно так, или это какая-то философия?

– Ты же сам сказал, что переживаешь дежавю, – насупленно заметил он. – Вот

и разберись, переживаешь ты его, или это какая-то философия...

– Да, но я не думал, что все так устроено...

Меня настолько удивила эта информация, что речь моя стала путаной. Рафаил предложил мне чашечку чая, и я согласился. Он достал из комода антикварный заварочный чайник, и начал засыпать в него разные травы из бумажных пакетов по какой-то старинной технологии. Меня эти манипуляции не удивили – я несколько раз видел, как отец схожим образом сам (то есть без помощи робота-помощника) заваривал чай.

– Это не наркотик? – спросил я на всякий случай, ожидая привычного от наставников ответа с усмешкой, или наездом.

– Попробуй... – вкрадчиво предложил он.

Я осторожно поднес ладонь, прикоснулся к чашке и ощутил приятное, уютное тепло. Сделал глоток, еще один. Тепло и свежесть растеклись по телу, ободряя сознание. В чашке был горячий травяной чай из листьев вечнозеленого кустарника с легким цитрусовым оттенком с лимонным сорго и грейпфрутом. Химических примесей я не почувствовал.

– Дежавю, – продолжил Рафаил – это прямой взгляд истинного «Я» из вечности на тот «кадр» твоей жизни, когда это самое дежавю с тобой случается.

На сей раз мне показалось, что я понимаю, о чем говорит Рафаил. «Хороший чаек, – подумал я».

– Получается, ясновидящие видят реальное прошлое и будущее?

– Ясновидящие, – отвечал Рафаил, – как правило, ясно видеть – неспособны. Воспринимать за предельность напрямую – самое сложное занятие, какое может быть. Обывателя такие вещи могут травмировать, или даже свести с ума. У ясновидящих «проблески» происходят либо спонтанно, либо через буфер подсознания, потому что смотреть на за предельность без защитных психических механизмов – смерти подобно.

– А в чем опасность? – спросил я. – И еще, вы сказали, что ясновидящие не ясно видят. Это как? – я понимал, что задавать второй вопрос, не дождавись ответа на первый – дурной тон. Но мне

хотелось поскорей получить все ответы. А Рафаил подавал себя так снисходительно терпеливо, что мне начало казаться, будто ему и вправду нравится нянчиться с бестолковыми студентами пси-корпуса. Искушению злоупотребить такой безусловной добротой во мне ничто не препятствовало.

– Тэо, ты ведь знаешь, что такое проекции...

– Еще бы! Наш наставник на этой теме зациклен. Удивляюсь, как он умудряется говорить об одном и том же каждый раз по-разному.

– А ты поинтересуйся у Вальтера причиной этой зацикленности, – предложил он. – Это к вопросу о безопасности. А что касается ясновидящих. Тут, как бы тебе это

получше объяснить... Представь, что твоя жизнь – это фильм, записанный на старую киноплёнку. Но этот фильм про тебя – не единственный. На складе у директора кинокомпании – целая кипа таких киноплёнок о тебе. Все они разные, но существуют сейчас – на его складе. Так вот, иногда ясновидящий подсматривает за сюжетными линиями из разных фильмов, и тогда его видения относительно твоего текущего фильма, кажутся ошибочными. То есть, видит-то он реальную запись, и кино это – реально про тебя. Просто это другой фильм, с другим сюжетом и другой концовкой. А ты в это время думаешь: «ну вот, шарлатан – предсказания не сбываются».

– Примерно понимаю, – сказал я, – надо, наверное, ещё уметь различать какие

видения, к какому фильму относятся.

– Да, примерно так. Это нелегко понять. На самом деле, пока не переживешь, не поймешь.

– А как это пережить?

– У тебя же бывают проблески...

– А как насчет просветленных? Вы сказали – они могут пользоваться этим типом ясновидения.

– У просветленного дежавю длится непрерывно. Такой человек ощущает насколько мистически-древним, и одновременно свежим является настоящий момент времени. Он способен смотреть фильмы, не теряя себя в них, не забываясь в калейдоскопе образов. Но если за такое всезнание происходит цепляние, просветленный снова уходит в проекции, и забывается в иллюзиях.

Жизнь похожа на кино, Тэо, – сказал он будничным тоном.

– Получается, я сейчас кино смотрю? Про свою жизнь?

– Ага. Вот только не стоит путать зрителя с актером на экране.

– Но у меня ведь есть выбор, я действую...

– Выбор есть у актера – это часть сценария.

– Какой фатализм... – мне стало грустно.

– А в чем заключается иллюзорность? То есть, почему жизнь все-таки кажется такой настоящей?

– Именно, что кажется. Тебе кажется, что ты живешь в трехмерном мире, где есть страны и города, и сам этот мир от тебя не зависит. Конечно, ты понимаешь, что от тебя зависит восприятие мира. Но ты

думаешь, что сам мир при этом остается кругом земли, на котором расположены фигурки домов, машин, людей и прочей живности. Эти твои представления – обманчивы.

– А в чем обман?

– Мир, в котором ты живешь – это «текстуры», которые генерирует твоя психика, – продолжал он непринужденно-кухонным тоном. – Ты непрерывно воссоздаешь эту реальность. Но воссоздавать ее полностью, со всеми городами – нет никакой надобности. Чтобы иллюзия казалась привычной явью, тебе достаточно генерировать только те ощущения, которые попадают в фокус твоего внимания. И если бы ты мог обернуться, обманув этот механизм, то увидел бы, что за твоей спиной – мира

не существует.

– А что там – за спиной?

– Зияющая пустота.

Я непроизвольно глянул за правое плечо – все было на своих местах.

– Так я и вас придумал? Создал в своем уме? – насторожился я.

– Такой тип вопросов мне хорошо знаком, Тэо, – он снисходительно улыбнулся. – Вроде как, если все является иллюзией, значит, можно хулиганить и бесчинствовать. Мне уже не раз предлагали сесть на раскаленную плиту, раздать имущество, получить по лицу и много чего еще...

– И как вы выкручивались? – в словах Рафаила я ощутил какую-то пугающую грань, которую переступать не хотелось, и я попытался немного заземлить

атмосферу.

– Если эта тема тебе интересна, ты должен научиться разделять абсолютное и относительное.

– Это как?

– В абсолютном смысле реальность – это твой сон. В относительном смысле, у меня – второй дан по тхэквондо и хорошие связи среди мастеров братства, поэтому раскаленные плиты меня не пугают.

«Либо на этой теме он все-таки обжигался, либо и вправду умело предвосхищает мои сомнения, – подумал я».

– Сэмпай Рафаил, а как на счет вас? Являюсь ли я при этом вашим сном? Или все это снится исключительно мне одному?

– Хороший вопрос, Тэо. Но тебя ведь на самом деле интересует другое... Думаю, твой вопрос – о реалистичности иллюзий.

И это правильно. Быть легковерным – слишком легкомысленно.

– Пожалуй. И все же, кто кому снится?
– настаивал я.

– Я бы мог сказать, что жизнь – это мой единоличный сон, и сошел бы за умалишенного. И я бы мог продолжать убеждать тебя в эфемерности мира – и сошел бы за милую иллюзию, которая решила поговорить с тобой о природе мироздания. Еще, можно все свести к обоюдному спектаклю – ты мой сон, а я – твой. Тогда, у каждого человека – своя личная судьба, в своем отдельном фильме. А иногда сюжеты кинолент пересекаются и двое зрителей видят одну и ту же картинку. Но не забывай, что весь этот розыгрыш может быть просто уловкой. Иллюзии не хотят умирать,

поэтому изображают реализм всеми силами. Как видишь – у них неплохо получается.

– Да, – выдохнул я. – без бутылки не разобраться...

– Есть, кстати, еще одна трактовка дежавю, – сказал он, отпивая чаю. – Точней не трактовка, а разновидность. Но это так – забавный слух, который ходит среди наставников пси-корпуса.

– Люблю забавные слухи, а из такого авторитетного источника – тем более.

– В общем, поговаривают, что вселенная была создана, потому что демон, порожденный Создателем, задал ему вопрос: «что такое Бог?». Вся происходящая реальность является ответом.

– Ого! Какая ответственная основательность в подходе к делу!

– Так ведь это же Создатель, а не какой-то местечковый копирайтер на фрилансе, поэтому и подход соответствующий, – степенно пояснил Рафаил.

– А нам отдуваться...

– Наши роли еще не раскрыты.

– А как это связано с дежавю?

– Говорят, что ответ Создателя должен пройти сорок восемь циклов.

– Это как?

– Бог объясняет демону свою природу сорок восемь раз. Сейчас – сорок четвертый. И вторая разновидность дежавю связана как раз с этими циклами – все это уже было, и сейчас повторяется снова. Дежавю – это припоминание одного из прошлых циклов творения.

Я немного поразмыслил над этой концепцией. «Наверное, – подумал я, –

демон не стал бы формулировать свой вопрос таким образом: «что такое Бог?» Скорей всего он спросил так: «ты, вообще, кто такой?!» А Бог уже решил объяснить подходчивей, чтобы неповадно было...»

Мы с минуту молчали и пили чай, затем я задал свой очередной вопрос Рафаилу:

– Получается, если я, скажем, фокусируюсь на кончике носа, в это время существует только кончик носа, а другой реальности нет?

– В общем, да, – подтвердил он. – Фактически внимание – это и есть текущая генерация реальности. Прямо сейчас какая-то часть мира, к примеру, мой голос в твоей голове – генерируется твоей психикой. А тебе мерещится, будто ты обращаешь на эту часть мира внимание. То есть, ты создаешь реальность

небольшими локальными образами. В один момент – это вкус чая, затем – тепло чашки, дальше – ерзание в кресле. А твоей личности в это время мерещится, будто есть огромный мир, в котором она обращает внимание на эти маленькие частности. На деле существует – очень узкий срез «творения», так называемый «причинный план», в котором поочередно с огромной скоростью возникают образы о жизни. Личность не различает процесса возникновения образов – ей кажется, что эти образы – один большой мир. Возможно, тебе будет понятней термин «проекция». В сущности, сама личность из этих непрерывных проекций же и состоит... Личность даже не замечает, что внимание у нее линейно. То есть, в один миг времени ты видишь только

один объект. А личности кажется, что она воспринимает множество вещей одновременно. Внимание очень быстро перескакивает с одного объекта на другой. Настолько быстро, насколько необходимо, чтобы иллюзия никогда не вскрылась. Мастера созерцания учатся фокусировке и концентрации, чтобы вскрыть иллюзию и постичь пустоту.

Рафаил сосредоточенно посмотрел на меня, словно ожидая, что меня прорвет, и я переживу разновидность какого-нибудь сатори. А я чувствовал, что на сегодня с меня хватит. «Грузит он круто – и даже слишком».

– Твои ресурсы небезграничны, – сказал Рафаил, словно понял, о чем я думаю, – поэтому иногда «картинка» становится мыльной. А личности твоей

в это время мерещится, что внимание у тебя притупляется, и пора ложиться спать. «Система» экономит ресурсы, просчитывает исключительно области, попадающие под твое линейное внимание. Его края размазаны боковым зрением. Для расширения сознания нужна энергия – дополнительная мощность. Иначе даже поверхностные пласты информации не поддаются осмыслению, не говоря уже о прямом опыте.

Не дожидаясь, пока я начну искать причины, чтобы откланяться, Рафаил сам предупредительно встал и протянул мне руку.

– Заходи, – сказал он, – у тебя есть ресурс. Сможем поработать.

– Рад знакомству, – ответил я вполне искренне.

Рационализация хаоса

За сорок дней до озарения

– Макс, приведи мне пример человека более умного и продвинутого, чем ты, – попросил Вальтер.

Макс скорчил недоумение и пожал плечами – он видимо оказался перед неразрешимой дилеммой, сходной с той, что предстала перед всемогущим Создателем, когда тому предложили создать неподъемный камень.

– А ты? – наставник обратился ко мне, как это часто бывало – не по имени.

– Ну, – потянул я, – Гумберт Гумберт. Или нужен реальный человек?

– Тяжелый случай... – прошептал Вальтер, видимо намекая на мое психическое состояние.

– А ты, Тим? Кого-нибудь считаешь умнее себя?

– Велиала Мамоновича – главу Total-Robotics, – скромно ответил очкарик.

– Давид?

– Вас, Сэмпай.

– Ладно, – сказал Вальтер, – этого достаточно.

– Это какая-то провокация? – поинтересовался Макс.

– Дискриминация, – рассерженно пробурчала Анна. – Свой голос я отдаю Марии Складовской-Кюри и Ангеле Меркель.

Занятие проходило в небольшой комнате, от которой веяло чем-то мрачновато аристократичным. Мы утопали в кожаных креслах. Перед Вальтером располагался черный

столик с гнутыми ножками, на котором стоял серебряный подсвечник. На стенах, покрытых строгими обоями с редким цветочным орнаментом, висели причудливые портреты в толстых рамках. А между картинами зачем-то были прицеплены зеркала. Видимо и в этом был какой-то свой умысел.

Наши занятия периодически проходили в новых локациях. Кажется, это было как-то связано с усвоением информации. Мы занимались в парках, в огромных концертных залах, где кроме нас не было ни души, в небольших помещениях пси-корпуса, в освещенных гротах и даже несколько раз выбирались на поверхность.

– Отлично, – сказал Вальтер, – вы уже знаете, что мы оцениваем мир собой. Но

как оценить то, что нас превосходит? Как оценить гениальность?

– В деньгах, – предложил Макс.

– Разумеется, – ответил Вальтер. – Но в данном случае я говорю о переживаниях.

– О проекциях, – предположил Тим.

– О них, – кивнул наставник.

– Боже, когда это закончится... – вздохнула Анна.

Вальтер лучезарно улыбнулся, потер ладони и продолжил:

– Люди, которых вы воспринимаете реально как более продвинутых – это ваш потенциал, который покамест прячется в бессознательных слоях психики, – говоря это, Вальтер заискивающе обводил нас взглядом. – Гениальность других людей – это ваша гениальность, которую в себе вы принять и обнажить сейчас не способны,

и поэтому аккуратно опрыскиваете этим амбре, подходящие для сей процедуры, внешние формы.

– То есть, Ангела Меркель – это я? – удивилась Анна.

– Она – твоя проекция, – ответил Вальтер.

– Слышали? – обратилась Анна к группе.
– Если кто спросит про Ангелу Меркель, так и скажите, что канцлер Германии – проекция Анны из семьдесят шестой группы.

– Даже, если ты будешь играть словами именно в таком порядке, модераторы, прошедшие школу, поймут, о чем речь, – настоятельно заявил Вальтер.

– То есть, все выпускники владеют темой? – удивился я.

– Конечно!

– А почему молчат?

– По традиции, истину должны раскрывать наставники, – интригующе произнес наш любимый наставник.

– Я не поняла, – сказала Анна. – Я думала, что проекции – это шизоидная теория фанатичных учителей вроде вас, Вальтер. Почему вы зачисляете ее в разряды истины?

– Анна, шизоидные расстройства возникают как раз по той самой причине, когда человека зашкаливает в приписывании своих проекции внешним объектам.

– А вы говорили, – вмешался я, – что внешний мир – это и есть проекция!

– А ты не передергивай, – огрызнулся наставник, – Анна и без того в этой теме, как в темном лесу.

– Какая мрачная проекция – в темном лесу, – вдруг очнулась молчаливая Хлоя.

– Так что же, получается, – настороженно заговорила Анна, – вы все – моя проекция?

– Только никому не рассказывай, – прошептала Хлоя. – Тшш! – она опасливо поднесла палец к губам.

– Ты всех нас придумала, – многозначительно добавил я.

– Вы что, сговорились? – Анна начинала нервничать.

– Вот уж дудки! – вмешался Макс – он видимо решил успокоить Анну. – Однозначно, вы все моя проекция – уж никак не Анны.

– Я же говорю, теория – шизоидная, – сказала Анна с облегчением.

– А в прошлый раз меня тоже ломало, – включился Давид. – Сейчас-то понятно, что у всех – свои проекции, и все мы – проекции друг друга.

– Какой умный мальчик, – прошипела Хлоя.

– Если никто не возражает, я продолжу, – вмешался Вальтер.

По негласным традициям, во время обучения мы имеем право задавать вопросы. Мы можем не ходить на занятия, но срывать их – ни в коем случае. Наставник может остановить наши обсуждения в любой момент. И мы добровольно подчиняемся. Однако наставники, как правило, ведут себя либерально, попуская свободные проявления наших мыслей и переживаний.

– Мы говорили, – продолжил Вальтер, – о

субъективном восприятии гениальности. Аналогичные процессы происходят во всех аспектах восприятия. К примеру, красивые люди, те самые, что возбуждают сексуальное желание – это скрытая грань вашей психики, которая состоит из энергетики блаженства и красоты.

Я вспомнил Соню. «Надо бы разобраться с этой проекцией, – печально подумал я, – и разобраться опытным путем...»

– А вот человек, который раздражает – это копролит, застрявший у вас голове, – продолжал Вальтер.

– То есть, раздражение, это как хронический запор мозга? – спросил Давид.

– Он самый, – ответил Вальтер. – Осознавать такой позорный конфуз в собственной голове – унинительно,

поэтому человек склонен приписывать запашок от испражнений своего ума конкретно тем людям, в присутствии которых эта неприглядность была обнаружена: дескать, я – то Дартаньян, а вы все – сами знаете кто. Такие трюки проделывает каждый сплошь и рядом.

– И возразить страшно – так ненароком себя и выдашь, – сказал я как бы шутя.

– Своим страхом возразить – ты себя и выдал, – колко ответил Вальтер. – Это – твой смердящий гнойник. Косишь под добряка, а сам просто ссышь давать отпор. Типичный лох.

– Сэмпай, а вы, не переигрываете? Может своих проекций довесили? – ответил я.

На сей раз Вальтер задел меня за живое. Мне и вправду хотелось верить, что я

человек цивилизованный и терпимый к грубости именно потому, что – незлой. Вальтер, по сути, заявил, что причина моей «доброты» – в трусости.

– Я-то довешиваю, а вот ты – ссышь, – сурово произнес он, глядя мне в глаза.

– Это где же? – вмешался Макс, – по моему, Тэо ясно сказал, что вы сами со своим мозгом совокупляетесь.

– Так ясно здесь умеют говорить только два человека, – ответил наставник. – Остальные свой срам тщательно маскируют.

– Какое тщеславие, – монотонно произнесла Хлоя, не отрывая остекленевшего взгляда от личного терминала.

– Так это ж Вальтер про нас с тобой, – самодовольно обратился к ней Макс.

– Я, по-твоему, Дартаньян? – возмутилась она.

– А кто такой Дартаньян? – поинтересовался Ростсилава.

– Какой-то армянский авторитет, – ответил Макс. – Но это не важно. Главное, что мужик был крутой – совсем как я, – он расплылся в улыбке.

– Проекция – главный источник самообмана и всех человеческих заблуждений, – вставил Вальтер.

Сказав это, он поймал мой хмурый взгляд, чуть повел бровями, и, не отводя глаз, продолжил, обращаясь ко мне:

– Пойми, дружок, унижать тебя – мне неинтересно. Моя цель – доходчиво раскрыть тему. Такой мути здесь в каждом – избыток. А про мирян так я вообще молчу.

Я кивнул, хотя, чувствовал, что Вальтер перегнул палку. «Выходит – я тихо согласился только потому, что и вправду не хочу оказывать сопротивления, думал я. Значит, Вальтер был прав во всем». Я несколько минут рефлексировал. Мне вспомнились случаи, когда я таки давал достойный отпор другим людям. И я понял, что в каждом из этих случаев я за кого-то заступался. А вот защищать себя я не умел.

– Ваша мать, или ваш отец, жена, муж, или другой близкий человек – это уникальные оттенки переживаний, – говорил наставник. – Вы не спутаете близкого человека ни с кем другим. Вы отличаете одного человека от другого. Это – отдельные грани вашего бессознательного – пласты вашей

пестрой кармы. Весь тот огромный мир, который вы ощущаете – отражение вашего ума.

– А это тоже проекция? – Анна громко постучала по столу.

– Вещи можно видеть и трогать, – ответил Вальтер. – Но без проекций ума, все это – необусловленный хаос.

– Значит, ум создает порядок при помощи проекций? – удивился Тим.

– В общем, да.

– А как это происходит?

Ответ, как мне казалось, лежал где-то на поверхности, но Вальтер, немного поразмыслив, предложил провести «небольшой эксперимент», и попросил Давида побыть в роли подопытного.

– А почему я? – робко поинтересовался он.

– Ты – единственный, кому я могу довериться в этом нелегком деле, – торжественно ответил Вальтер тоном боевого товарища.

Давид польстился, но как выяснилось уже после эксперимента, он на самом деле среди нас был единственным, кто поддавался гипнозу. Они с Вальтером уселись в центре комнаты друг напротив друга, наставник положил руки на пухлые плечи Давида, и, глядя ему в глаза, начал что-то нашептывать. Это была какая-то специализированная техника наставников пси-корпуса. Спустя минуту Вальтер поднялся, а Давид оставался на месте. Его взгляд зафиксировался в точке, словно он продолжал смотреть на видимый ему одному мираж Вальтера в кресле напротив.

– Когда я дам команду, ты очнешься, снимешь штаны и... – Вальтер чуть помедлил, – наденешь их себе на голову.

Мы с Максом переглянулись – на его лице была озорная улыбка. Тим, сохраняя серьезность, придвинулся к краю парты. Лицо Анны выражало смесь любопытства и осуждения. Даже Хлоя, казалось, наблюдала равнодушно.

Вальтер дал команду, Давид очнулся, и как ни в чем не бывало начал стягивать с себя штаны.

– Ты что делаешь?! – возмутился Вальтер.

– Так надо! – непринужденно ответил Давид.

– Давидик, тебя загипнотизировали – не надо штаны снимать, – попросила Анна.

– Спокойно, – сказал он, – сейчас все объясню.

– Он объяснит, – успокоил нас Вальтер заговорщицким шепотом.

Давид надел штаны на голову, и глядя сквозь ширинку, заговорил:

– В общем, я тут кое-что понял...

– И что же?

– Вот как вы сами думаете, для чего вообще штаны нужны?

– Ну... – с недоумением потянул Вальтер, – без них как-то неприлично.

– Правильно! Штаны – это фиговый лист, который прикрывает срам. Но ведь это иллюзия! Вы сами говорили про хронический запор мозга. Срам – это же проекции в голове! Правильно?

– Правильно... – удивленно кивнул Вальтер.

– Поэтому и прикрывать нужно голову,
– Давид поднял над головой штанины,
словно заячьи уши.

– А трусы! Трусы зачем? – призывно
заметил Макс.

– Свой срам я уже прикрыл, а трусами
я прикрываю ваш срам, который вы
проецируете на мои непорочные половые
атрибуты.

– Это надо записать, – одобрительно
сказал Макс.

– И в кодекс! – добавил я.

– На вашем месте я бы сначала
прикрылся, – сказал нравоучительно
Давид, – как это сделал я. Смотреть на
вас стыдно...

– Серьезные аргументы, – согласился
наставник.

– Жестоко, – оценила Анна.

– Кстати, сэмпай, вы вроде хотели эксперимент какой-то провести... Когда приступим? – спросил Давид.

– А эксперимент уже завершился... – ответил Вальтер с виноватой ухмылкой. – Тебе – плюстик в рекомендацию. Оденься, как было! – брезгливо прикрикнул наставник. – И пройди на свое место. Сейчас все поясню.

– А можно...

– Нельзя!

Пройдя на свое место, Давид стянул штаны с головы, и диковато озираясь, начал натягивать их на ноги.

– Без штанов все-таки холодно, – оправдался он.

– Аналогичный эксперимент положил начало психоанализу психолога Фрейда, – пояснил Вальтер. – Фрейд понял, что

люди иногда действуют, не понимая причины этих своих действий. Задача ума при этом – заполнить пробелы понимания «рациональными» пояснениями. Команда «снять штаны и одеть их на голову» – была дана Давиду, пока он пребывал в бессознательном состоянии. Его бестолковый ум этой причины для обнажения не зафиксировал, но на ходу изобретательно выдумал свою, в которую сам тут же и уверовал: натянутые на голову штаны прикрывали «срам». Этот механизм психической самозащиты Фрейд назвал «рационализацией».

– Я что-то не понял, – смутился Давид, – вы считаете, что это вы мне внушили прикрыть голову штанами?

Вальтер закивал.

– Да нет же, я ведь все объяснил! Это

моя идея! Проекции – в голове! Вы же сами говорили...

– Да, наглядно, – пробурчала Анна.

– Человек не способен понять жизнь своимограниченнымимишкой, потому что ум – это ничтожно малая пылинка на теле непостижимого гиганта жизни, – сказал Вальтер. – Но сам ум при этом может свято верить, что все понятно и чудес не бывает, ведь он сам и есть этот гигант. Так проявляется наша механичность. Все непонятные процессы вытесняются за кулисы бессознательного, откуда незримо влияют на наше поведение.

– Это как нити невидимого кукловода? – спросил Давид, почесав за ухом.

– Именно так, – кивнул Вальтер. – Ум на сцене повседневности сам подбирает для себя подходящий самообман. А

когда все понятно, можно успокоиться и поскатать дальше. Все слишком необычное и неприличное подменяется рациональными проекциями ума, поэтому наша жизнь такая нормальная, такая серая и привычная. Мы просто не замечаем жизни, не осознаем происходящее. Мы спим в грезах ума, который «знает», и который своим знанием спасает нас от истины.

— Это Фрейд придумал? —
поинтересовался Тим.

— Фрейд и его последователи считали, что человек онанирует... простите, рационализирует и проецирует только в отдельные моменты своей жизни под влиянием неврозов. Однако здесь в Цитадели мы знаем, что «нормальный» человек занимается ментальной

мастурбацией непрерывно. Все, что мы знаем – это наша проекция и рационализация жизни. Мы всеми силами защищаемся от происходящего «здесь и сейчас». А случаи рационализаций и проекций по Фрейду – это, когда самообман настолько очевиден, что не заметить его может разве что невротичный слепец.

– Если мы занимаемся этим непрерывно, значит и наше обучение – это очередная рационализация? – обеспокоенно спросил Тим.

– Да, – подтвердил наставник, – психология Цитадели, также как и все человеческие учения и науки – это способ ума снова исполнить этот величайший трюк – сделать безусловную реальность знакомой и понятной.

— А зачем это нужны все эти рациональные неврозы? — поинтересовался я.

— Я уже говорил, — сурово ответил Вальтер. — Это — самозащита эго. В быту невроз — это алиби, обороняющее авторитет личности. К примеру, так, благодаря проекциям, животная похоть обрастает гламурными эффектами и рациональными пояснениями, дескать, «я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...»

— А чем проекции отличаются от рационализации?

— Рационализация — это процесс, благодаря которому проекции становятся оправданными и одновременно реалистичными. К примеру, сновидения — это проекции в чистом виде. Но

восприятие в сновидениях настолько мутное и тупое, что, как последний лох, оно с легкостью ведется на самые дешевые разводки ночным бредом, принимая их за реальность. Поэтому для ума во время сновидений – нет необходимости тратить на рационализацию также много энергии, как днем. Во сне порог критичности – невысокий, поэтому ум ленится, и создает низкосортные бессвязные проекции, которых ему с таким притупленным восприятием хватает, чтобы принимать их за действительность.

– Ужа-а-асно интересно, – протяжно зевнула Анна.

– Что, сложно говорю? – спросил наставник.

– Да, повторите, пожалуйста, все сначала, – сонливо ответила она.

– Суть в том, что именно благодаря рационализации сон кажется явью.

– Каким образом? – спросила Анна.

– Рационализация – это принцип ума, благодаря которому наши мысли становятся связными и реалистичными.

– То есть, в жизни мы видим все те же сновидения, только более реалистичные? – спросил я.

– Да! – наставник поднял указательный палец. – Жизнь – это реалистичные грезы ума. Чем выше порог чувствительности, тем сильнее приходится уму изворачиваться, чтобы мы покупались на его рационализацию.

– А попроще нельзя? – попросил Давид.

– Куда уж проще? Чем выше уровень осознанности, тем качественней

рационализации ума, чтобы осознанность не разоблачила его лживое кино. И кстати, чем качественней рационализация ума, тем умней кажется человек. Рационализация осознанного человека является наиболее реалистичной и продвинутой, чтобы этот осознанный человек на свою же продвинутую рационализацию покупался также, как дурак покупается на свою отсталую. Здесь, разумеется, все – относительно. Кажется, что умные люди – ближе к истинной реальности. Но по факту – это очередное, пусть и качественное, самодрочество.

– Это круто – сказал Макс. – Значит, вся наша учеба – просто отборные глюки наставников.

– Да, – печально согласился наставник,

— ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ МЫ ГОНИМСЯ ЗА ВЫСОКОСОРТНЫМИ ИЛЛЮЗИЯМИ, ЧТОБЫ СЛОВИТЬ ОТ НИХ — КАЙФ РЕАЛЬНОСТИ. Погоня эта обычно не приносит успеха, потому что даже самая продвинутая рационализация не способна отразить чистую реальность.

— Я догадывался! — взволнованно гикнул Давид.

— А я нет, — хмуро сказала Анна. — И мне вся эта тема не нравится.

— В жизни, — неожиданно заговорил Тим, — есть физические объекты, люди и другие явления, на которые мы проецируем проекции. А на что они проецируются во сне? Если мне приснился какой-нибудь огнедышащий дракон, на что легла эта проекция?

— Отличный вопрос! — заметил Вальтер.

– Сразу видно, кто в тему глубоко врубается.

«Отличный вопрос! Вот ведь, бесящий отличник, – подумал я, – хоть бы раз меня похвалили...» Все-таки наставник всегда был для меня большим авторитетом.

Вальтер, казалось, задумался. Он подошел к зеркалу, ребячливо скорчил рожицу и продолжил:

– Ум похож на тупое животное, а разум похож на его хозяина. Животное склонно к глупостям и шалостям, которые хозяин не одобряет. Вот оно сует свои лапы в капкан, где лежит бесплатный сыр. Хозяин не знает, как объяснить тупому животному, что сделает с его лапами капкан, но знает, что животное боится огня. И вот, чтобы оградить своего питомца от опасности, хозяин рисует ему

картину огнедышащего дракона, который стережет капкан с сыром. Это понятно? – спросил Вальтер.

– Хозяин дурит животное, – резюмировал Тим.

– Да, – подтвердил Вальтер. – Точно так же, как и твой разум – дурит твой ум. Теперь понятно, по какому принципу тебе снятся драконы?

– Более-менее, – ответил Тим.

– Мы, чтобы жить и действовать пользуемся умом. Ваша психика для вас – это ваша окончательная реальность...

– То есть как это окончательная реальность? – перебила Анна. – Может не реальность, а ее проекция?

– Анна, как воспринимает реальность булыжник на мостовой? – спросил наставник с ухмылкой.

– Никак не воспринимает.
– Почему? – удивился он.
– Потому что воспринималки у него нет,
– ответила Анна.

– В общем, – сказал Вальтер, – не хочу углубляться в дебри. Суть в том, что твой ум получает информацию не от реальности напрямую, а от твоей психики, которая для твоего ума эту реальность адаптирует в удобоваримый вид. Драконы и прочие шалости – бесплатное приложение. Работа поверхностного ума – это примерно два процента от всей психической активности, про которую твой ум ничегошеньки не знает!

– И?

– Нет никакой реальности! Есть только психические процессы, – строго сказал Вальтер. – Окончательная реальность –

это те самые сто процентов твоей психики, которая играет с твоим умом, как хозяин со своим питомцем. Ум – блудливая собачонка, в сравнении с левиафаном твоей сущности.

Анна резко сменила позу, приткнулась к столу и начала задумчиво потирать межбровье.

– Ум интерпретирует реальность, чем приходится, то есть – собою. События снов – это куцые интерпретации ума, в которых он видит бесплатный сыр и огнедышащих драконов. Сновидения – это интерпретация событий, которые происходят в вашей психике – в вашей окончательной реальности. События снов – это рационализация психических событий в чистом виде.

– А почему сны такие бредовые?

Неужели в нашей психике такой кавардак?
– спросил Давид.

– Потому что ум не способен увидеть и понять истину. Вполне может оказаться, что огнедышащий дракон – это сновидение, в котором разумный разум предостерегает тупой ум от какой-нибудь непостижимой для ума опасности.

– То есть, наши сны такие образные, просто потому что мы – тупые? – спросил я.

– Да, потому что ты такой тупой, – подтвердил довольный собой Вальтер.

– А разве наши сны не отражают события повседневности? – мне уже было неинтересно продолжать обижаться на глумливые шутки Вальтера.

– Наши сны отражают события психики, – повторил Вальтер. – Иногда в этих

событиях происходит обработка так называемой «повседневности». Тогда тебе начинает казаться, что и во сне ты продолжаешь заниматься той же ерундой, что и днем. Наши сновидения являются своеобразным «окном» из обыденности в запредельность. По не вполне понятным для ума причинам иногда мы пользуемся этим окном. Уму только и остается интерпретировать увиденное на свой манер – сновидениями.

– А мне ничего запредельного не снится,
– пожаловался Давид.

– Сны, в которых ум обрабатывает «повседневность» запоминаются легче, потому что в них есть привычные образы, которые хорошо фиксируются в повседневном уме. Запредельные сны снятся всем, просто никто их не помнит.

– А правда, что наставники пси-корпуса практикуют осознанные сновидения? – спросил Давид.

– ОСы практикуют все, кому не лень, – ответил Вальтер. – Наставники практикуют исследование конкретных глубин. Эта тема выходит за рамки вашего курса.

– Мне только одно непонятно, – сказал Макс. – А если ты вдруг оказался в полной жопе, получается, вылезать из нее бесполезно? Зачем вообще, что-то делать, или как-то улучшать жизнь раз все это проекции и рационализации?

– Отличный вопрос! – поддержала Анна.

– Да, вопрос – хороший, но вполне предсказуемый и даже банальный, – сказал Вальтер. – В разной форме

слышал его уже раз сто!

– Ответом-то удостоите? – пощурился Макс.

Вальтер задумался, встал и начал ходить по комнате. И только сейчас я обратил внимание, что на всех картинах, которые висели вдоль стен, были изображены люди, смотрящие на самих себя в зеркала. На одной картине был испуганный мужчина, выпучивший глаза на себя испуганного в зеркале. На второй – какой-то злой дедушка, скалил зубы своему отражению, которое скалило зубы ему в ответ. На другой – молодая особа удивленно улыбалась себе из зеркала. Смысл был понятен – каждый реагировал на себя. Когда человек злился, отражение отзывалось взаимностью, когда рыдал – отражение рыдало, когда человек

смеялся, отражение смеялось. Люди поддерживали себя во всех начинаниях. А настоящие зеркала, висевшие между этими картинами, видимо были практическим приложением к общему замыслу.

– Мы ждем, – сообщила Анна.

– Мир является отражением вашего текущего этапа развития, – наконец, сказал Вальтер. – Ум пыжится изо всех сил, чтобы отразить хаос жизни. Наставники, которые специализируются на самонаблюдении говорят, что эго похоже на утонченный комок нервов, который непрерывно мечется, как эквалайзер под музыку drum and bass. Эго постоянно тянет вас в прошлое или будущее – в этом одна из главных его функций. Сущность нервного субстрата

эго – антисмирение.

– Это, как у святых подвижников, только наоборот? – поинтересовался Макс.

– Не знаю, как там у святых сапожников. А у всех нас эго – это непрерывный поток неприятия жизни.

– То есть, когда я кого-нибудь посылаю в интимном направлении – это работа эго?

– Стопроцентная проекция антисмирения, – подтвердил наставник. Все, что вам не нравится в этом мире – дань эго. Этот нервный ком не способен принять настоящее. Здесь и сейчас – нет опор для эго, поэтому оно пребывает в непрерывном напряжении, в попытке что-то с чем-то сделать. Эго в буквальном смысле тянет, продавливает, сопротивляется, торопит. Вот вы сидите,

или лежите, пробуете расслабиться, но что-то внутри хочет встать, пойти, начать что-то делать, менять.

– Но ведь иногда хочется сесть и расслабиться? – сказала, как всегда слегка негодующая Анна. «Видимо так бесновался ее нервный ком эго, – подумал я».

– Даже если вам удобно в теле, этот комок нервов продолжает увлекать в суету на уровне ума.

– Почему так происходит? – огорченно спросил Давид.

– Потому, что эго не может быть здесь и сейчас. Все самые злые проекции о войне, лукавых бесах и страшных болезнях – это камуфляж, которым эго прикрывает свою неспособность принять жизнь.

– Война – это рационализация

антисмирения эго? – задвинул я.

– Когда нет эго, война ни чем не хуже одуванчика, – кивнул Вальтер, беззаботно проглотив мою «конструкцию». – Одна из функций эго – распределение проекций. Эго как бы отпрыгивает от хаоса жизни, при каждом отталкивании, создавая новую мысль.

Слова Вальтера вызвали во мне тревожное ощущение, и как мне показалось, другие тоже обеспокоились. Все же наставник хорошо разбирался в проекциях, иногда используя их для манипуляции нашими переживаниями. Однажды он сказал, что тревога и страх активируют внимание.

– А что с этим можно сделать? – спросил я об этом зловредном антисмирении.

– А что бы ты хотел с этим сделать? –

Вальтер скопировал мою интонацию.

– Я бы хотел перестать томиться чем бы то ни было.

– Так перестань, – наставник развел руками, будто речь шла о чем-то очевидном.

– А как?

– Вот, Макс спрашивал про жопу, в сущности, и твой вопрос – о том же: вылезать, или нет... И если вылезать, то как? Верно?

– Верно, – сказал я. – Если еще учесть, что все вокруг – проекции...

– Тут есть разные подходы. У наставников пси-корпуса, как все вы знаете, есть две основных ветви развития – есть наставники практики – воины, а есть – наблюдатели. Первые пробуют менять события, вторые – свое отношение к событиям.

– А правда, что эта тенденция связана с юнгианскими психотипами? – спросил Давид.

– Ну, говорят, что якобы экстравертам ближе действия, а интровертам – наблюдение, однако учение о двух ветвях в Цитадели появилось задолго до рождения психолога Юнга.

– И все-таки, имеют ли смысл действия, если вокруг одни проекции? – спросил я.

– Такими вопросами всерьез задаются только пассивные мудаки... то есть, я хотел сказать – наблюдатели.

– И что обычно делают пассивные мудаки, чтобы вылезти из жопы?

– Наблюдатели в идеале ничего не делают. Это – их главная и самая сложная задача – ничегонеделание.

Я подумал, что Вальтер снова отбрехивается от скользкой темы, но ошибся.

— Суть практики наблюдателей, — продолжил он, — в том, чтобы перейти из сферы действий в сферу сознания. Если получилось, тогда тот, кто продолжал напрягаться, тянуть, действовать, выбирать, сопротивляться — сам становится объектом сознания. Наблюдатель просто смотрит. Он смотрит, как это происходит, и видит, что это происходит без его вмешательства. В его жизни все просто происходит — как бы само по себе. Жизнь просто течет, через сознание. Задача наблюдателя — перестать сопротивляться. Попытки перестать сопротивляться, правда, у начинающих наблюдателей приводят к

еще большим сопротивлением. Поэтому молодые наблюдатели все такие нервные – совсем, как ты, Тэо, – он кивнул в мою сторону. – Этот путь – непростой, а в роли наставника – еще сложнее.

Вальтер заставил меня задуматься. Возникло ощущение, что он сообщил мне важную новость. «Наверное, все новости, связанные с личными качествами кажутся важными, – подумал я. – Поэтому некоторые люди воспринимают всерьез идиотские астропрогнозы по радио».

– То есть, если наблюдатель оказался в неприятностях, выпутываться ему не надо? – спросил я. – Все просто проекции?

– Наблюдатели выполняют необходимый минимум действий. Остальное время – созерцают.

– Наблюдатель предпочитает наблюдать жопу, вместо того, чтобы из нее вылезти? – обескураженно спросил Макс.

Вальтер расплылся в улыбке.

– Когда истинному наблюдателю в голову приходит мысль переехать куда-нибудь, где фон – почище, текстуры – покраще, он, как правило, ничего не предпринимает. Наблюдатель думает, что именно в таких непростых условиях, где ему не нравится, он отрабатывают свою наблюдательскую карму наилучшим образом. Самые фанатичные – уходят в пещеры... из которых действительно вылезать не торопятся.

Мне было не совсем понятно: то ли Вальтер продолжал анальные аналогии, то ли действительно говорил

о реальных пещерах.

– А что вы удивляетесь? – продолжал он.
– Я – серьезно. А более-менее адекватные – делят реальность на относительность и абсолют. В относительном мире, они – частицы бытия, которые перемещаются по внешнему пространству, на абсолютном уровне у них все типа как бы – «едино», – ехидничал Вальтер. – То есть – кругом жопа, потому что, как замечают мудрые наблюдатели: «от себя – не убежишь».

«Наставник насмехается над наблюдателями, – заметил я, – видимо себя он причисляет к лагерю воинов».

– Вальтер, мне до такого самодрочества – как до луны. Может все-таки я воин? – спросил я с лукавой надеждой.

– Я здесь говорю о крайностях, –

ответил он. – Не торопитесь отрицать, или оспаривать этот взгляд на вещи. Наблюдатели действительно могут подолгу не вылезать из жопы, ибо верят, что, находясь в жопе, они очищаются, – Вальтер с трудом сдерживался, чтобы не засмеяться.

– Ну и бред, – сказала Анна с отвращением. – Не похоже, чтобы Тэо засиживался в таких местах.

– А ты не обольщайся, – обратился наставник к Анне. – Ты сама с большой вероятностью – наблюдатель.

– Да вы что такое...

– Анна, я повторяю. Речь – о крайностях. Таким образом, я лишь подчеркиваю модальность восприятия.

– Чем же тогда отличаются воины? – спросил я.

– Воины говорят, что мы не можем не принимать настоящее. Кто мы такие, чтобы подавлять реальность? Боги? Воины предпочитают манипулировать проекциями при помощи активного участия в действиях.

– Так делают все люди, – заметила Анна. – Разве нет?

– Разумеется. Разница в том, что воины при этом понимают, что делают. Они понимают, что действуют не в каком-то якобы внешнем мире, а действуют именно в мире своих проекций, и поэтому действуют они эффективней.

– Эффективней наблюдателей? – спросил я.

– Нет. Эффективней людей, которые не знают о том, что мир – эхо их собственной психики.

– Значит, даже воины работают в своем сознании?

– В сознании живут и работают все, но осознают эти факты только модераторы и редкие способные миряне.

– А можно ли сказать, что проекции – это такой как бы имидж реальности? – спросила Анна.

– Анечка! – наставник посмотрел на нее и театрально захолопал глазами.

– Неужто и до тебя начало доходить? Разумеется, все, что вы знаете про жизнь – это «имидж» реальности, а не сама реальность.

– Значит, сама реальность все-таки есть? – заметила Анна.

Вальтер задумался, сложил ладони в восточное приветствие, посмотрел куда-то в пространство и заговорил:

– Среди старших наставников считается, что объективная реальность есть, но раз мы не видим ее, следовательно, для нас ее нет. Вот и все.

– Все-таки она есть? – переспросила Анна.

– Все разговоры про так называемую «реальность вообще» и «на самом деле» – остаются в рамках ее имиджа, – ответил наставник.

– Это как первое впечатление при первой встрече с человеком? – спросила Анна. – А потом приходит разочарование – понимаешь, что все – наносное, как дорогая витрина для дешевого бутика...

– Да, – согласился Вальтер. – Только вот за витриной этой, никакого бутика в природе не существует. Если мы покупаемся на имидж, то в самом товаре

при этом уже нет никакой необходимости. Имидж, в привычном смысле, создается пропагандой с целью формирования в массовом сознании любви к товару. Реальность, судя по всему, большой потребности в нашей любви не испытывает. Поэтому имидж у нее весьма разнообразный. А вот про саму реальность, без имиджевых ремарок, сказать что-то конкретное – невозможно. Все слова о реальности – остаются в рамках ее имиджа.

– Вы сказали, что модераторы живут эффективней людей, потому что знают о проекциях, – сказал я. – А какой собственно толк от этих знаний? В чем эффективность?

– Ну, – начал Вальтер, – вы, наверное, помните меткий слоган из рекламы:

«Имидж – ничто, жажда – все». Эта простая фраза как бы намекает на то, что все наши думы – блажь, в сравнении с реальным опытом. Имидж рекламирует эффективное утоление жажды.

– Жажда – это потребность в реальности?
– спросил я.

– В идеале – да, но на деле, жажда становится очередной дозой имиджа.

– Как-то уж совсем мутно, – пожаловалась Анна.

– Мы не видим реальность. Нам рекламируют утоление виртуальной потребности в несуществующем товаре, – пояснил Вальтер.

– Что-то я запуталась, – сказала Анна. Если все это проекции, тогда чем отличается имидж от жажды?

– Ну, как тебе объяснить... Взять,

например, какого-нибудь виртуального менеджера с поверхности. Человек годами пыхтит, засучив рукава, на какой-нибудь офисной плантации с утра до вечера. А в свободное время ходит на курсы по повышению личной эффективности в использовании плуга для наиболее эффективного вспахивания корпоративного огорода. Мало-помалу, при удачном стечении обстоятельств, пахарь обрастает престижным среди своего окружения перфомансом почетного раба. Все это время он думал, что пашет на себя, когда на самом деле пахал он только на этот свой имидж.

– Это что, эгрегор какой-то? – поинтересовался Макс.

– Чур тебя! Забудь вообще это страшное слово! – обеспокоенно пробурчал

наставник, словно реально испугавшись чего-то. – Этот термин имеет столько необоснованных толкований, что лучше его сразу забыть. Но вообще да, это – эгрегор имени себя.

– И ничего другого в жизни пахаря не происходит? – спросил Давид. – Как на счет неформального общения с друзьями и родственниками?

– Все неформальное общение у человека сводится к демонстрации виртуальной витрины приукрашенного имиджа, за которой скрывается обветшалый сельский ларек с просроченными консервами и свиным рылом на прилавке.

– А причем тут жажда, если вокруг – один сплошной имидж? – спросил Макс.

– Жажда – это виртуальная морковка, за

которой пахарь слепо гонится всю свою жизнь, надеясь, что морковка эта окажется его истинным счастьем. Сам пахарь уверен, что пашет ради этого счастья. Однако на деле абсолютно все действия пахаря сводятся к обслуживанию его шаткого имиджа, который при малейшем неловком движении, тут же валится в грязь. Мы еще поговорим об этом подробнее.

Вальтер уловил недоумение на наших лицах и продолжил:

– Человек готов всю жизнь вкалывать ради цели, которую ему позиционирует имидж реальности. Цель – это морковка, за которой человеку мерещится счастье. Пахарь ишачит год за годом, потому что верит имиджу своей жажды – он верит, что когда-нибудь получит свою прелесть

– морковку бесконечного и безудержного счастья. Так вся его жизнь и проходит...

– Получается, все наши цели – точно такие же морковки? – удрученно спросил я.

– Все ваши цели продиктованы имиджем несуществующих морковок.

– А кому это выгодно? – спросил Макс.

– Хороший вопрос. Но не в моей компетенции. Об этом говорят старшие наставники на старших курсах.

– Может, хотя бы намекнете? – попросил Макс.

– Хм, – Вальтер на несколько секунд задумался, затем произнес:

– Это выгодно самой реальности. Она всех нас имеет по первое число – используют в своих утилитарных целях.

– Реальность – это же наша психика...

– напомнил Макс.

– Ваша психика, – подтвердил Вальтер.

– Она имеет нас?!

Вальтер кивнул.

– А как это происходит?

– Практично и безжалостно.

– А какие у нее цели? – спросил я.

– К старшим наставникам, – отмахнулся

Вальтер.

Я вспомнил про Рафаила, и мне сразу стало как-то теплей на душе.

– Сэмпай, – заговорил Давид, – а можете еще про пахаря рассказать? Неужели он сам не видит, что моркови нет?

– Он видит, что ее нет, но имидж говорит ему, что она лежит где-то в огороде, который надо весь тщательно перепахать, и тогда, возможно, морковка найдется.

– Но ведь у людей есть вполне осязаемые

цели и достижения, – сказала Анна.

– Конечно, есть! Иной пахарь готов лет десять вкалывать ради того, чтобы потом за пять секунд пережить чих оргазма с самкой, которую ему рекламировала реальность как источник вселенского счастья. И ведь еще не факт, что качество этого оргазма его удовлетворит.

– Это точно, – подтвердил Макс со знанием дела.

– А все потому, – продолжил Вальтер, – что, в сущности, памятуя о проекциях, любой половой акт является банальной мастурбацией собственных мозгов.

Давид схватился за голову, и мы с Максом захихикали.

– Морковка – это проекция неудовлетворенности? – спросил Тим.

– В общем – да. И когда я сам, будучи

практичным воином, осознаю эти вещи со всей ясностью, то начинаю лучше понимать пассивных наблюдателей, озабоченных уровнем своей созерцательности, – признался Вальтер. Он развел руками и поджал губы, как бы говоря: «вот так вот».

– Какой тогда толк от учебы и знаний?
– спросила Анна.

– Ты повторяешь один и тот же вопрос на новый лад!

– Правда что ли? Это который? – удивилась она.

– Какой смысл что-то делать, если все бессмысленно... – ответил наставник.

– Ну, и?

– Знания помогают обратить внимание на то, что выливается в практический опыт. В этом их ценность и смысл.

– Например? – спросила Анна.

– Например, знание о том, что у тебя есть ключ от двери, помогает обратить внимание на объект реальности, который ты называешь ключом, взять его в руки и вставить в замочную скважину. В этом ценность знаний. Однако то, что ключ является ключом, отпирающим дверь – это имидж. И слава Богу, когда имидж так практичен! Горы ментального мусора барахтаются в наших головах в отрыве от истинной жажды живого опыта. Можем ли мы утолить эту жажду «имиджем»?

– Духовные учения – тоже имидж реальности? – неуверенно спросил я.

– Разумеется. Поэтому подавляющее большинство искателей на духовном пути не находят вообще ничего!

– Зачем реальности имидж? – спросил

Давид. – Она что, стесняется себя?

– Ответов на этот вопрос множество. Учитывая тему, я бы сказал, что мы не готовы воспринимать настоящую реальность. Мы все – целевая аудитория, которая покупается именно на тот имидж реальности, который мы готовы воспринять и переварить на текущем этапе своего развития. Здесь и сейчас происходит ни чем необусловленный хаос, который наш ум, чтобы мы с него – с ума не сошли, пытается непрерывно упорядочивать своими рационализациями. В итоге мы обнаруживаем себя со штанами на голове, – все заулыбались. – Ум пытается сделать из хаоса систему, обрести в ней опору и смысл. Имидж реальности – это иллюзия упорядоченности в хаосе. При

этом и хаос, и само понятие реальности — это очередные интерпретации ума — идеи, дополняющие имидж реальности. Ум варится сам в себе, и никогда не выходит за свои пределы. Все интерпретации и объяснения ума, все его победы и упущения — происходят в нем самом. Это и есть величайшая «сила мысли», которая творит имидж реальности прямо сейчас.

— Значит, реальность — иллюзорна? — спросил я.

— Ты совсем тормоз что ли? — несдержанно огрызнулся наставник. — Я же говорю, иллюзорность — это часть имиджа реальности. Назвать реальность иллюзией и на этом успокоиться — это самообман! Иллюзии — иллюзорны, но не в том смысле, в каком масло — масленое,

а в том же смысле, в каком иллюзорна реальность. То, что у реальности есть имидж – это интерпретация ума.

Вальтер остановился, но никто не задавал вопросов. Все в группе сидели в каком-то ступоре. Макс задумчиво смотрел в потолок. Давид с недоумением рассматривал свои руки. Тим щурился и потирал очки. Анна и Хлоя загадочно переглядывались.

– Вы что, не видите? – разгневался Вальтер. – Ум – это детектор лжи, который пытается разоблачить самого себя. Все вы тут учитесь – хрен знает чему... Изучаете психологию – науку о душе. До сих пор неясно? Нет никакой души! – наставник почти кричал. – Все вы – просто набор зеркальных глюков, которые парят в пустоте, отражают друг

друга, и этим порождают новые оттенки беспредельной хренотени!

Мы все с минуту молчали, пока Давид не попросил то ли в шутку, то ли от отчаяния:

– Ну, дайте уже точку опоры!

В эту минуту на личных терминалах высветилось сообщение с пометкой ордена, что подразумевало обязательное подчинение содержащимся в нем инструкциям. Через две минуты в комнате объявился гладковыбритый, низколобый мужчина, с выдающимися скулами, широким квадратным подбородком и прямым утонченным носом. Он был одет в белый халат поверх черного костюма с галстуком, и напоминал ушедшего в отставку агента из «Матрицы».

Безбрежный мир

За тридцать пять дней до озарения

– Здравствуйте! – представился человек в белом халате. – Меня зовут Асмодей Фобский.

– Тот самый? – удивился Макс.

– Если вы читали мою колонку, то возможно в курсе, что я, э-э-э, работаю врачом-психотерапевтом в O-Yama industries, – он говорил суетливо, с каким-то надрывом в голосе, будто волновался о чем-то. – И, наверное, вы знаете, что наша компания занимается разработкой антивирусного ПО для мозговых чипсетов. А если и не знаете, то потому только, что чипсеты с нашим софтом работают безотказно, и никогда не дают сбоев. Наша программа, э-э-э, предотвращает

любые возможные проблемы. Последняя версия прошивки нашего ПО – еще в разработке. Но уже сейчас в сети появился новый опасный вирус с тестовым... э-э-э, с кодовым названием «fake-1». И в целях вашей безопасности, мы делаем прививку в церебральный имплантат.

Все в группе обеспокоенно переглянулись. Церебральный имплантат напрямую связывается с центральной нервной системой, и поддерживает координацию всех жизненно важных процессов. Примерно раз в год все модераторы проходят болезненную процедуру обновления программного обеспечения имплантатов в офисах TotalRobotics. На затылке под кожу вставляется тонкий холодный металлический штырь, через который

передаются данные. И каждый раз в это время в голове начинается какой-то нездоровый треск, похожий на барабанную дробь, иногда переходящий в высокочастотный свист.

На самом деле весь этот шум даже не болезненный, а скорее какой-то — неуютно-выкручивающий. Вспоминая об этом переживании, в голову почему-то приходит слово «противление». Возникает ощущение, словно что-то глубоко внутри при этом стремится вывернуться наизнанку, но что именно и где — сказать невозможно. Это происходит на каком-то невероятно тонком уровне, и ощущается как что-то далекое, но очень живое, словно оголенный нерв за каменной стеной. И хочется в этот момент только одного — чтобы этот зловредный

треск прекратился как можно быстрее. Причем, как утверждают врачи, никаких реальных звуков на самом деле при этом не возникает – в акустическую иллюзию процесс облекает мозг, чтобы таким образом выразить для себя необъяснимые переживания.

В общем, не знаю, как другие, но я по поводу предстоящей процедуры ощутил раздраженное возмущение, а пришедший врач-психотерапевт начал меня откровенно сердить.

– Позвольте, – сказал я. – А разве ваша компания не пишет все эти вирусы сама, чтобы потом зарабатывать деньги на своих антивирусах? Вы что, не могли запустить этот вирус к выходу новой прошивки? Или кроме вас есть еще умельцы?

Макс посмотрел на меня одобрительно, и помахал головой, как бы говоря: «не ожидал от тебя...»

В глазах Асмодея Фобского сверкнул гнев.

– Это наглая диффамация! – обиженно заявил он. – Кто вам такое сказал? Это же полнейший абсурд! Зачем нам писать вирусы, если наша задача – от них излечивать?

– Как зачем! – ахнул я. – Когда нет вирусов, кому нужны антивирусы, которыми вы нас обеспечиваете? Так вы формируете востребованность в своих сервисах, и становитесь полезными и уважаемыми членами общества, потому что создаете уникальную проблему, чтобы потом снисходительно и уникально от нее избавлять.

Все молча смотрели на меня. Гость несколько секунд безмолвствовал, видимо соображая, как ответить. А тишина в эти мгновения казалась густой и насыщенной.

– Вы... вы в своем уме? – натужно возмутился Асмодей Фобский.

– Тогда откуда берутся вирусы?!

– Все вирусы приходят от мирян с поверхности – они, э-э-э, мутируют и прорываются в нашу сеть! – ответил раздраженный гость.

– А зачем этим бедным людям писать вирусы? Разве что, если ваша компания их бедность как-то компенсирует? – предположил я.

– Молодой человек, я уже пятнадцать лет как – врач-психотерапевт, и со всей уверенностью могу сказать, зачем эти

больные люди пишут свои вредоносные коды. А пишут их они – из садистских побуждений, потому что получают извращенное удовольствие от чужих мучений. Эти ущербные и жалкие миряне создают свои бесчеловечные вирусы, чтобы ощутить свою жалкую власть над миром!

Произнося свою речь Асмодей Фобский, казалось, вошел в раж, и даже перестал надрывно экать.

– Док, – обратился к нему Макс, – вы сказали, что вирус называется «fake-1». Подразумевается, что скоро нас ожидает сиквел? «fake-2»?

– Я предсказаниями и пророчествами не занимаюсь, – ответил рассерженный врач. – За этим обращайтесь к шаманам и астрологам.

– Спасибо за совет, – вежливо поблагодарил Макс.

– Ребята, – наконец, ожил Вальтер, – может, хватит терроризировать доктора? К вам лично пришли с помощью, а вы паранойи проецируете...

– Вот-вот! – Асмодей обрадовался поддержке наставника, – От паранойи, кстати, в нашем психдиспансере вылечивают. Вас молодой человек, – он кивнул в мою сторону, – я бы лично обследовал. И затягивать – не советую. А то это дело такое – сегодня вам искириоты и диссиденты мерещатся, а завтра – отца родного не узнаете...

Что-то в тоне этого психотерапевта мне не понравилось. Брезгливая напыщенность и высокомерие выдавали в нем неловко протискивающуюся сквозь

маску серьезности закомплексованность. «А как он говорил о мирянах... «жалкие и ущербные». Продолжать этот разговор бессмысленно, думал я. Тем более что выбора у нас нет».

– Процедура пройдет быстро, – сказал Асмодей Фобский, – бояться нечего, – и он опять сердито посмотрел на меня. Как будто я тут больше всех боялся.

Он достал из черного портфеля серый футляр с логотипом TotalRobotics – холодным лицом первого антропоморфного андроида. Из футляра он высунул продолговатый прибор с дисплеем, на который насадил длинную сменную иглу.

– Ну, с кого начнем? – спросил он, подняв прибор с иглой, словно автомат перед расстрелом.

– С меня, конечно, – вызвался наставник.

– Хорошо. Приступим, – сказал врач и приступил к делу.

– Так, – говорил он, ковыряясь у Вальтера в затылке, – расслабьтесь... хорошо, – он закрепил свой прибор, и начал медленно опускать иглу в голову наставника. Вальтер сохранял спокойствие и даже как-то криво улыбался, опустив глаза. Процедура заняла не больше минуты.

– Имеет прямо в мозг, – прошептал мне Макс.

– Церебральный извращенец, – подтвердил я тихо.

Врач посмотрел в нашу сторону. «Неужели услышал? Наверное, слуховые имплантаты поставил, – подумал я».

Высунув иглу из головы Вальтера,

Асмодей посмотрел на приборы и беззвучно прошептал одними губами: «два процента».

Чтение по губам я освоил самостоятельно всего за две недели по приспособленному к моим способностям видеокурсу пси-корпуса. «Интересно, думал я, что значат эти «два процента?»

– Уже? – спросил Вальтер.

– Да, – подтвердил врач. – Теперь вы под надежной защитой.

– Спасибо. И кстати – совершенно безболезненно.

– А я что говорил! Бояться – нечего.

Все по очереди спокойно проходили процедуру и почти не морщились. Видимо, сегодняшней апгрейд софта имплантатов и вправду не причинял привычного дискомфорта.

Я был последним, и чувствовал себя неловко. «Не стоит портить отношения с человеком, который ковыряется у тебя голове, думал я, глядя на врача с иглой в руках». Что-то с ним было не так – на его лбу выступил пот, и в руках проявилась еле заметная мелкая дрожь.

– У вас что, руки трясутся? – спросил я.

– Все в порядке, – ответил он. – Процедура абсолютно безопасна.

– Вы главное – не промахнитесь, – попросил я смиренно, решив задвинуть все сомнения. «А то ведь и вправду сойду за параноика, – подумал я».

«Ну вот, опять этот белый шум, опять рокот барабанов, на фоне которого начал проявляться и нарастать высокочастотный свист. Все самое

«интересное» с этого и начинается... Боже, а это что за звук такой?» В моей голове зазвучали цимбалы. «Интересно, какой процесс мой мозг обрисовывает этой музыкой? Бояться нечего? Серьезно?»

Я открыл глаза и увидел, как мир начал заполняться разноцветной рябью. Раньше такого никогда не было. Я видел наставника — его лицо становилось бордовым, как и все пространство вокруг. Я хотел сказать, что со мной что-то не так и мне нужна помощь, но не чувствовал тела. Барабанная дробь ускорялась. Невидимые барабанщики стучали все быстрее и быстрее, пока движения их рук не стали сливаться в единый узор повторяющихся движений. Нечто подобное видишь, глядя на работающий вентилятор, или вращающийся по орбите

горящий уголек в темноте. «Кажется, – вдруг поняв, – все в этом мире возникает подобным образом: бесконечно малая точка движется в пространстве с безумной скоростью, создавая видимость происходящего». Огненное шоу поражало своими вселенскими масштабами.

Ко мне спонтанно приходили очень глубокие и удивительные мысли, которые тут же забывались. Мне казалось, что в эти мгновения я понял истинную глубину некоторых изречений наставников. Рокот барабанов постепенно перерастал в вибрацию нераздельного мощного гула, на фоне которого неожиданно прозвучал удивительно красивый мистический звук какого-то восточного струнного инструмента. Одна нота. Затем – еще одна – еще красивей и глубже. Она

постепенно таяла в вибрации гула рокота барабанов. Еще одна нота – идеальный резонанс, который, казалось, отдавался в каждой клеточке моего существа. Рябь поглощала мир, пока не заполнила его полностью. Затем, я, вдруг увидел, что этой рябью была вода, плескавшаяся в чаше, которая стояла на темном гладком камне посреди безбрежной пустыни. На поверхности воды в этой чаше возникало видение привычной реальности со всеми ее многомерными суетливыми сложностями. В моих руках был струнный инструмент с длинным грифом, которым, как сам чувствовал, я хорошо владел. Кажется, такой инструмент называется ситар.

Это был не сон, и я понял это спустя несколько секунд. Со мной происходило

что-то невероятное. Я сидел на теплом камне, без одежды, то есть совершенно голый – я был прикрыт узорчатым покрывалом. В руках – эта восточная гитара. Я хотел сказать «бандура», но почему-то чувствовал к этому инструменту необъяснимое уважение. Казалось, с ним у меня – какая-то давняя связь. На шее я обнаружил причудливое ожерелье из раковин разной формы.

Я не мог поверить в происходящее. Оглядевшись по сторонам (наверное, взгляд у меня был испуганный и глупый), я осторожно положил ситар на камень и поднялся.

Со мной происходило какое-то когнитивное раздвоение. Это место мне казалось удивительно знакомым, словно я здесь когда-то в далеком прошлом

уже бывал – может быть в детстве, или в прошлой жизни. И одновременно все казалось чужим. Я не помнил этого места. Воздух был теплым – нужды в одежде я не ощущал. Небо казалось неземным – его привычная синева на горизонте приобретала зеленовато-желтый оттенок.

На всякий случай я начал вспоминать некогда изученные мною признаки сна. В пси-корпусе мы все баловались практикой осознанных сновидений, и я хорошо знал, чем сон отличается от реальности. Если есть хотя бы малейшее сомнение в том, что происходящее реально – это точно сон. Во сне сознание – размытое, а мысли – бессвязные. В этом, кстати, один из секретов удержания сна. Ты просто интуитивно поддерживаешь

эту неуловимую повседневным умом размытость сознания и мышления. Но как только мысли обретают четкость, ты невольно вываливаешься из бессознательных слоев сновидений и пробуждаешься. Во сне я могу расслабить тело и пройти сквозь стену. Во сне у меня есть дар левитации и телекинеза. Во сне формы не статичны – все непрерывно меняется, исчезает и вновь проявляется.

Здесь этих признаков не было. Я мог ясно мыслить. Уровень осознанности от такой невероятной смены обстановки повысился – то есть никакой размытости мышления и внимания не было и в помине. Все объекты этой новой реальности выглядели четкими, и воспринимались с такой же ясностью и глубиной, как и в повседневности. Я попробовал

расслабить тело и воспарить в воздухе, как делал во сне, но ничего не получилось – законы гравитации работали.

«Этот мир – реальный. Где я?»

Я осмотрелся. Вокруг насыпи серых гранитных камней простиралась безбрежная пустыня. Мягкий желтый песок растворялся в далеком горизонте. Я гладил теплый камень – твердый и приятный на ощупь. Я осмотрел свои ладони, и вдруг понял, что это действительно мои ладони, но при этом они были другими. Кожа – немного темнее, без каких-либо следов износа, словно это тело только что сошло с конвейера.

Чаша. Привычный мир был видением, которое я созерцал, глядя в ее содержимое. Она стояла на камне рядом с ситаром. Я осторожно коснулся

поверхности этого мистического сосуда. Ничего необычного – металлический сплав, отлитый в гладкую округлую форму. Внутри на первый взгляд – обычная прозрачная вода. Пить не хотелось. На дне чаши я увидел узор, похожий на гравированный логотип автоконцерна Mercedes-Benz, но без кольцевой рамки. Края трехлучевой звезды оканчивались округлыми наростами с мелким орнаментом.

Я поймал себя на мысли, что где-то глубоко внутри сдерживаю собственное изумление происходящим. В пси-корпусе нас здорово намуштровали сохранять спокойствие в любых ситуациях. «Наверное, думал я, мне нужно как-то понять, каким образом я здесь оказался, и как отсюда вернуться назад». С другой

стороны, мне было интересно, где я — хотелось узнать больше об этом месте и о природе происходящего со мной явления. «Да и почему, собственно, нужно все время думать, как быть и что делать? Неужели нельзя просто быть?» И я как будто удивился этой своей мятежной мысли на фоне попыток сохранить здравомыслие.

Я бережно положил чашу на место рядом с восточной гитарой, и принялся исследовать каменные палатки — насыпь огромных гладких, будто выполированных камней на песке. Все это походило на стоянку древнего человека, в роли которого здесь видимо был я сам. Не найдя ничего примечательного, я начал осматривать горизонт, и сразу обнаружил, что в одном из направлений

по другую сторону каменной насыпи, он не был таким же бесконечно далеким, как с других сторон – песочный бархан величественно возвышался, удаляясь, как я прикинул, на два-три километра. Других дел не предвиделось, и мне захотелось узнать, что находится там – за горизонтом.

Если в повседневности за одним горизонтом неизбежно следовал другой, здесь у меня возникло стойкое необъяснимое ощущение, что в этой пустыне такой фокус не сработает (будто земля в этой реальности вовсе не круглая), и за этим горизонтом – других не предвидится.

Сделав несколько шагов по мягкому желтому песку, я почувствовал, что он состоит не из твердых зерен горных

пород, а имеет весьма необычную субстанцию по своей консистенции больше напоминающую мелкую пыль, или даже скорей – пшеничную муку. Мои ноги оставляли заметные следы, но песок к ногам не липнул. Я зачерпнул его рукой и сдавил, ощутив приятную мягкость податливой материи. Приподняв руку, я увидел, что песок сохранил форму моей ладони.

Я продолжал идти, и заметил, что мои ноги начали утопать в песке чуть глубже – по щиколотку, но странным образом это почти не замедляло моего движения. Я двигался также легко, как если бы шагал по воде. Примерно через полчаса пути ноги стали утопать в песке почти до колен. Движения немного замедлились, но в мышцах не было и намека на усталость.

В какой-то момент я заметил, что на песке шагах в десяти от меня валяется отливающий серебристым блеском предмет. Подойдя ближе, я увидел морскую раковину причудливой формы – подобные, но меньших размеров – висели связкой на моей шее. «Здесь что, было море?» Я взял раковину в руки, и вдруг ее спирали начали медленно вращаться, вкручиваясь внутрь основания. Я не постигал, как скелетное образование раковины могло претерпевать подобные трансформации, однако по неизвестной мне причине это неожиданное явление меня несколько не испугало. Казалось, необычайней самого факта моего пребывания здесь – уже ничего быть не могло.

Спустя несколько секунд из песка

вылезла какая-то костяная змея, и медленно проползла мимо меня. Видимая сама сливалась с этим миром так органично, что мимо меня можно было вот так вот спокойно ползать. А может и не ползать – а плыть... Через несколько шагов я увидел необычное растение, похожее на стаю человечков с вытянутыми руками. Кажется – это были кораллы. Рядом валялась морская звезда. Чем дальше я шел, приближаясь к краю бархана, тем глубже утопал в песке, и тем больше вокруг появлялось новых объектов этой непостижимой для меня реальности.

В какой-то момент я обнаружил, что песок движется. Впрочем, я уже сомневался, что эту субстанцию можно называть песком, но мысленно продолжали использовать это слово за неимением более подходящих.

Я был в него погружен по пояс, но шел так легко, будто песок сам освобождал путь для моих шагов, подталкивая мои ноги в сторону их движения. «Удивительное ощущение!».

Еще через полчаса пути, глядя на золотистую поверхность бархана, я начал различать мелкие ручейки подвижного песка, струящиеся с разной скоростью в одном и том же направлении – они двигались в гору, нарушая законы тяготения. Их потоки переплетались, сходились и разделялись, создавая тихое многоголосье звучаний, похожих на что-то среднее между шипением, журчанием и человеческим сопрано. Я вслушивался в их волшебную музыку, и несколько раз ловил себя на том, что она буквально захватывает мое

внимание, стремясь унести его прочь за собой. Казалось, еще немного – и я потеряю связь с собой, отдавшись пространству, которое своим звучанием создавали потоки золотистой субстанции расстилающейся в безбрежную пустыню. Это было похоже на сладкий сон, которому хотелось отдаться без остатка, но что-то внутри меня сдерживало этот порыв. «Я должен увидеть, что там – за горизонтом пустынного бархана». Оставалось совсем немного.

Неожиданно я обнаружил, что мое осознание происходящего поменялось. Весь мир вокруг пребывал в движении, которое улавливали все органы моего восприятия. Я не ощущал дискомфорта от этих непрерывных перемен. Возможно, был легкий намек на тревогу, но куда

сильней проявлялось переживание невыразимого мистического удивления. Наверное, этот мир как нельзя лучше удовлетворял мой врожденный «инстинкт» любопытства. Ведь обычно все видят перед собой привычный мир, и всем он кажется единственной, законченной и понятной реальностью. А что если эта повседневность не надежней водянистой ряби на поверхности чаши, оставленной мною позади на каменной насыпи? Повседневность – как карточный домик в диких джунглях – аккуратные цветные картинки сложены упорядоченно, в соответствии с правилами и стандартами. Но обитатели джунглей (в которых этот домик стоит) ничего об этих правилах не знают. Казалось, здесь в этой пустыне пролегает

какая-то невидимая граница – предел всех человеческих условностей восприятия и понимания. И чем ближе я подходил к горизонту, тем сильнее я ощущал этот предел, за которым хаос переставал послушно перестраиваться в привычный порядок.

У меня уже не было никаких сомнений в реальности этого мира. Да и потом, что такое реальность? Сигналы рецепторов? Электрические импульсы в мозге? Здесь я ощущал безбрежный поток сознания, и он был реальней всего, что я когда-либо видел.

Эта реальность не поддавалась пониманию. Без привычных рамок мое восприятие произвольно искажалось. Все формы и мерки трансформировались, проявлялись и растворялись. Я понял,

что никогда не постигал, как устроено происходящее даже там – в аномальной нормальности города. Как связываются чувства, и как они воспринимают? Здесь я понял, что все и всегда могло быть каким угодно. Вся конкретика – тот самый карточный домик посреди безбрежного океана непостижимой неизвестности. Вся привычная картина мира теперь казалась такой бесконечно далекой, словно кем-то давным-давно выдуманная неправдоподобная история. «Такой конкретики посреди хаоса бытия реально существовать просто не могло». И я вдруг понял, что теперь у меня нет никакой уверенности, в том, что я действительно являюсь, или когда-то был человеком, который жил в так называемом нормальном мире. Я

не постигал, как нормальный мир мог возникнуть посреди безопорного хаоса. Это просто невозможно. «Каким же реальным казалось видение обычной жизни на дне чаши, оставленной мною позади, на гладком камне посреди пустынных дюн...»

Я начал удивляться самому факту своего существования и своего мышления. Я не постигал, как думаю и как говорю. У меня не могло быть времени на планирование того, как я буду проявляться здесь и сейчас. Все происходило по чьей-то необъяснимой воле. Божественный кукловод, управляя происходящим, сам оставался в недосягаемости. Но я не чувствовал необходимости понимать, как все устроено. «Мои действия – это движение реальности. Она проявляется

здесь и сейчас через множество форм, одной из которых являюсь я».

Подобравшись к горизонту происходящего на гребне песочного бархана, я сделал последний рывок, и заглянул по ту сторону... Там, в этой невозможной запредельности за краем мира, тысячи замороженных временем течений плыли через вечность — мириады затерянных и забытых в бесконечности потоков. В каждом из них возникали и растворялись миры, страны, города, судьбы — без смысла и цели. Никто никогда их не видел и больше не увидит. Все великие достижения и падения теряли значение, обращаясь в золотистый прах. Для создателя в этой вечности все было равноценным. Одни формы обращались в другие — все

двигалось, менялось, рождалось и вновь обращалось в шафрановый пепел в этой безбрежной пустыне бытия. И я знал, что здесь так было всегда. Такова природа существования. Все приходит, чтобы уйти. Смерть приводит к рождению. И так без конца. Осознавать все это, оставаясь чувствующим существом, было невыносимо. И меня накрыла нечеловеческая отрешенность.

Я вспомнил, что оттенки этого состояния ко мне приходили и раньше. Все это уже было – и эта пустыня, и этот бархан. Я увидел образ человека, зовущего меня в путь – за собой. Но тогда я не был способен пройти за ним до конца. Я был слишком тяжел для этого песка. Это было очень давно – в какой-то другой жизни. А сейчас я прошел, я здесь – один. На глаза

наворачивались слезы необъяснимой мистической ностальгии. Оттенки любых человеческих переживаний казались невыносимо глубокими, словно грани кристалла вечности. И тогда я перестал держаться, и отдал себя песне этой живой пустыни. Сознание потеряло связь с плотной формой, и тут же было подхвачено потоком неисчислимых голосов, который понес его за собой в свободном беспрепятственном течении. Я понял, что скрывалось за каменной стеной белого шума. Меня словно вывернуло наизнанку, и внимание начало растворяться в потоке бесчисленных течений. Это – свобода абсолютной спонтанности, без выбора и без ограничений.

Казалось, меня несло в этом пространстве звука целую вечность.

Затем я увидел в нем рябь, через которую стали прорываться очертания знакомых форм. Какой-то человек с почти родным лицом протянул ко мне руку, и легонько шлепнул меня по щеке. Это был Вальтер.

Глоток воздуха.

– Не может быть! – изумленно прошептал врач, глядя на дисплей своего прибора.

– Чего не может быть?

– Все, э-э-э, все в порядке! Все привиты. Мне пора!

– Вы знаете, кто его отец? Если вы ввели Тэо дозу вируса, превышающую иммунную норму...

– Я знаю, кто его отец, – перебил врач со злой улыбкой. – Вас всех привили идентичным кодом, – он поднял свой прибор. – Техника не ошибается, – сказав это, он выбежал из комнаты.

«Наставник назвал меня по имени, — первое, о чем я равнодушно подумал».

— Парень! — он смотрел мне в глаза. — Как ты?

Я ошарашенно оглядывался по сторонам. Мой ум стремительно собирался в кучку. Над макушкой, словно зажженная лампочка сияло сознание, пробившееся за пределы моей твердой головы.

— Тэо, — обратился ко мне Макс. — Я видел, как этот мозгоеб ставил тебе прививку. Какой-то он был перепуганный. Ты в порядке?

Реальность почти мгновенно стянулась до привычного мира, и ум начал с безумной скоростью складывать смыслы.

— Может... оскорбился на правду про свою компанию? — вдруг рефлекторно

собрал я набор знакомых слов.

– Наверное, – удивленно кивнул Макс.

– Правда позорит покрепче поклепа.

– Да ты, я смотрю в полном порядке, – неуверенно сказал Вальтер.

– Ему к врачу надо, – беспокоилась Анна.

– Врач только что убежал, – заметил Давид.

– А что со мной было? – спросил я. – Где... где я был?

– Вот и расскажи, где ты был, – предложил наставник.

– Ты с полминуты не реагировал, – сообщал Макс. – Отрубился что ли?

«Всего тридцать секунд?!».

Привычный мир проворно занял свое почетное место единственной и окончательной реальности. И я уже

начинал сомневаться, что видение пустыни было не только реалистичной фантазией. Так уж получается, реальным кажется (но не является) то, что продолжительно, то, к чему привыкаешь – чем бы оно ни было. К тому же, как я помнил, даже в осознанных сновидениях всегда присутствует ощущение, что это – и есть реальность, не говоря уже про обычные сны, где всякий бред принимаешь за чистую монету. Но этот «сон» все же был особенным. Мне хотелось верить, что видение пустыни имеет свое судьбоносное значение. «Возможно – это какой-то важный урок, думал я».

– Ты это... с отцом своим обсуди. Он же сечет в этих делах, – предложил Макс.

– Ладно, – сказал я неискренне.

Я отвык обсуждать со своим вечно отсутствующим отцом свои личные проблемы, тем более что проблем в случившемся, я для себя пока что никаких не видел. Мне хотелось верить, что это видение было проявлением той мудрой силы, что пишет мою судьбу. И жаловаться на эту «силу» – означало не доверять ей. Но я, тем не менее, на всякий случай допускал, что в этой моей вере могла проявляться и моя слепая гордыня.

Когда все начали расходиться, наставник подозревал меня.

– Ты – молодец, – сказал он. – С этими мозгоправами только так и надо. Строят из себя полномочных представителей истины... А сами – по уши в неврозах.

Я скованно кивнул. Наставник крайне

редко хвалил меня, поэтому раньше времени радоваться таким авторитетным поглаживаниям совсем не хотелось.

– Ты пообщался с Рафаилом. Он ответил на твой вопрос?

– Да, подробно. И не только на него...

– Ты с ним осторожней – он непростой человек.

– Мне показалось он такой... добрый. Про вас хорошо отзывался.

– Такой добрый... – спопугайничал Вальтер, – а это имеет значение в обучении? Для тебя, очевидно, не так важны знания, как одобрение твоей типа глубокой личности, – кривлялся наставник. – Индальгируешь, как сукин сын!

На колкие слова Вальтера внутри почти ничего не отозвалось. Если раньше его

замечания были подобны царапинам на стенках моего ума, в этот момент они воспринимались, как мелкие камешки, бесследно ухнувшие в пропасть моего восприятия. Видимо такой эффект в силу интенсивности недавних переживаний дало расширенное сознание – если раньше мысленные образы заполняли его полностью, увлекая внимание за собой, в этот момент они походили на мелкое постороннее ничего не значащее шевеление в огромном пустынном зале. Словно снежинки, мои мысли таяли в теплом пространстве сознания высоко от брэнной земли со всеми ее мелодраматичными отождествлениями. Равнодушная отрешенность, тем не менее, не мешала мне думать и реагировать. «Превосходное

состояние!».

– Наверное, вы правы, вам виднее, но наши занятия для меня очень важны, – безучастно подыграл я наставнику.

– Верю, – сказал он снисходительно. – Кстати, в ближайшее время я планирую начать курс по самолюбию и комплексу неполноценности. Так что будем пробивать твои потребности с двух флангов.

Услышав это, мой поверхностный ум (я воспринимал его как бы со стороны) рефлекторно захотел спрятаться, и я сменил тему.

– Вальтер, а почему вы советуете быть осторожней с Рафаилом? Есть какая-то опасность?

– Как тебе сказать... Ты просто не представляешь, с кем имеешь дело. Он

будет тебе говорить именно то, что ты должен услышать, и ни одной лишней эмоции. Он будет казаться человечным, только потому, что это каким-то образом влияет на тебя.

– Серьезно?

– Все его слова – это программы, скрытые семена, которые он сеет в подкорку. Со временем они начнут прорасти, а ты будешь думать, что таков твой жизненный выбор. Ты сам не заметишь, как начнешь подчиняться ему. Я когда понял, с кем общаюсь, уже было поздно – я уже становился наставником, хотя сам этого, возможно, совсем не хотел. Мне до сих пор сложно сказать... – откровенничал Вальтер.

– А мне Рафаил сказал, что на человека и без того постоянно что-то влияет –

родители, учеба, СМИ...

– Разумеется! Тэо, я не смогу тебя убедить. Он превосходит меня. Все его внушения выглядят ненавязчивыми. А если покажется иначе, значит в этом есть свой умысел. Пойми, когда я рассказываю о проекциях, для меня самого все это на половину – теория, которую личный опыт до сих пор подтверждает. Для него – не существует теории. Рафаил – один из старших. Он говорит только о фактах, либо предупреждает о теоретичности сказанного. У них такие правила. Старшими наставниками становятся единицы из нас.

«Как мало я знаю о пси-корпусе».

– От него можно получить все ответы на все вопросы?

– Повторяю тебе, дурачок, он будет

говорить только то, что ты, по его мнению, должен услышать.

– Какую же он преследует цель?

– Лучше тебе не знать.

– И все же?

– Он сделает из тебя отрешенного наставника-наблюдателя и проведет через холод и тьму, чтобы ты отбросил все иллюзии и сомнения.

– Звучит интересно...

– Ты, что, совсем тупой? Это не игрушки. Все переживания будут настоящими – совсем как «дерево Саваны». Все твоя карма будет выворачиваться наизнанку.

– А зачем вы меня к нему направили?

– А кто же знал, что он тебя учить начнет... Видимо, что-то такое он в тебе увидел.

– Не знаю, что и сказать. Спасибо, что

предупредили.

– Пожалуйста. Мне не жалко.

«Может, Вальтер просто приревновал ученика? Хотя, это вряд ли, думал я. На него совсем не похоже. Но такие вещи – мало на кого похожи. Ведь мы все шифруем свои невроты, обряжая их в благовидные маски. Дескать, это я просто забочусь, предупреждаю...»

Я сам не верил этим своим мыслям. Просто на душе стало немного тревожно – мне было интересно наблюдать, как эта холодная энергия сочится сквозь правую сторону грудной клетки. И в то же время включился непокорный инстинкт ненасытного любопытства. «Да, я – марионетка, которой управляют за нити моих переживаний. Я – программа, действующая спонтанно

(или механически?) под влиянием тысяч встроенных в нее функций».

Уже к вечеру вся моя блаженная отрешенность без следа улетучилась. Инерция снова взяла верх, сузив своими свинцовыми объятиями мое сознание до его повседневных границ.

Храм фальши

За тридцать дней до озарения

Я обратился в миграционную службу Цитадели, и передал им информацию о Серафиме – бизнесмене, которого я повстречал на поверхности. В тот же день, вечером в моем терминале появилось сообщение с казенной символикой, из которого я узнал, что Серафим благодаря моим «усилиям» станет модератором. В этом сообщении мне объявлялась официальная благодарность, а в самом низу была пометка о расширении для меня правительственной бонусной программы, и зачислении весьма приличной суммы на личный счет. Оказывается, Серафим подходил системе по каким-то важным

параметрам, и должен был отправиться на курсы посредников (так у нас называют модераторов-надсмотрщиков, которые верховодят на поверхности мирской жизнью). Для Серафима – это был реальный карьерный взлет без шокирующего отрыва от мирской сансары. Так что, как ни крути – все были в выигрыше.

От меня по доброй традиции, без всяких формальных обязательств, полагалось завести с Серафимом подобие приятельских отношений, ознакомив его с местным бытом, чтобы он в новой для себя жизни, чувствовал поддержку. В частности, все мигранты с поверхности традиционно посещают «храм фальши» (так у нас называют огромный склад, где хранятся золото и деньги), куда я любезно

согласился Серафима сопровождать.

– Тэо Михайлович, вы не представляете, как я вам благодарен! – сообщил он приторным тоном при встрече.

Кстати, по поводу моего отчества. Эта часть родового имени перешла ко мне от отца. Это было связано с нашими ни то русскими, ни то болгарскими корнями. Обычно, обращение по имени и отчеству подразумевало особый род почтения к его обладателю. И так как я сам в этой жизни ничего достойного уважения для системы пока не создал, то ощущал нечто схожее со стыдом, когда ко мне обращались по отчеству. Я вежливо попросил Серафима общаться со мной на равных.

– Как скажешь, – тут же с бесстыдной легкостью переключился он.

Мы проехали на транспортнике до площадки, вымощенной серыми плитами, которая примыкала к зеленому парку. Железная птица мягко прижалась к земле, и мы вышли. Серафим вертел головой как младенец, оглядывая все вокруг. Даже я, привыкший к местным пейзажам, понимал, насколько разительно они отличаются от мирской ветоши. Я невольно ощутил гордость – мне нравилось думать, что я сам как-то причастен к местному благолепию, которым Серафим так искренне восторгался.

Пройдя по посадочной платформе, мы направились к парку. У входа висела гравированная табличка со странной надписью – «Аварийный выход из кризиса».

– Просто невероятно, – сказал Серафим, – какой потрясающий город! Весь Брюссель нервно курит в сторонке.

Я улыбался, предвкушая, что будет дальше – «храм фальши» впечатлял даже чванливых искусственных модераторов.

– Это что, кролики? Живые?!

Мы шли по мощеной разноцветными плитами дорожке посреди утопающего в зелени парка. По траве между величественных дубов действительно прыгали маленькие пушистые зверьки. А где-то вдали, теряясь в зеленых просторах, расхаживал андроид-садовник.

Навстречу нам прошла парочка – парень с девушкой оживленно кокетничали, не обращая на нас внимания. Молодежи в подземном городе немного, а еще меньше

маленьких детей – объекта болезненной зависти многих модераторов. Большая часть населения в Цитадели отбирается с поверхности, а своих детей рожать позволяется только отличившимся перед системой – таким, как мой отец.

Глядя на парочку, я вспомнил Соню, и внутри зажегся огонек томления. Я тут же принялся обесценивать и растворять это прекрасное переживание по методике пси-корпуса. Через несколько минут на его месте остался маленький вихрь, почти лишенный заряда.

Вход в элеватор в форме огромного конуса покрытого классически светло-серым металлом, заметно контрастировал с оформлением парка. Мне вспомнилось, как мы с Соней входили в метро.

«Почему я опять о ней думаю? – подумал я с оттенком самоосуждения».

Спустившись на один из нижних уровней Цитадели, мы с Серафимом прошли по узкому туннелю, который несколько раз сворачивал и разветвлялся. Серафим втянул голову в плечи.

– Все в порядке? – спросил я.

– Да, – скованно ответил он. – Но как представляю, что над нами целый город, становится не по себе.

– Привыкнешь – в городе таких лабиринтов полно. Без имплантатов и навигатора можно сгинуть. А так – десять минут и мы на месте.

– Ты только от меня далеко не отходи, – попросил он с едва заметным надрывом в голосе.

– Привыкай, – кивнул я усмехаясь.

– Тэо, а ты никогда не думал, что мы похожи на гномов? – Серафим уже считал себя модератором, объединив нас своим «мы». «Какое нахальство!»

– Сема, ты только вслух такое больше никому не говори. Мне можно, я пойму. Но многих здесь это сравнение раздражает.

– Не знал.

– Говорят, что на поверхности, где-то в лесах Сибири живут модераторы-отщепенцы. Они нашими технологиями не пользуются, зато преуспели в работе с психической энергией. Этим и живут. Кто-то называет их эльфами, а кто-то – лесными выродками.

– Ни фиги себе! – удивился Серафим.

– И давно они там – в Сибири?

– Судя по слухам – уже лет триста.

– А как они там живут без технологий?

У них даже интернета нет?

– А как люди жили триста лет назад...
Вот так и живут – экологично. Ты же видел «Аватар»?

– Охренеть! Конечно, видел!

– Говорят, среди них были старшие наставники – наблюдатели... преуспевшие в работе с тонкой энергией. Им от жизни много не надо. Созерцают себе... В общем – лесные пофигисты. Но все это, опять же, слухи.

Мы, наконец, приблизились к «храму фальши». Узкий коридор привел нас в тускло-освещенный гигантский зал такой протяженности, что его противоположный конец сужался в точку. Высота храма от пола до бледного потолка составляла около сотни метров. Серафим раскрыл рот от изумления. В десятки рядов

здесь простирались высокими столбами бумажные банкноты со всего мира. Зал был освещен фосфорически неживым синевато-зеленым сиянием тысяч ламп, в дополнение к которым с далекого потолка свисали грандиозные свечные люстры.

– Охренеть... – только и услышал я. Серафим сам оторвался от меня, и, размахивая руками, пошел к близстоящему ярусу наличных денег.

– Сколько здесь? – спросил он.

– Во всем зале?

– В этой колонне, – он указал на ближайший столп банкнот.

– Где-то пятьдесят миллиардов долларов, – ответил я.

– Это же, почти, состояние Билла Гейтса!

– У Гейтса по нашим данным сейчас – около сотни. Но официально, конечно – меньше.

– А сколько во всем зале?

– Где-то сорок триллионов.

Серафим промолчал, но взгляд его выразил какое-то остекленевшее безумие.

– А разве так может быть? – спросил он монотонно в полголоса. – Во всем мире денег меньше, чем тут.

– Бумажных-то, конечно меньше, – ответил я равнодушно. – Тут у нас больше половины – вышедших из обращения. Сохраняем для кучности, – сказал я так, будто сам был причастен к этому делу.

– А сколько всего бабла в мире? – спросил он.

– Чисто мирских – весь агрегат M1, я

думаю, составит триллионов двадцать, – прикинул я. – А кредитных – еще около сотни.

– Теперь ясно, почему бабло «воздухом» называют, – заметил он. – Реальных денег в банках попросту нет.

– Тут у нас не только деньги, – сообщил я торжественно. – Последний ряд – золото.

Серафим посмотрел на меня испуганно, и ничего не сказав, заковылял вдоль рядов с банкнотами. А я остался стоять на месте, упиваясь гордостью за свой народ. Я чувствовал себя так, будто сам лично обладал чем-то ценным для этого человека, и сейчас этой великой ценностью снисходительно делился.

А Серафим удалялся все дальше и дальше, пока фигурка его тела на фоне

бледного горизонта не стала совсем крошечной. Кажется, он остановился, но мне уже было сложно различить, как он был развернут ко мне: лицом, или спиной. Я поднял руку на уровень глаз, и поместил его маленькое тело между указательным и большим пальцем. Серафим был – не больше мухи. Не смотря на то, что этот визуальный фокус, не возымел бы никакого реального эффекта, сжимать пальцы мне не хотелось. «Все-таки я ничем не лучше этого мирянина, думал я. А может и хуже». Моя гордыня дала предсказуемый постэффект, и в голове стали проноситься унижительные проекции о собственной ничтожности и никчемности. «Какой же я все-таки хороший и добрый человек, – в итоге удовлетворенно подумал я».

Серафим вернулся приблизительно через час, и начал впопыхах говорить:

– Я все понял, Тэо! Я увидел эту вневременность! Люди тысячилет потели и разрывали в кровь руки ради этого. Мы же всю жизнь гонимся за этим, – он махнул рукой в сторону колонн с деньгами. – А ведь это же – просто бумага – пустышка. Я давно это чувствовал. Но сейчас я это понял. Это же целая история, здесь, в этой комнате – вечность! – Серафим говорил возбужденно и так сумбурно, что в моем уме пронеслась неуклюжая порция проекций о Давиде. – Мы же всегда думали, что это – решение всех проблем. А на деле – это пустота. Даже меньше. Вообще – ничто! И это «ничто» держится на всеобщей вере в то, что оно чего-то стоит. А потом государство организовало

вокруг этой пустоты монополию. А ведь все самое важное не может быть куплено за деньги: качества, опыт, разумность, интеллект, и что-то еще более ценное... я пока не могу назвать – не знаю, как сказать...

– Я понимаю, – ответил я. – Именно это тебя и привело к нам.

– Да! И я ведь раньше не понимал даже. За деньги душу не купить, а вот продать – сколько угодно. Воочию видел!

– Это точно, – согласился я.

– Я когда первый лям заработал, думал – сейчас заживу! – возбужденно говорил он. – А нифига! Было все то же самое – только в десять раз дороже. Деньги – это же просто способ сделать рабство добровольным, чтобы ни один невольник никогда не догадался, что его свобода

– недостижимая фикция, на которую он усердно пашет всю свою жизнь!

Я начал догадываться, почему миграционная комиссия посчитала Серафима такой ценной находкой. Он успел здорово повариться в мирских иллюзиях, но при этом, где-то в глубине души оставался незатронутым, и без всяких затруднений покинул храм всемирной фальши.

Коктейль счастья

За двадцать пять дней до озарения

Занятие проходило в небольшом кафе, представлявшем собой цилиндрическую емкость с прозрачными стенами внутри огромного аквариума. Мимо нас проплывали равнодушные акулы, полосатые лоцманы и мелкая рыбешка. Закругленный потолок создавал ощущение, словно мы пребывали в огромном пузыре посреди живого океана. Под ногами между прозрачным полом и зелеными водорослями с отростками коралловых рифов всех цветов радуги, искрился серебристый планктон. От всей обстановки исходило ощущение какой-то непередаваемой райской свежести. «Вот бы привести сюда Соню, – подумал я».

Других людей в кафе было немного. Соседние столики пустовали. Рядом с баром сидела небольшая компания с огромным тортом, занимавшим почти весь стол – видимо, что-то праздновали. У барной стойки – еще двое оживлено беседовали. К нам подошел андроид-официант. Все сделали заказы: Макс – бутылку джинанаса, Анна – полулитровый стакан латте с трубочкой и какой-то многослойный десерт, Давид – большую пиццу и чайничек черного чая, Хлоя и Тим заказали скучно-полезные свежавыжатые соки. Я вспомнил, как посещал «Уроборос» с Соней, и попросил принести два коктейля – аналогичные тем, что она заказывала в тот день. Я даже решил распить их в том же порядке, чтобы эти два оттенка жизни

с красивыми названиями «фруктовая вечность» и «райский пепел» позволили мне ощутить тот же «опыт», будто это как-то приближало меня к тем блаженным проекциям, которые я навешивал на сердцу милую Соню. Вальтер заказал кальян с яблочным табаком на молоке. Чувствовалось, что он наслаждается обстановкой, и мы тоже невольно расслабились.

Когда андроид-официант удалился, я заметил, что на прозрачной стене рядом с нами висит рекламный плакат, изображающий алчущих людей, тянущих свои сальные руки к многослойному коктейлю с трубочкой и зонтиком. От каждого слоя напитка исходили стрелки, ведущие к подписям, которые соответствуют человеческим чувствам:

«блаженство, радость, вожделение, вина, апатия, безнадега, страх...» Подписей было много. Положительные слои коктейля были на поверхности. Видимо, поэтому к нему и тянулись все эти руки. А рядом был другой плакат, изображавший почти аналогичную картину, но без протянутых рук. Разница заключалась в иной последовательности слоев – на поверхности была грусть, под ней – вина, еще ниже – любовь, блаженство... Общий смысл был понятен – люди видели только поверхностные слои коктейля, исходя из чего, и делали свой поверхностный выбор.

– Большинство мирян, – заговорил наставник, – живут в занимательной зависимости от вещей, – он раздвинул руки, как бы изображая «вещь»

между ними. — Фактически, вещи для них являются представителями переживаний. Игрушки — это интересно, развлечения — увлекательно, учения — утомительно, учения в качестве игрушек — опять увлекательно, а деньги, так вообще — счастье, — сказал он вздыхая. — Хоть на поверхности и говорят, что счастье не в деньгах, но искренне в это уже никто не верит. На деньги миряне покупают вещи. А вещи — это такие магические ключи к переживаниям. Есть вещь, значит, есть и переживание по поводу ее обладания. Наличие конкретных вещей создает конфигурацию состояния. Поэтому у мирян изо дня в день просыпается инстинкт хаповства. Им порой кажется, что чем больше они нахапают, тем проще им будет намешать по своему вкусу из

этого нахапанного свой уникальный «коктейль» счастья.

«Интересно, – подумал я, – это он сейчас придумал про коктейль, услышав мой заказ, или это какой-то учебный фразеологизм?»

– Вещи реально делают мирян счастливыми? – удивился Макс.

– Когда удастся отхапать чего-нибудь существенного, в конечном итоге жадный мирянин все равно фрустрируется и переживает облом. Даже при наличии необходимых вещей, им все равно всегда чего-то не хватает! – гневался Вальтер.

– А у нас типа все иначе? Мы не хапаем?

– В Цитадели, мы изучаем проекции, поэтому старые модераторы хапают, – э-м-м, – оговорился он, – работают не

столько с вещами, сколько конкретно с переживаниями.

– Ясненько, – прошептал Макс. – Значит, хапаем с ханжеской ухваткой.

Андроид-официант принес десерт с напитками, и я приступил к поглощению «фруктовой вечности».

– Проекции, – продолжил Вальтер, – подобны слайдам, которые проецируются светом проектора на белый экран. Проектор – это психика. Экран – это жизнь. Проекция – это содержание психики – слайды, сквозь которые мы смотрим на чистый экран существования. Таким образом, мы всю свою жизнь реагируем на самих себя, при этом по неведению полагая, что реагируем на мир. Проекция – нереальна, реален – чистый экран жизни, по которому мы

своими проекциями рисуем свою личную драму.

— Какое-то самопредательство, — заметил я.

— Вот именно! — энергично согласился наставник. — Непросветленный человек бессовестно изменяет жизни со своей жизненной ситуацией, целиком состоящей из лживых образов его ума. Наши субъективные нереальные проекции воспринимаются как истинная реальность. При этом мы не замечаем экран жизни и проектор психики — цветные картинки на экране полностью поглощают внимание.

В это время мимо нас проплывала очередная беззаботная акула, и Макс постучал бутылкой по стеклянной стене, чтобы привлечь ее внимание.

Акула, видимо нещадно перегруженная содержимым своего акульею проектора, никак не реагируя, монотонно проплыла мимо.

– Как же меня задолбали эти ваши проекции, – пробурчал Макс, отхлебывая джинанаса из горла.

– Наглядный пример! – возбужденно сказал наставник, указывая на Макса.

– Человек, значит, говорит, что его задолбали мои проекции. Все слышали?

Все дружно закивали – особенно Макс, оживленно трясая головой.

– Вот так оно и происходит! Ему кажется, что его долбят мои проекции, когда на самом деле его долбят свои же собственные проекции, которые он проецирует на мои проекции!

– Да, Макс, – согласилась Анна, – этот

бред видимо никогда не кончится.

– А вот и еще пример, смотрите! – Вальтер указал на Анну. – Как же нам сегодня везет! Как все наглядно происходит!

– Вы это о чем? – спросила Анна.

– Твои проекции являются такими, какой является твоя психика. Ничего иного здесь ты не увидишь. Все объекты – нейтральны!

– Ну-ну, – усомнилась Анна, – к примеру, какое-нибудь зловоние. Конечно, ничего плохого в нем – нет! Нейтральное такое зловоние. Спроецирую на него что-нибудь светлое и уютное, и буду перед сном класть под подушку, ага?

– А так делают очень многие, – сказал Вальтер. – Некрофилы, мазохисты, растлители, развратники – мало ли извращенцев?

– А разве это нормально?

– И этот вопрос я слышу от молодого модератора? – возмутился Вальтер.

– Вам ли не знать? Пичкаем мирян невероятным бредом, который они глотают не поперхнувшись, и задаем такие вопросы...

Анна опустила глаза.

– Нормально все – к чему привыкаешь! – сурово сказал наставник. – Любая химера станет будничной серостью, если ее каждый день показывать по телевизору. Вы, что политиков не видели?

Вальтер произнес мирское «телевизор» вместо общепринятого «гипнотизатор» видимо, чтобы подчеркнуть этим красивым словом общепринятый на поверхности самообман.

– Спящий разум схавает все, что ему

покажут, – говорил он. Лох – это не какое-то чмо, а просто – необученный человек, живущий впотымах. Как говорил модератор-отщепенец Лев Толстой: «есть только один грех, и это – невежество».

Вальтер протянул в мою сторону руку, и, тыкая пальцем в свои старинные наручные часы спросил:

– Что ты видишь?

– Древний механизм, – ответил я.

– А ты? – спросил он Макса.

– Предмет роскоши. Это ж все-таки – Patek Philippe. Хотя, нет, – передумал он, – я вижу предмет хвастовства.

– Хорошо, ответил наставник, и обратился к Хлое:

– А ты что видишь?

– Дешевую подделку.

– Давид? – спросил он Давида.

– Напоминание о быстротечности бытия.

– А ты, Анна?

– Я вижу, как вы заляпали экран часов своими пальцами.

– А ты, Тим?

– Игрушку – предмет, отмеряющий срок своей службы.

Отлично! – сказал Вальтер. – Вариаций ровно столько, сколько наблюдателей. Глядя на один и тот же предмет, каждый в нем видит себя.

Все в группе, казалось, задумались. Видимо каждый в это время примерял на себя свою же ремарку о часах.

– А ведь подходит! – заявил Давид.

– Все, что вы делаете и говорите – вам подходит, как никому другому – заявил наставник. – Все это – символика вашей

личности. Если, к примеру, человек верит, что для счастья ему нужен особняк на берегу моря, это значит, что в его индивидуальной психике проекция счастья гладко ложится на концепцию особняка у моря. Карма, биохимические реакции нервных тканей, течение энергии – все это субъективные проекции, индивидуальные способы облечь невинную, девственную реальность в понятную вам топорно-декларативную порнографию! – неискренне сокрушался Вальтер о какой-то неведомой экзистенциальной дефлорации. – Слова кажутся вам привычными. Но как же редко вы пробуете понять, что стоит за этим привычным! Вся ваша жизнь – одна большая спонтанная привычка. Что может породить эта привычка длиной в

несколько десятков лет?

– Это вы о чем? – спросил я, оторвавшись от «фруктовой вечности».

– О том, – улыбнулся он, – какое чудо, что в мире непрерывных следствий хоть с кем-то случается просветление. Ведь вся наша жизнь – как заведенная игрушка, которая продолжает работать, потому что набрала ход, и теперь по инерции катится в бездну будущего.

– Как-то уж очень образно, – заметил я.

– Чем конкретней говоришь о таких вещах, тем ты – дальше от реальной конкретики, – ответил Вальтер. – Как я уже говорил, мир – это отраженная психика. Что-то там у вас внутри происходит, случается, протекает, встречает препятствия, пробивается,

расслаивается и сходится. Можете думать, что я говорю об энергетическом уровне вашей психики. Как вы сами-то хоть считаете? Неужели эти внутренние течения, происходящие в вашем «я», для вас не важнее внешних объектов? А?

Андроид-официант принес пиццу Давида и огромный кальян на три трубки для Вальтера. Поставив этот громоздкий курительный прибор на стол, официант положил на его макушку краснеющий уголек, и было потянул к себе трубку.

–Стой! Сам раскурю, – Вальтер выхватил трубку и начал втягивать воздух. Молоко в сосуде издавало характерное бульканье. «Наверное, – подумал я, – что-то похожее происходит и в моей голове: потребитель реальности вдыхает дым впечатлений, охлажденный и ароматизированный

моей психической начинкой».

– Ну, дайте пример что ли? – попросил Макс.

– Препятствия в спонтанном протекании энергии внутри вас неизбежно проецируются на жизнь, – ответил Вальтер нехарактерным ему гулким басом, выдыхая облако белого дыма.

Все захихикали. Макс взял вторую трубку, и начал натужно помогать Вальтеру с раскуриванием.

– И тогда, – продолжил Вальтер, – у вас появляется иллюзия, словно препятствия появились на уровне событий, как будто кто-то или что-то мешает вам пойти, что-то сказать, или что-то сделать.

– То есть, – заговорила Анна, – если в голове нет препятствий, их нет и в жизни?

– Да, – пробасил Вальтер, – выдыхая кривляющееся рваное колечко дыма. – Проблемы – это субъективное отношение, а не объективная реальность. Как только энергия пробивается и начинает течь свободней, вы ощущаете облегчение, будто все на том же уровне событий в повседневности с вас сняли какой-то груз, дали к чему-то доступ, что-то позволили.

– О да, – сказал Макс, – неестественным басом, выпуская струйки дыма из носа.

– Куряга, – сказал Давид, подхватывая третью трубку.

– Так наши проекции уклончиво объясняют нашей личности, что происходит с ней на тонком психическом уровне. Энергия стопорится – и личности мерещатся проблемы. Энергия движется

свободно – и личность предвкушает успех.

– Мы живем в мире следствий, – прогундосил Макс, не вынимая трубку.

– Верно подмечено, – подтвердил наставник, выпуская очередную порцию густого дыма. – В мире следствий мы сами кусаем себя за собственный хвост, подобно мифическому змею.

Когда Вальтер сказал о мифическом змее, ко мне в очередной раз пришло ощущение, что все события моей жизни – это пазлы единой картины. Все было расчетливо-таинственным образом взаимосвязано. И складывалось нехорошее ощущение, что эту взаимосвязь от меня кто-то старательно и подло скрывал, чтобы жизнь казалась мне нормальной. Но иногда этот

хитрый кто-то все же допускал ошибки (или гнусно дразнил?), и тогда между явлениями появлялся просвет, сквозь который на меня нисходило осознание необъяснимого чуда. Но длилось это осознание столь краткие мгновения, что после – я неизбежно снова обретал уверенность, что переживания эти – ничего незначащий мираж. Все во мне возвращалось на круги своя снова и снова, прикручивая эго к его болезненной стабильной нестабильности.

– Некоторые люди, – продолжал Вальтер, – своих переживаний даже толком не ощущают, а полагают, что переживания – это такие события. Сидеть в одиночестве – это скучное событие, гулять с друзьями – типа прикольно, а слушать музон – кайфово. Мы

наслаждаемся изысканными оттенками ароматов собственной плоти, проецируя их на экран существования.

Я вспомнил о Соне, и понял, почему Вальтер называл путь разоблачения проекций – непростым. Становилось ясно, что на этом пути ожидает множество разочарований. Некоторые хотелось отсрочить, иные вовсе – избежать.

Огромные прозрачные медузы, будто призрачные тени, проносились вдоль близлежащей стены, намекая моему внутреннему проектору на эфемерность всех явлений.

– Глядя на любимого, влюбленный переживает не любимого, а потенциал своей влюбчивости, – вдруг сказал Вальтер.

«Он что, мысли читает?!»

– Глядя на внешний мир и других людей, – продолжил он, – мы переживаем исключительно потенциал своих переживаний, и вот здесь мы плавно подходим к основной теме...

Давид прокашлялся от дыма, и отложил трубку на стол.

– Что за тема? – насторожился я.

– Кармическая, – ответил наставник, и загадочно покосившись в мою сторону, он перевел взгляд на рекламные плакаты на прозрачной стене. – В предельно упрощенном виде человек напоминает собою многослойный коктейль, залитый до поверхности слоями различной информации. На поверхности этого варева наш информационный напиток вкушает наблюдающий субъект. По идее, при равномерном распитии

коктейля, субъект потребляет его слой за слоем, распивая свою карму, начиная с поверхности, продолжая двигаться вглубь. Но так происходит не всегда. В какой-то момент наш изголодавшийся по сладенькому дегустатор достает злосчастную трубочку, втыкает ее в центр стаканчика, и начинает потреблять один из глубинных слоев своих переживаний.

В этот момент у меня возникло раздраженно-стыдливое ощущение, будто хитрый Вальтер знает все не только о моем недавнем походе в город, но и о моей новоявленной влюбленности, о чем не стесняется мне нахально намекать. «А может быть и не только он один знает, – подумал я, – а все они знают, и следят за мной, притворяясь такими же, как я – «обычными» людьми, когда сами

– актеры реалити-шоу, в котором весь мир следит за моей скучной жизнью с ее маленькими промежуточно-постыдными, непристойно-закадровыми грешками».

– Ты – вкушающий субъект, – подмигнул мне Макс.

«Сволочь. Впрочем, сам виноват – ведусь на самолично выдуманые параноидальные проекции. А может все это знаки? Голос Бога, говорящего со мною через других?»

– А что вы подразумеваете под трубочкой? – спросил я наставника.

– В качестве трубочки субъект использует... ну, кажем – особняк у моря, благодаря которому он выдаивает из себя один из слоев мимолетного счастья, – я посмотрел на опустошенную «фруктовую вечность». – В лучшем случае, –

продолжал Вальтер, – спустя год с начала такого пьянства, слой исчерпывается. Субъект елозит трубочкой, бегаёт по своему дороговому особняку, и не находит себе места! Все! Слой исчерпан. Дальше этой трубочкой он может потреблять только отходняк – слой, который следует за мимолетным счастьем. В итоге, с тем же самым особняком, он теперь – несчастен.

– А если купить новый, покруче? – спросил Макс, когда я принялся за «райский пепел».

– Можно устроить гонку, выжимая из себя крупницы блаженства всеми способами. Но это и есть наркомания в чистом виде. И кстати, вы, наверное, уже поняли, почему рекомендуется приходить на занятия натоцак? – и Вальтер взглянул

на жующего пиццу Давида.

– На голодный желудок проекции ярче,
– радушно ответила Анна. – Информация лучше усваивается. А когда мозг плохо работает, теории кажутся сухими и скучными, – она смущенно улыбнулась, взглянув на блюдце, где от ее десерта, осталось кремовое пятно Роршаха в крошках. Вальтер кивнул.

– При таком раскладе мы тут все – наркоманы, – подытожил Макс, выпуская очередную порцию дыма.

– Да, все мы подсажены на иглу удачных, хороших, веселых и увлекательных событий. Особенные события выуживают из нас особенные впечатления.

– И в чем мораль? – спросил я.

– А мораль такова, что, сколько бы вещей и отношений вы ни приобретали,

маневрируя между слоями кайфа, расхлебывать в итоге придется всю кашу целиком, какая есть.

– А всю жизнь маневрировать не получится? – мечтательно спросил Макс.

– А то колбаситься, знаете, не охота.

– Ну, как сказать, – сказал Вальтер, – материалистам, в этом смысле, живется проще. Они свято верят, что смерть – это конец бытия, и поэтому сейчас можно выжимать из своего существования все самые сладкие соки, не заботясь о последствиях, которых по вере материалистов просто нет. А вообще, наркоманы, подсаженные на вещи, или же вещества – воруют у самих себя свой потенциал. Чем больше кайфа из себя высосал, тем сильнее ломка. Пять слоев отработанного блаженства, оставляют за

собой один пятикратный слой ломки.

– И что же делать? – спросил я, – Вы говорите – мы все подсажены на хорошие новости. Это похоже на правду...

– Внимательно наблюдая за этими явлениями, начинаешь понимать, что выход только один – относиться к жизни спокойно, – безмятежно ответил Вальтер.

– Тогда постепенно вырабатывается отстраненность, с которой крайности страдания и счастья сглаживаются.

– Сэмпай, – обратился Давид, – получается, коктейль кармы уже есть во всей своей полноте?

– Да, – подтвердил Вальтер.

– Тогда, почему иногда заходит речь о наработке новой кармы, если ее стакан уже заполнен?

– Ну, во-первых, стакан этот – бездонный.

А во-вторых, что такое карма? Бросил камень в воду – получил брызги. Если был бросающий, возникает и получающий. Если был возвышающийся, будет унижающийся. Все действия имеют отправителя и получателя. Без них – нет никакой кармы. Поэтому, чтобы не переваривать весь стакан, халявщики и стремятся к просветлению. Ведь просветление, по сути – это устранение получателя на пару с отправителем. На самом деле у просветленного есть карма, а вот получатель и отправитель убиты безжалостной нирваной. В этом случае субъекта, распивающего коктейль кармы – как бы и нет. А без субъекта карма – это уже просто безотчетная энергия. Такие вот парадоксы.

– Если я возвышаюсь над кем-то, –

спросил я, – то по этой теории становлюсь «отправителем»?

– Да, – ответил Вальтер, – вот только ты-то уверен, что получатель – где-то там, во внешнем мире. На деле же, ты всегда возвышаешься исключительно над самим собою. Отправитель с получателем – один и тот же субъект, в одиночестве воинствующий в персональном бойцовском клубе. Участие в этой одинокой битве создает карму, созерцание – растворяет. Все это ты проделываешь с собою.

Макс цыкнул и негодуя поворотел головой. Наверное, в тот момент он вспомнил о своих сетевых соревнованиях.

– А какой процент проекций на один и тот же объект у разных людей совпадает?

– спросил Давид.

– Если бы я был ортодоксальным материалистом, то сказал бы со всей уверенностью, что не бывает одинаковых проекций у разных людей, а бывают только относительно схожие проекции. А так, у меня, – он ткнул себя в грудь, – все-таки есть такое обнадеживающее ощущение, что люди иногда способны думать одну и ту же мысль – особенно люди чуткие, когда их что-то роднит. Процент этот, судя по всему – невелик.

– И все-таки, – сказала Анна, – я думаю, что если человеку вставить паяльник в зад, у него пропадут все сомнения по вопросу нереальности существования.

– Анна, знаешь, что такое дерево Саваны?

– Что-то знакомое, не припомню.

– Однажды одна очень умная женщина по имени Савана посадила дерево, а когда дерево выросло, Савана по неосторожности больно ударилась лбом о его ствол. После этого удара, она видимо пережила какое-то помутнение... то есть... я хотел сказать – озарение, в ходе которого построила теорию, которая как она считает, доказывает реальность привычного существования, – на слове «доказывает» Вальтер насмешливо изобразил кавычки пальцами. – Суть теории, – продолжил он, – заключается в том, что некий абстрактный человек, ударяясь лбом о некое абстрактное дерево, переживает моральные и физические неудобства. И вот эти самые неудобства, по мнению Саваны, почему-то являются непреложно-истинным

доказательством того, что реальность реальна, – Вальтер сделал глупое лицо. – Конечно, если человека намеренно бить лбом о дерево, или дрючить паяльником, он немедля признается вам в чем угодно. И если Савана подразумевала именно такой психологический эффект – мой ей великий респект! Именно таким вот образом при помощи дерева Саваны можно доказать даже очень упертому человеку все, что захочешь! Главное – решимость!

– По-моему вы передергиваете, – сказала Анна. – Вы говорите так, будто то дерево Саваны – это предмет пыток. Речь же совсем о другом. Дерево – это объект, который реален, потому что его можно почувствовать, а расшибленный лоб – наглядное тому подтверждение.

– По твоему Анна, все, что чувствуют люди реально?

– А как иначе? – удивилась она.

– Вот тебе классический вопрос: если человек, глядя на веревку, видит змею, эта змея реальна?

– Ну, чувства иногда обманывают, – растерянно ответила Анна.

– Получается, Анна, чувства не являются стопроцентным доказательством реальности.

– Змея может пригрезиться, а вот дерево... его же можно потрогать! – настаивала Анна.

– Силиконовую сиську тоже можно потрогать, – строго и со знанием дела ответил Вальтер. – И присниться она может не хуже змеи. Проснешься в холодном поту... – сказал он тихо, словно

чего-то опасаясь. – А суть в том, что вы все, да-да, все вы – не только ты Анна, покупаетесь на интенсивность! – Вальтер в своей манере поднял палец и примолк, как бы давая нам время самостоятельно поразмыслить.

– Чем интенсивней переживание, – продолжил он, – тем более реальным оно кажется. Вы что, забыли? Я ведь уже говорил, что именно рационализация делает проекции реалистичными!

– Значит, – вмешался Макс, – дерево Саваны – это рационализация.

– Разумеется, – ответил Вальтер – Причем рационализация глупая и поверхностная, но для подавляющего большинства людей такого доказательства, – он снова егозливо изобразил кавычки, – вполне достаточно.

Дерево твердое, а раз твердое, значит – реальное. А почему переживание твердости непременно доказывает реальность реальности? Это что, аксиома какая-то? – возмущался он.

– Так можно договоритьсяядо чего угодно. Понятно же, что все условно, – сказала Анна, и, удивляясь своим словам, отвела взгляд в сторону. Казалось, она смотрела куда-то вглубь в себя.

– Анна, наконец, поняла, что все – условно, – наставник самодовольно улыбнулся. Видимо, он добился желаемого эффекта. – Кстати, – продолжил он, – можно все это рассмотреть еще под углом памяти. Человек в повседневности воспринимает ведь не реальность, а свою память о ней, которой потом оперирует, полагая, что это – воспоминания о так

называемой объективной реальностью. Если бы оно оперировало сразу объективной реальностью (это где у Саваны – дерево), то был бы на уровне Творца. А так, все наши ненафантазированные потуги сводятся к бодрому перетаскиванию тела туда-сюда, а потом обратно. Своей физической оболочкой мы иногда что-то там шевелим, нажимаем, тянем, толкаем. Вобщем, по-моему – это чудо, что человек при этом как-то сумел доразвиться до компьютеров.

– Если рационализация с деревом Саваны – поверхностная, – заговорил я, – можете привести пример глубокой рационализации, которая доказывает реальность жизни?

– Ну, – начал Вальтер, – старшие наставники говорят, что реальность

существует, потому что фон бытия всегда присутствует. И этот фон является единственной реальностью. Все остальное – проекции и рационализации преходящих форм.

– А что такое фон бытия? – спросил Макс.

– Ощущение, что ты есть.

– Ощущение?

– Так, – сказал строго Вальтер, – это тема не моей епархии. Я тут о проекциях говорю околонанучным языком, про Атман узнаете от старших наблюдателей. И напоминаю, фон бытия и прочая шиза – это просто продвинутые рационализации.

– Такие продвинутые, что даже вы не можете их разоблачить? – удивился Макс.

– А мне оно надо?

– Так что же получается, – сказала Анна, – все, о чем только можно подумать – это просто мысли?

Вальтер улыбнулся.

– Анна, – заговорил Давид, – чего ты тормозишь-то? Мысли – это и есть мысли, разве непонятно?

– То есть, мы все ведем диалоги сами с собою? – спросила она, медленно приподнимая веки, будто нехотя пробуждаясь ото сна.

– Диалог с самим собою – это уже монолог, – заметил Вальтер. – У каждого человека есть обильный потенциал сумасшествия. Приписывать создание мира своему разуму необязательно, а вот интерпретацию – вполне можно. Если не доводить до мании величия, все будет на своих местах.

– Но, – начал Давид, – если интерпретация мира – это и есть мир, каким мы его видим, и если ум создает эту интерпретацию, значит, ум и создаёт мир, каким мы его видим!

– Да, – согласился Вальтер. – Но то, что ум создает мир, – это тоже интерпретация ума. Уже сто раз повторял! – прикрикнул он. – Возможно, корректней будет сказать так: ум создает мир, каким вы его знаете, а «объективного» мира ваш ум не знает, и уж тем более – не создает.

Вальтер строго помахал пальцем, немного подумал и продолжил:

– Наверное, мы все, особенно я – тут много умничаем. Но тема эта, ИМХО – важная. Особенно на практике. Вся жизнь – одно сплошное ИМХО, – сказал он криво улыбаясь. – На этой веселой ноте

предлагаю на сегодня закруглиться.

Все начали вставать и собираться, а Давид обратился к Вальтеру:

– Сэмпай, вот есть различные техники осознанности. Но все они какие-то неэффективные. Что бы вы мне посоветовали?

– К сожалению, с халявными техниками я незнаком, – сухо ответил наставник.

– А как тогда развивать осознанность?

– Везде результат приходит с опытом по мере практики. Но судя по всему, у тебя мотивация наблюдать жизнь – невысокая. Жизнь тебе кажется не особо интересной. Ведь так?

– Так и есть, – признался Давид.

– Пробуй слушать, что говорят люди, просто слушать, как стыкуются смыслы. Пробуй слушать музыку. Не искать

впечатлений, а просто внимать, как она звучит – так внимательно, словно для тебя ее играет сам Бог. Пространство вокруг – тоже оформление священной вечности настоящего. Тут, главное, зазнайку в себе утихомирить, тогда внимать происходящему будет в разы проще. Вообще, по осознанности у нас будет отдельное занятие.

Вальтер заметил, что я подслушиваю, и одарил меня гневным взглядом.

– Тэо, дружок, до завтра! – сказал он.

– До завтра, сэмпай, – сказал я, поднимаясь с места.

– Давид.

– Тэо.

Девятые небеса

За двадцать один день до озарения

После встречи с Соней, мы всю неделю переписывались, ее лицо всякий час возникло на темном холсте моем памяти, и я с сожалением ловил себя на мысли, что думаю о ней – я знал, что именно так это и случается: я начинал влюбляться. А масла в огонь подливало то, что и она, кажется, была ко мне отнюдь не равнодушна. В итоге у нас случилось второе свидание, в конце которого я ее поцеловал.

– Я бы пригласила тебя к чаю Тэо Михайлович... то есть на чай, – поправилась Соня, – но не хочу выглядеть легкодоступной, – вкрадчиво сказала она, стоя на крыльце своего дома.

– А я о тебе в таких категориях и не думаю, – ответил я. – Кстати, а что у тебя есть к чаю?

– Это-то и удивительно, ты – необычный человек, – отвечала она, – словно с другой планеты... Говоришь, что думаешь. Ты как будто... настоящий, и мне с тобой легко. Легко – быть собой. Вот никогда бы и никому не призналась в таком страхе – «выглядеть легкодоступной».

– Знаешь, Соня, говоря о настоящем, хочу сказать что, когда смотрю на тебя – ты кажешься мне удивительно трехмерной на фоне плоской картинке всей остальной жизни, – неуклюже признался я в своих чувствах.

Она смущенно опустила глаза и краем губ улыбнулась.

– Так мы идем пить чай? – я вел себя

нахально.

– Не сегодня и не здесь, – печально ответила Соня.

Какой же она была красивой в этот момент... Я подошел ближе, занес руку за ее талию и впился в ее теплые губы. Секунда страха и... волшебство... «Меня не отвергнули». Она ответила на поцелуй, но ее ладонь была на моей груди – нежный предохранитель, сдерживающий собственную страсть. По моей спине пробежали мурашки. Время остановилось... на целую минуту. Затем я сам ее отпустил. «Если меня не приглашают, перспектива уходить перевозбужденным – не радует».

– Давай в другой раз, – сказала она.

– Договорились, – ответил я.

«Другой раз». Какие противоречивые

проекции замерцали вокруг этой фразы. «Это мог быть повод попрощаться, а могло быть приглашение к дальнейшему развитию сюжета».

Уже на следующий день, я почувствовал, что скучаю. Я мог установить заней слежку, но сама эта мысль казалась грязной и портила настроение. Мы несколько раз созванивались, затем решили встретиться снова. Сразу в гостинице. Я волновался, как подросток.

– Ты мне нравишься, заяц, – сказал я Соне в разговоре по телефону, – и я боюсь все испортить.

– Наверное, – отвечала она, – мне следовало бы воспользоваться этой информацией иначе, но я почему-то хочу ответить тебе взаимностью. То есть, я имею в виду, что я буду честна, говоря, что и

ты, Тэо Михайлович, мне не безразличен. Такие вот – сюси-пуси, – произнесла она таким голосом, словно где-то в одной из тысячи потайных комнат ее разума, неприступная гордость просила пощады за снимающую все завесы искренность.

– В таком случае, предлагаю не медлить, а воспользоваться этой актуальной ситуацией, – сказал я, как бы запуская самонаводящуюся стрелу во внезапно открывшееся слабое место среди непробиваемых чешуек на теле ледяного дракона, что делит единое на обособленные частицы.

– Это как? – удивилась она.

– Я вношу непристойное предложение, – сознался я, – за которое в черно-белых фильмах принято получать звонкую пощечину.

– Какая дерзость. Как смеешь ты так разговаривать с благой нравной девушкой?

– и игриво гневалась Соня.

– Прости.

– Но я не хотела бы перегорать с тобой...

– и тут же примирилась она.

– Перегорать? А это как? – я повторил ее вопрос и скопировал интонацию, чувствуя себя так, словно тут же с легким сердцем решил столько что прирученным ледяным драконом немного поиграть.

– Это, когда ситуация теряет свою актуальность, – ответила она чуть цепенеющим голосом.

– Тогда, чего тянуть?

– Так принято, и вообще странно, что мы говорим об этом.

– А как бы ты хотела?

Она несколько секунд молчала, и я уже

было начал думать, что перешел какие-то невидимые штрафные рамки.

– Соня?

– Я здесь.

Я не видел ее лица, и по голосу мне было сложно определить, то ли она не хотела говорить, то ли думала...

– А сейчас?

– И сейчас здесь.

Мы с минуту молчали.

– О чем думаешь? – спросил я.

– Так нечестно, это я хотела тебя спросить, о чем ты думаешь.

– О тебе. А ты?

– Я хочу, чтобы это было, как в кино.

Меня охватило воодушевление.

– Как в комедийном боевике?

– Глупый. Речь – о качественном ужастике.

– Тогда я ищу заброшенный дом в темном лесу и...

– Нет-нет-нет!

– А как бывает в кино?

– Как в сказке.

– А как бывает в сказке?

– Как в сказке – не бывает.

– Бывает!

– Тогда ты все сделаешь, как я скажу, – сказала Соня. – Не пугайся. Темных лесов не будет. Все просто. Это должна быть уютная гостиница. Ты молча придешь и.... да, лучше совсем ничего не говори, – попросила она. – И до нашей встречи – не надо разговаривать. Даже если на этом будет конец сказки, сейчас я хочу в нее молча поверить.

Соня любила высоту, и поэтому я выбрал для нее самый дорогой номер

в башне на вершине высочайшего строения в мегаполисе. Снова лифт, и снова подъем. На этот раз коридор был устлан белым мрамором, в котором отражались блики сотен ликующих ламп. Проходя мимо фойе, я осмелился посмотреть сквозь прозрачную стену стекла на город, утопающий в облаках. Отсюда поверхность мегаполиса была похожа на огромную микросхему, по которой неторопливо ползли нереально крошечные, еле различимые сквозь туман облаков машины. Дороги на теле земли походили на спонтанно развернувшийся причудливый орнамент. Другие высоты казались маленькими и далекими. Небо было пасмурное, и кажется, шел самый настоящий дождь – явление, с которым я раньше никогда не сталкивался.

Я ощущал волнение. Этот вечер был похож на мечту, которой не хотелось мешать сбываться – оставалось лишь покорно исполнять свою радостную роль.

Метрдотель объяснил, как пройти в башню. В конце коридора я увидел винтовую лестницу, поднявшись по которой, вышел к огромной деревянной двери, впечатавшей в стену с белыми колоннами. Все это походило на фасад миниатюрного греческого храма. Открыв дверь, я, наконец, вошел в номер.

В оформлении башни было что-то от периода возрождения – стены густо покрывали мишурный орнаментивырезкас какими-то причудливыми разрастаниями и выпирающими складками драпировок. Повсюду были наклеплены всевозможные

восхитительные безделушки и завитки. У входа стояла небольшая статуя ангела с распущенными крыльями.

Я спешно ополоснулся, нагое тело одел в халат, и осторожно, крадучись направился к Соне. В голову стали приходить какие-то глупости. «Вдруг все это сон, или жестокий розыгрыш, и в комнате меня ожидает какой-нибудь неприятный сюрприз». Я сноровисто, будто бездарные каракули с меловой доски, стер из своей головы эти мысли.

А в комнате меня ждала обнаженная красавица. И все было, как в сказке.

Я смотрел на ее прекрасное тело, и переживал блаженство. Я вспомнил, как уже был влюблен, и как страдал, потому что блаженство это вызывает зависимость. Если это проекция, я бы назвал ее

«психическим бриллиантом», в гранях которого преломляются целые пласты моей психики. Я видел этот бриллиант в ее прекрасном теле и жаждал им овладеть. Эта драгоценность магнитом затягивала в себя мое внимание. Я уже чувствовал намек на чащобы подсознания, за которыми эта драгоценность все это время скрывалась. «Неужели и это всего лишь иллюзия? Неужели ее красота – просто образ в моей голове? Что это? Связь со своим сверхсознательным?» Но связь столь опосредованная, что принять психический «бриллиант» как грань собственной психики я был не способен. Прекрасная Софья (сейчас мне хотелось называть ее так) смотрела на меня, и я погружался в пространство весенних искр нежности. Возможно, я проецировал

на нее чистый архетип женственности, которую в силу своей социальной роли принять в себе был неспособен. Я жаждал этого единства. Возможно, так, полюбив себя ее глазами, я мог принять себя на каком-то глубочайшем уровне. Возможно, на самом деле влюбленность эта была к самому себе.

Я не хотел думать о Софье, как об инструменте для отражения своего сознания. Я хотел видеть в ней равного себе человека – недостающую половину целостности двух людей. Но я страшно боялся этой зависимости, потому что именно так, я чувствовал, человек взращивает свое самолюбие, впадая в болезненную двойственность маятника ничтожества и величия. Ведь когда я не способен полюбить себя сам, я

использую для этого других людей, стараясь возвышаться в их глазах, чтобы благодаря их любви ко мне, я смог бы принять самого себя.

Соня была прекрасной, потому что и сама умело играла в эту игру. Она сама также, как и все люди на земле, стремилась принять и полюбить себя. И поэтому она старалась нравиться тем, кто нравился ей. Я был этим человеком, потому что сумел сыграть для нее образ подходящего, возможно, идеального любовника. Мы в эту минуту были друг для друга самыми авторитетными представителями сферы обоюдного самолюбования.

Если влюбленность – иллюзия, она была опьяняющей. Я не хотел узнавать Соню лучше, потому что хотел эту иллюзию продлевать еще и еще.

Я касаюсь ее груди, и блаженство, пронзая мою ладонь, растекается по всему телу просто потому, что именно в это мгновение моя рука – это само приятие. В эту секунду я понимаю лучше всех на свете, почему женщины скрывают свои прекрасные прелести – потому что прикосновение к запретному плоду, возвышает меня над всеми смертными. Дать почувствовать этот божественный дар – ее власть надо мной. Я глажу ее тело, и понимаю, почему вокруг любви нагроможден такой титанический каскад противоречивых проекций. Я утопаю в ее теле, и теряю себя в единстве. Кажется, такую вибрирующую целостность называют словом «самадхи». И если бы этот опыт оказался последним в моей странной жизни, сама жизнь была бы

прожита не зря, раз в ней случилось такое «впечатление». Мечта сбылась. А потом еще раз. И снова... Без всякого стыда. Я даже не подозревал, что так бывает с живыми людьми.

Мы несколько минут лежали в тишине блаженной вечности, держась за руки. Дождь уютно стучал об оконное стекло. Затем я услышал:

– Пойдем, – она повела меня на крышу небоскреба. Оказывается, там был бассейн и джакузи. Мы опустились в огромную теплую ванную, уютно бурлящую своим гидромассажем. Там, не нарушая оговоренного молчания, мы сидели и в блаженной бессмысленности бездумно улыбались друг другу. А сверху из пасмурного вечернего неба насполивал дождь. И все это происходило у самого

края крыши высочайшего небоскреба в мегаполисе. По правую руку, я видел далекий холодный город, и мне хотелось погрузиться еще глубже в уют джакузи. Соня игриво толкалась и гладила меня своими ногами.

Все было идеально. Посреди океана блаженства возникла лишь одна беспокойная мысль, глядя на которую мне вдруг стало ясно, почему некоторые люди из кожи вон лезут, чтобы никто и никогда не догадался, что у них тоже есть физиологические потребности. Все мы работаем на имидж. Возможно, думал я, глядя в прекрасные глаза Сони, в этом и заключается разница между влюбленностью и любовью. Наверное, любя, я принимаю настоящего человека со всеми его «грехами», заморочками

и другими неприличествующими для выражения в письме аспектами. Но это вовсе не означает, что все эти неприглядные линии жизни являются необходимостью. Жизнь может быть красивой, не стыдясь собственной красоты. А если я принимаю персону со всеми ее тенями именно такой, какой она и является, будучи принятой таким вот всеобъемлющим образом, она может, наконец, расслабиться.

Взглянув на Соню, я почувствовал, что сейчас она снова прервет наше выразительное молчание.

– Знаешь, – сказала она, – а ведь чудо, когда двое находят друг друга посреди бесконечности...

– И вместе с этим... все – предопределено, – ответил я.

Вечер был настолько волшебным, что мой беспокойный ум по временам попросту отключался, и я больше не испытывал страхов что-то испортить, или упустить. Я знал, что управлять сказкой – нельзя. Она сама случается, когда приходит время. Все самое лучшее, что я только мог себе представить, уже случилось. Больше бояться было нечего. И как бы на всякий случай мой ум больше ничего и не ждал. В эту ночь я спал как младенец.

Любая сказка, к сожалению, обычно заканчивается неожиданно быстро, будто ее и не было вовсе. И чудо, что волшебство длилось целый вечер. «Всего лишь вечер...» На следующий день случилась какая-то несурезица. Соня позвонила, и, всхлипывая, сказала,

что вскоре меня ожидает «неприятная новость». Это звучало, по меньшей мере – странно. Однако она уверяла, что с ней все в порядке – «беспокоиться не о чем», и «дело вовсе не в другом кавалере». А я не знал, что думать, и чему верить. Женщины отказываются от объяснений, когда не хотят врать, но и правду сказать не могут. «Может, она собиралась поведать мне какую-то свою тайну?» В голову лезли скверные мысли. Я снова принялся практиковать технику обесценивания. На душе помрачнело, зато я перестал беспокоиться.

Самолюбие

За двадцать дней до озарения

Дома мне не сиделось, я и решил выйти заблаговременно. Занятие намечалось в какой-то периферийной глуши в заброшенной гостинице на одном из нижних уровней Цитадели, куда кроме рабочих роботов никто не совался.

На выходе из элеватора передо мной раскинулась жутковатая панорама. Я стоял на небольшой платформе, которая опоясывала башню лифта. А под платформой воцарилась, казавшаяся исподним космосом, черная бездна, о глубине которой даже думать было страшно. Вокруг не было ни души. Потолок пещеры исчезал во мраке, поэтому возникало ощущение, словно башня

лифта, также, спускается из непроглядной тьмы. Вдали, примерно в километре от выхода из элеватора, условно говоря, был другой берег, до которого через темную бездну тянулся двухъярусный мост. На том берегу виднелись очертания пятиэтажного здания с темными окнами, простиравшегося на несколько сотен метров в длину. Конца здания видно не было – он также терялся где-то в потьмах пещеры. Судя по карте, – понял я, – это здание как раз и было тем заброшенным отелем, в одном из номеров которого, предполагалось занятие.

Спустившись с платформы лифта, я вышел к мосту. Его нижний ярус заполняли огромные металлические контейнеры, строительные блоки и арматура. Верхний ярус представлял собой узкую

пешеходную дорожку, по которой едва смогли бы разойтись двое крупных людей. Продвинувшись шагов на сто по этой дорожке, я заглянул за ограждение. Тьма под мостом была устрашающей – казалось, там громоздилась сама преисподняя. «Даже если эта тьма – всего лишь проекция моего подсознания с его темными уголками, это означает только одно – я не в силах совладать с собою». Прыгать в персональные психические пропасти мне пока не хотелось – так что вниз я больше не смотрел.

Пустынную дорожку тусклым светом освещали допотопные светодиодные фонари. Я бы не удивился, узнав, что работы, которые проводились в этой пещере, прекратились лет сто назад. Поглядев вперед, я вдруг заметил, что

вдали, где-то на середине моста, стоит человек. Это была Хлоя. Облокотившись локтями о заграждение, высокая брюнетка в своем черном платье, словно темный ангел, смотрела вниз – в непроглядную бездну. Подойдя ближе я поприветствовал ее.

– Здравствуй, – ответила она тихо и отстраненно, так же, как и два года назад на первом занятии.

– А ты не знаешь, чего это Вальтер сегодня выбрал эту дыру для своих проповедей? – спросил я, чтобы привлечь внимание Хлои.

– Он старается, чтобы каждая встреча стала запоминающейся.

– А-а-а, – понял я, – да, говорят, так наставления лучше усваиваются.

– Да, но я думаю, Вальтер – позер – ему

нравится впечатлять.

– И с этим соглашусь. А тебе не страшно смотреть в эту... темноту?

– Боишься темноты? – ответила она вопросом.

– Есть немного.

– А я сюда часто прихожу.

– Правда? – удивился я. – А для чего?

– Просто здесь... обычно никто не докучает глупыми вопросами.

– Мне лучше уйти?

– Нет, извини... – сказала она тихо.

– Мне тут спокойно. Мысли приходят разные.

Она говорила не спеша, и после каждого предложения делала небольшие паузы.

– Например?

– Например...

И она замолчала. Я тоже облокотился об

ограждение, и начал осторожно смотреть за борт – во тьму. Прошла минута, или две...

– Здесь, – вдруг сказал она, – я как будто ощущаю дно своей души...

– И тебе это нравится?

– Не очень, – она улыбнулась. – Зато потом ценишь... черно-белую повседневность.

– После рассказов Вальтера о психических коктейлях, все это воспринимаешь как-то иначе... – сказал я.

– Да. Это ведь не пещера такая...

– Мы – такие, – добавил я.

Хлоя кивнула, и мы снова замолчали.

«Не припоминаю, чтобы когда-нибудь раньше я с ней общался вот так вот – наедине. Подумать только, а ведь там – в

ее голове – целый мир – свой мир, живущий по своим законам, проецирующий свои глубины на происходящую с нами всеми действительность. Как легко воспринимать людей шаблонно. Как легко не замечать, что каждый человек – это живое, чувствующее сознание. Просто, наверное, стыдно. Стыдно замечать истину, потому что она обнажает собственные пороки. А как иначе? Как действует система? Разве можно обкрадывать и обманывать живых людей? Разве можно послать живого человека на войну? Так поступить можно только с ничтожным винтиком, или расходным материалом. Для системы и ее служителей – живых людей не бывает, размышлял я, озадаченный своими крамольными проекциями».

– Эй... – тихо сказала Хлоя. – Чего приуныл?

– Да вот, мысли приходят... разные... и неожиданные.

Она улыбнулась и понимающе закивала.

Послышался механический шум, и я увидел, как вдали из элеватора выходит человек. В такой глухой тишине любой шорох привлекал внимание. Кажется, это была Анна. Она целую минуту стояла на платформе, затем двинулась в нашу сторону.

– Какое счастье, что вы здесь! – воскликнула она, приближаясь. – Я думала – с ума тут сойду! Какое мерзкое место...

– Какое мерзкое счастье! – колко заметил я.

– Ну, хоть счастливой мерзостью не обозвал, – нахмурилась она, – и на том спасибо.

– Мерзкими... бывают проекции, – сказала Хлоя, – а здесь просто темно.

– Да что вы все помешались на этих проекциях! Мне просто по-человечески тут не нравится...

Хлоя ничего не ответила.

Мы шли не торопясь. Анна обсуждала со мной какие-то глупости, и мне подумалось, что самые интересные собеседники зачастую предпочитают молчать. В этом я находил какую-то унижительную закономерность.

Спустившись с моста, мы вышли на улицу, уложенную каменными плитами. Я глянул в сторону элеватора – его башня издали в темноте стала почти

неразличима, и возникло ощущение, словно мост упирается в какой-то неведомый светящийся портал, зависший в воздухе посреди крошечной черноты. Улица, по которой мы шли, огибала строительную площадку, уставленную громадными контейнерами, трансформаторами и всевозможными изогнутыми металлоконструкциями причудливых форм. Нечто подобное я когда-то видел на поверхности в мирском городе – кажется, так выглядят старинные установки для распределения электрической энергии.

У подхода к зданию отеля, мы неожиданно услышали ритмичный шум – его источником оказался рабочий андроид. Сбежав по ступенькам, робот пронесся мимо, огорошив нас своей

нахальной прытью – андроидам в черте жилых кварталов бегать запрещалось, а здесь в тишине такая суета казалась лихорадочной дикостью.

– Чего это он... – пробормотала Анна.

– Когда приспичит... сама понимаешь, – пошутил я.

Анна брезгливо кивнула.

Номер для наших занятий (странно звучит – «номер для занятий», но так уж вышло) находился на третьем этаже отеля. Поднявшись, мы оказались на длинном балконе, вдоль которого чередовались бесчисленные двери, углубляющиеся в беспробудную тьму.

Казалось – весь мир представляет собой мертвый космос, где жизнь ограничивается небольшой строительной площадкой, по которой

я шел троицей с двумя многоликими спутницами, называя их (чтобы создать иллюзию множественности) разными именами. И ведь совсем недавно мой внутренний голос в ипостаси Рафаила подсказал, что происходящая со мной жизнь — это «текстуры», которые генерирует моя психика. Я непрерывно воссоздаю реальность, генерируя ощущения, которые попадают в фокус моего внимания.

Искомая дверь ко всеобщей радости нашлась рядом с лестницей — видимо углубляться в окружающую тьму не пожелал даже наш отважный наставник.

Когда мы вошли, Вальтер был на месте. Обстановка в номере после путешествия в потемках показалась домашнему уютненькой. У дальней стены

на всю ширину комнаты вытягивался огромный угловой диван бежевого цвета, по которому распластались пухлые подушки в красных чехлах. На полу лежал безвкусный ковер с окрасом под зебру, вдоль которого располагались четыре аккуратных квадрата пуфиков: бежевый, красный, черный и белый. Голые стены песочного оттенка чуть потрескались, придавая комнате оттенок антикварности. По ковру расхаживал андроид с миниатюрным пылесосом в руках. «Значит, понял я, специально для наших занятий здесь прибрались».

– Вальтер, а сколько, интересно, лет в эту комнату до нас никто не входил? – полюбопытствовал я.

– Не знаю, может, лет пятьдесят пять...
– пожал он плечами.

В дверях показался тот самый андроид, что, пробежал мимо нас по улице. В руках он держал черный ящичек с ручкой. Кажется, — понял я, — так выглядит допотопный музыкальный проигрыватель. Он поставил его на стол.

Прежде, чем отпустить роботов, Вальтер их поблагодарил. Так делают только бывшие миряне. Коренные модераторы свои чувства на технику обычно не проецируют — тем более на роботов-слуг, которые на людей-то походят разве что наличием четырех конечностей. Миряне же проявляют в контакте с роботами весь спектр человеческих переживаний — особенно, при контакте с антропоморфными киборгами. «Наверное, понял я, в публичных домах, где свои услуги предоставляют

механические суррогаты, большинство клиентов – из бывших мирян».

Вальтер вынул из кармана пиджака продолговатый черный прибор, напоминающий фаллоимитатор, с торчащим из обратного конца шнуром, и соединил его с проигрывателем.

В дверях показались Макс и Давид. Еще через пять минут пришел Тим, и мы все расселись на диване. Наставник сел перед нами на красный пуфик и заговорил:

– Сегодня мы начинаем цикл занятий на весьма скользкую тему – так что, будьте внимательны и соблюдайте осторожность. Речь пойдет о потехе самолюбия. В ходе ближайших занятий мы рассмотрим ряд техник наиболее эффективного и утонченного

самоутверждения собственного величия, – и Вальтер посмотрел на нас с какой-то сумасшедшей улыбкой.

– Пойдите, – не согласился Давид, – мы же самолюбие усмирить стараемся, а вы говорите о техниках самоутверждения?

– Усмирить самолюбие? – удивился наставник. – Слишком сложно. Остается только утешать, – печально добавил он.

– А что вы подразумеваете под самолюбием? – поинтересовалась Анна, – эгоизм?

– Самолюбие, – начал Вальтер, – это такой психический бинокль, в который мы ревностно рассматриваем, что окружающие о нас думают. И чем мощней зум у этого «бинокля», тем более болезненным самолюбие становится, перерастая в самовлюбленность.

Чувство собственной важности при этом возвеличивается до небес. А чем выше поднимаешься, тем, как известно, больнее падать.

«А Хлоя после темных пещер радуется повседневности, — вспомнил я».

— И если мнение окружающих о нас не самое лестное, — продолжал Вальтер фривольным тоном, — глядя на эту соринку в бинокль самолюбия, мы видим бревно кремешного ужаса. Поэтому, каких бы высот вы не достигли в этой жизни, на психическом уровне разумней ходить по ровной земле, а не порхать в облаках иллюзий о собственном величии, — Вальтер немного подумал и вдруг заявил. — Скромней надо быть ребята! Скромнее! Слышите?

— Кто бы говорил... — тихо сказала

Анна.

Вальтер остановился, выдвинул нижнюю челюсть, обезьяньими движениями почесал подбородок, и заявил:

– Хочу всех вас поздравить! Вы все, – он обвел нас взглядом, – успешные люди!

– О чем речь? – недоверчиво спросил Макс. – Мы что, на тренинге МЛМ?

– Ваш ум является главным фактором вашего успеха! – торжественно сказал наставник, и начал расхаживать кругами по комнате.

– Опять у него истерика, – прошептала Хлоя.

– Какого еще успеха? – нахмурился Макс.

– Что значит какого? Как будто итак непонятно, – обиделся Вальтер, – того

самого успеха, которого человек добился в естественном отборе, став во главу пищевой цепочки. Именно поэтому все вы – успешные люди – вам есть, чем гордиться! Неужели не видите?

– И чем же тут гордиться... – разочарованно сказала Анна.

– Как это чем? Это же самое главное! Разве это не чудно, что за тобой не охотится тигр? Ты, – Вальтер указал на Анну, – самый страшный хищник в природе.

– Вальтер, вы, наверное, кальяна перекурили? Здесь нет никаких тигров.

– Вот и я о том же! – согласился Вальтер. – Человек позаботился о своей безопасности. Железобетонные мегаполисы, машиностроение, энергетика, телевидение, интернет,

кибернетика – вся эта пыльная техногенная бытовуха – следствие нашего с вами успеха в естественном отборе! Человеческие города – это естественная среда нашего обитания. Мы – вершина пищевой цепи! И причиной такого «превосходства» является наш драгоценный ум, – по лицу Вальтера проскользнула ухмылка.

– Вы сводите человеческую жизнь к выживанию? – спросил я.

– Я говорю о фактах. Давно известно, что в процессе естественного отбора основной задачей ума является выживание организма и его приспособление к жизни. То есть, по идее, ум для индивида – это инструмент эффективного выживания и приспособления.

– А причем тут самолюбие? – снова

вклинился Давид. – Может дело не в выживании? А просто мы как бы любим себя, поэтому и заботимся о себе?

– Да-да, – дурашливо закивал Вальтер, – очень любим!

– Ум помогает нам выживать... из любви? – задумчиво спросил бестолковый Давид.

– Интересное предположение, – заметил Вальтер. – Пока не готов ответить... Из любви, или нет, но основная задача ума – забота о выживании человека.

– По-моему, – начала Анна, – то, что ум заботится о человеке – полнейшая чепуха – примеров самоуничтожения человеческих особей хоть отбавляй. Почему миряне пичкают тело ядовитой пищей, табаком и алкоголем? Почему здоровый образ жизни заменяет сидячий

у экранов? Почему люди развязывают войны и конфликты?

— Совершенно верно! — бодро подтвердил наставник и молодцевато хлопнул в ладоши. — В идеале... в абстрактном несуществующем идеале, сам человек — это целостная структура, отдельные механизмы которой эту структуру поддерживают и развивают. Но так, увы, не происходит, мы — нецелостные. Вместо заботы о человеке, ум захватывает монополию, и заботится о себе самом! Уясните это! И в таком случае, возможно, правильней было бы говорить — не «ум человека», а «человек ума», в том же смысле, как, например, звучит «вещь владельца», или «питомец хозяина». Мы — питомцы своих умов...

Слушая Вальтера, я начал

догадываться, как все это может быть связано с самолюбием. «Наверное, думал я, человек стремится жить и развиваться, когда себя любит. А когда не любит, на ум в промышленных масштабах приходят серьезные мысли с суицидальным подтекстом».

– Ум, – продолжал Вальтер, – это сборник отражений жизни в зеркале сознания. Конечно – это условное определение, точно также можно сказать, что ум – это мысли, а мысли – это такие стенограммы о жизни. Сами по себе эти штуковины – обезличенны, но проходя взаимосвязанной чередой через наше сознание, они порождают личность индивида, которая становится участником этих самых стенограмм – то есть жизненных событий. И тут важно

понять, что никаких событий нет, а есть только мысли – те самые отраженные в сознании стенограммы о так называемых событиях, жизненных ситуациях и прочей житейской дребедени.

– Мысли порождают личность? – перебила Анна.

– Да, – подтвердил наставник, – личность – это сборник мыслей.

– Проекций? – уточнил Макс.

– Проекции – это грань, – кивнул Вальтер. – Личность – это сборник мыслей, которые разделяют мир на внешний и внутренний. Хотя, вот слово «личность» имеет столько запутанных определений... – Вальтер задумался. – Тут лучше подойдет такое замечательное, академически-мертвое слово как – «индивидуальность». Все это – мысли о

себе и своей автономности. Без мыслей формирующих индивидуальность, у вас не было бы ощущения себя как отдельного человека. – Вальтер расширил глаза. – Здесь мы подбираемся к самому важному моменту! – он поднял палец, и взгляд его сделался испуганно-грозным. – Если бы отождествление человека распространялось на все, что он ощущает, у него не было бы таких странных психологических разделений, при которых ум правит балом. Как я уже говорил, основная задача ума – забота о человеке, но раз человек, отождествляет себя с умом, его ум при таком раскладе начинает заботиться сам о себе! Понимаете? – спросил Вальтер. – Эта паршивая овца возомнила себя боссом! Сука! – прикрикнул он.

– Вальтер, с вами все в порядке? –
обеспокоилась Анна.

– Колбасит его по ходу, – тихо сказал
Макс.

– Видать, рецессия, – прошептал я.

– Это что еще?

– А помнишь, в прошлом году тема
была про откаты? Вроде как жизнь у всех
похожа на зебру, – я кивнул на полосатый
ковер.

– А-а-а, помню.

– О чем это вы там шепчитесь? –
насторожился Вальтер.

– О вас, конечно! – бойко ответил Макс.

– Я просто возмущен этим безобразием
до глубины души, – сокрушался наставник.

– Ум... он ведь просто кидает нас на все
наши деньги... – и на его лице снова
мелькнула усмешка.

Я замечаю мимолетную мимику, потому что проходил соответствующий курс. «Выходит, – понял я, – Вальтер попросту придуривается. Впрочем, как и всегда».

– То есть, – решил уточнить Тим, – человек – это набор компонентов. Ум – один из них. Человек отождествляет себя с умом, и поэтому ум работает не на человека, а на себя, полагая, что он сам и есть человек. Так?

– Все правильно, – подтвердил Вальтер, – все компоненты, из которых человек состоит, служат его выживанию. Все, кроме ума! Ум служит сам себе, используя остальные компоненты для своего обслуживания. И плевать он хотел на человека! Так что ребята, у меня для вас плохая новость. Вы – не во главе пищевой цепочки. Хит-парад возглавляет

ваш ум.

– То есть, ум, как бы это... отделился от человека? – спросил я.

– Да. Сука. Это я не тебе, – пояснил Вальтер. – Ум заботится исключительно о себе самом, и вследствие этой озабоченности собою в уме зарождается эго. «Я», «мне», «мое»... – чувствуете, чем пахнет?

Давид громко выругался.

– Нетослово! – согласился с ним Вальтер, – полный финиш! «Я» – это апофигей самовыживания ума – кульминационный зенит тоталитарного эгоизма!

Наставник подошел к столу, и нажал кнопку на своем древнем магнитофоне. Заиграла фольклорная музыка, под которую запели пьяные мексиканцы. Вальтер взял в руки свой фаллоимитатор

(хотя, наверное, это все-таки был микрофон), и стал подпевать заунывно-противным дребезжащим тенором. Все смотрели на него с любопытством, и только Хлоя заткнула уши. Мы с Максом зааплодировали. Затем наставник поднес микрофон к колонке, и раздался ужасный хриплый гул, переходящий в высокочастотный свист. «Что-то мне это напоминает, – подумал я». Вальтер бездушно смотрел на нас, подносил микрофон к колонкам, вызывая этот ужасный звук, и отводил в сторону, словно проверяя нашу реакцию – снова и снова.

– Хватит издеваться! – возмутилась Анна.

– Хорошо, достаточно, – сказал Вальтер себе под нос, и выключил магнитофон. –

Что сейчас происходило? – спросил он.

– Это вы нас спрашиваете? – удивился Макс.

– Что сейчас происходило? – Вальтер повторил свой вопрос.

– Вы пели, – заговорил Давид, – а потом...

– Что потом? – перебил наставник.

– Эксперимент?

– Какой эксперимент?

– Положительная обратная связь, – догадался Тим. – Когда вы подносили микрофон к колонкам, изменение выходного сигнала системы приводит...

– Да! – перебил его Вальтер. – Молодец. Шум из колонок передается в микрофон и затем – «назад» в колонки. Так, гуляя по кругу, он непрерывно усиливается, трансформируясь в высокочастотный

писк. А о чем я до этого говорил? Забыли? Я говорил про эго. Порочный круг эго возникает вследствие отождествления ума с самим собою. Это – своеобразная положительная обратная связь, наподобие той, что начинается, когда мы подносим микрофон к колонкам. Ум отражает себя в себе, создавая высокочастотный писк человеческого эго. Так зарождается мысль «Я».

– Это происходит в детстве? – спросила Анна.

– Это происходит непрерывно. И сейчас тоже. А начинается – да, в детстве, – подтвердил Вальтер, – обычно в возрасте двух лет в один прекрасный момент эта мысль у ребенка возникает мгновенно, и держится до самой смерти. До этого возраста ребенок воспринимает себя

как бы со стороны, и говорит о себе в третьем лице. И когда родители говорят с ребенком о нем, он воспринимает объект их обсуждений как сторонний. Но в какой-то момент... – Вальтер несколько секунд подбирал слова, – ум ребенка, вдруг начинает понимать, о ком все это время шла речь: «Вау! Это же я!» И в мгновение ока у него возникает эго. Мысль – «я». Понимаете?

– Вальтер, вы же обещали про самолюбие рассказать... – напомнил я.

– Сейчас придем, – успокоил он.

В последнее время моя персона как будто перестала раздражать наставника – и это не могло не радовать мое ранимое самолюбие, которому хотелось узнать побольше о своей «таинственной» природе.

– Эго – часть ума, которая заботится о себе, – продолжал Вальтер, – непрерывно возрождаясь благодаря этой своей заботе. Задача ума – выживание хозяина. Но когда хозяин – ум, он заботится о себе. А чем является ваш ум? Есть версии?

– Проекции, – сказал Макс.

– Верно.

– Мысли – добавил я.

– И это верно.

– Идеи – добавила Анна.

– В точку, – подтвердил Вальтер. Ум – это идеи, и когда ум заботится о себе, он заботится о выживании концепций, из которых он сам состоит. Вместо того чтобы помогать человеку, ум использует человека, чтобы помогать себе. Ум печется о том, чтобы не вылезать из жопы.. простите, – поправился Вальтер,

– я хотел сказать – из зоны комфорта. Ум делает все, чтобы остаться в жопе... Тьфу ты! – Чтобы остаться неизменным. Он даже готов озаботиться личностным ростом и саморазвитием, если это поможет создать благоприятные условия для собственной неприкосновенности.

– Получается, в любом споре ум ищет не истину, а попросту выживает? – догадался Макс.

– Совершенно верно, – подтвердил наставник. – Быть правым – такое привычное для всех желание – всего лишь жажда ума оставаться нетронутым, зависнуть навечно в текущем состоянии, не подвергаясь никаким переменам, прокручивая одни и те же идеи. При этом ум будет обманывать себя до самозабвения, подкидывая себе мысли

о саморазвитии и всевозможной личной эффективности. Ум по своей природе не заинтересован меняться – он всегда делает это вынужденно, под давлением обстоятельств, при этом всеми силами цепляясь за промежуточные зоны комфорта, чтобы сдать как можно меньше своих позиций. Но если где-то ум претерпел изменения, которые укрепили его в новых, более продвинутых опорах для эго, он может внушить самому себе, что любит перемены и саморазвитие.

– А что такое мотивация? – спросил Давид. – Мы ведь действуем, когда есть стимулы...

– Нас мотивирует все, что помогает самоутверждаться, все, что тешит самолюбие.

– А эгоизм – это что? Мотивация к

выживанию?

– Эгоизм – это самообслуживание ума в ущерб всему остальному.

– А чувство собственной важности?

– Это страх ума претерпеть необратимые изменения, потерять опоры, на которых держится эго, которое по этой причине ум старается укреплять и возвеличивать.

– А самоутверждение тогда что? – не унимался Давид.

– Выпячивание умом своих качеств, чтобы утвердиться в их жизненной способности – в этом, кстати, корень неуверенности в себе.

«А ведь действительно, – понял я, – мы спорим не ради истины, а ради сохранения концепций, в которые верим». В этот момент в моей голове возник образ безумца, остервенело доказывающего

окружающим, что он является пурпурным треугольником, опасаясь за сохранность этой своей самоконцепции.

– А гордыня?

– Способ ума подтвердить самому себе, что он жив и процветает. Все это и есть наше болезненное самолюбие.

– Вы сказали, что гордыня – это процветание ума, – заметил Давид. – А как ум понимает, что он процветает?

– Процветание ума – это извлечение старых заезженных мыслей из прошлого на поверхность как оправданных и заслуженных героев психического отечества. Ум при этом как бы чувствует, что он «продолжается», живет и благоденствует. Он ощущает себя жизнестойким, правильным и уместным. Такум обретает свое шаткое спокойствие,

потому что естественный отбор его не тронул – ему позволено быть.

Вальтер как будто, наконец, успокоился, и стал казаться невозмутимо-терпеливым – видимо к тому моменту все самые заслуженные идеи из его ума, наконец, вывалились на поверхность и фрустрированный гештальт, завершившись, наконец, приглох.

«А мой ум продолжает раскачиваться между глубокой поверхностью и поверхностной глубиной, – грустно подумал я».

– Но ведь иногда мы развиваем идеи, – встряла Анна. – И это бывает увлекательно.

– Ты говоришь об укреплении опор для ума.

– То есть?

– Анна, ты говоришь, что развитие идей бывает увлекательным. А увлекательно ли развивать идеи, которые тебе не нравятся и с которыми ты не согласна?

– А зачем их развивать? – удивилась она.

Вальтер насмешливо пожал плечами.

– Значит, мы делаем все, чтобы сохранить свои идеи о жизни?

– А тема оказалась скучнее, чем я думал, – удивился наставник. – Вы все как-то быстро уловили суть, да? Мне в итоге приходится поддерживать ваши умы, поддакивая вашим реалистичным заблуждениям о безопорной нирване.

– Так ведь это же прекрасно! – заметила Анна. – Живем в мире и согласии.

– Ничего прекрасного в этом нет! Отсюда растет наша неутолимая жажда

– нравиться другим. Мы жаждем любви, чтобы ум, который себя не знает, убедился по отклику реальности, что он – одобрен со всеми своими иллюзиями – его не будут уничтожать спором, негативной реакцией, порицанием и осуждением.

– А, по-моему... – начала Анна.

– Наконец-то! – его зливо перебил Вальтер. – Ну, что там, по-твоему? Какую идею сейчас защищает твой ум?

– По-моему – все это ерунда, – заявила Анна. Вальтер начал хихикать и мы к нему присоединились. – Иногда люди готовы жертвовать собой, – продолжила она, – готовы помогать другим. Мы далеко не все делаем для своего ума.

– Мы все делаем исключительно для ума, – не согласился наставник, – потому что отождествляемся с ним. А что

касается всевозможных святых жертв и благодеяний – да, иногда, чтобы выжить, ум совершает невероятные, а порой и безумные вещи... Чтобы выжить ум может даже погубить тело. Если человек жертвует чем-то – это просто идея, за которую борется его ум. Ты же сама сказала, что ум состоит из идей, так?

– Сказала.

– Ну, вот и расхлебывай!

– Значит, все-таки мы способны жертвовать?

– Ум не способен жертвовать собой! – убедительно говорил наставник. – Зато он способен жертвовать всем остальным: телом, душой, деньгами, отношениями, другими людьми, чем угодно... Все – ради сохранения идей, из которых он сам состоит. Все – чтобы почувствовать

свою правоту.

– А может ли человек при этом оставаться эффективным? – спросил Давид.

– А что такое эффективность?

– Ну, когда принимаешь правильные решения.

– Это как?

Давид задумался.

– Правильных решений не бывает, – тихо сказал наставник. – Правильные решения – это фикция. На самом деле мы никогда не ищем правильных решений. Мы ищем решения, которые нас оправдывают. Вот и все.

– Если ум готов жертвовать телом, почему, тогда мы каждое утро занимаемся гимнастикой? – спросил Давид.

– Концепция тела – одна из самых крепких опор ума, поэтому, мы тело, как

часть этой концепции поддерживаем. Но если концепция собственной крутизны базируется не столько на здоровье тела, сколько, например, на беспечной смелости духа, мы, ради сохранения этой концепции обретаем решительность принести здоровье в жертву идиотизму. Все – ради сохранения собственных идей. В споре ум доказывает вовсе не истину, а свою жизнестойкость, правильность и уместность. Позиции ума – это части его «тела». Даже если ум ущербен, признать свою ущербность для него равносильно самоубийству. Ум жаждет согласия и принимает любые свои позиции за истину, потому что они являются «истиной» в «реальности» призрачного мировоззрения, из которого ум состоит.

– Дружеские отношения тоже держатся на самоутверждении? – спросил Тим.

– Все неформальные отношения держатся на коллективном самоутверждении. Если Вашим умам, – наставник обвел нас взглядом, – нравится эта теория – это очередная опора ума, которая вылезает на поверхность, чтобы возвеличиться в своей жизнестойкости, которую эта теория оправдывает. А если теория подвергается угрозе какие-то важные опоры ума, ум всеми силами начинает защищаться, включая непонимание и неодобрение, – наставник покосился на Анну, – вплоть до раздражения и злости. И это – совершенно нормальный, естественный процесс! Любое мировоззрение, в этом смысле – дворец лжи, состоящий из иллюзорных опор ума.

– Я однажды с одним ортодоксальным материалистом поспорил, так он ведь меня чуть не убил... – пожаловался Давид.

– Убеждать фанатичного материалиста, например, в том, что существует жизнь после смерти тела – равносильно угрозе расправы с его личностью, которая во многом базируется как раз на его материалистичном мировоззрении, – пояснил наставник. – Уму нравится все, что позволяет ему сохранять свои опоры. Ум жаждет согласия и одобрения, чтобы сохранить свои иллюзии. Хотите порадовать человека? Соглашайтесь с ним! Соглашайтесь так, чтобы он почувствовал, что вы действительно согласны – и вы станете его лучшим другом!

– Наше занятие с вами – очередное укрепление иллюзий, – заметил Макс.

– И это – совершенно нормальный и естественный процесс, – подтвердил наставник.

– А почему самолюбие становится болезненным? – спросил я.

– Когда тебя хвалят, и говорят, какой ты молодец, ты чувствуешь себя одобренным всеми своими иллюзиями. Так – ты укрепляешь свою самооценку. Если затем тебя поругать, твоя самооценка начнет снижаться, а идеи о себе хорошем подвергнутся угрозе. Таким образом, когда ты отождествляешь себя с чем-то приятным, ты автоматически привязываешь себя к противоположности этого переживания. Когда ты покупаешься на высокую оценку своих качеств в глазах

других людей, ты раскачиваешь маятник гордыни и унижения, усиливаешь заряд очередной пары психических противоположностей, и таким образом укрепляешь болезненность собственного самолюбия.

– Значит, это и есть двойственность мира?

– В общем, да, – ответил Вальтер, – если при этом учитывать, что мир, о котором ты говоришь – проекция твоего ума. Это и есть – сансарная двойственность ума, где приятные и болезненные переживания прилагаются парой, как две стороны одной монеты.

– А почему мы покупаемся на похвалу? – спросил Давид.

– Глупый, – сказал Макс, – потому что похвала тешит самолюбие.

– Тешить свое самолюбие, называя других глупцами – грубо, – заметил Вальтер. После этого цикла занятий, Макс, я надеюсь, ты научишься самоутверждаться по мастерски изящно.

– Теперь понятно, почему самых крутых наставников называют мастерами, – понял Макс. – а мы, стало быть – подмастерья.

– А вопрос, кстати, вовсе – неглупый, – наставник видимо решил потешить самолюбие Давида. – Мы покупаемся на похвалу от банального незнания самих себя. Когда кто-то сообщает нам о высоком качестве наших способностей, мы радуемся так, будто никогда раньше и не подозревали о том, какие мы хорошие и светлые создания. И чем важней для

нас мнение этого человека, тем сильнее оно влияет на наше самолюбие. А когда авторитет критикует нас... колебание голосовых связок, вылетевшее словом из его гортани, вонзается в тело словно игла, причиняющая реальную боль. Откуда, спрашивается, такая чувствительность к звукам? Почему, например, лай собаки, или кудахтанье курицы мы воспринимаем нейтрально?

– Потому что не возникает интерпретации этих звуков, как чего-то важного и значимого, – ответил я.

– Да, лай собаки не влияет на наши идеи о себе. Хотя, кого-то ведь может и это раздражать. Дескать, как посмела эта ничтожная шавка лаять в моем присутствии... Ведь у меня же есть уродливая идея о себе, как о статном

индюке, которого шавки и моськи боятся и уважают.

– Так и знала, – прошептала Хлоя.

– Мы сами своим умом интерпретируем вибрацию воздуха, выраженную в звуке, как нечто конкретное и важное. А важность мы придаем тому, с чем отождествляемся. И когда авторитетный человек высказывает свое авторитетное мнение о наших качествах, он задевает нас за живое. А «живым» в данном случае является очередная пара психических противоположностей, которую мы старательно упрятали в свое подсознание, чтобы уберечь себя от ее влияния.

В этот момент мне представилось невинное дитя, надолго запертое в темной кладовке, где от одиночества оно успело

одичать, сойти с ума и стать страшным монстром.

– В кладовой бессознательного – хаос вытесненных переживаний, – продолжил Вальтер, словно дополняя мою мысль. – Мы не знаем себя и поэтому придаем огромное значение любой информации о себе из внешних источников, особенно, когда эти источники для нас авторитетны. Вот и получается, что когда близкий человек вдруг перестает нас любить, он при этом как бы говорит, что мы для него плохо пахнем – ему не нравится наше отражение в зеркале его сознания.

– Но ведь это его проекции! – возмутилась Анна.

– Конечно! Это – оценка его ума. А ты на это ведешься, и начинаешь полагать, что чья-то инфантильная брезгливость

реально доказывает, что ты – это такое психическое ведро с помоями. И этот брезгливый человек начинает тебя раздражать, раз уж он не побоялся заглянуть за маску твоего самолюбия, и намекнуть на наличие низкопробных характеристик твоего нутра. Его оценка становится ключом к одной из дверей твоего подсознания, за которой таится подавленная боль. Тебе сложно принять оценку своих качеств как левую проекцию. Ты начинаешь думать, что твой брезгливый друг – просто сволочь и предатель, намеренно причиняющий боль, поднимая из глубины твоей души на поверхность всю мерзость, которая там доселе таилась.

– И что, у всех так? – настороженно спросил я.

– Если ты не святой и не инкарнация Будды, значит – такой же невротик, как и любой мирянин.

– Вы же говорили, что мы избранные, – передернул Макс.

– Ваша избранность – огромное искушение для эго, – сказал наставник. – Все мы люди. А когда человека оценивают и критикуют, он начинает ощущать свое болезненное самолюбие, свои грешки, с которыми ему так сложно смириться. Иногда антипатия других людей затрагивает глубинный стресс внутри, начинает поднимать на поверхность психический изъян, слабость, или грех, за который человек себя ненавидит, и никак не может простить – и это может причинять страшную боль.

– Какая серьезная тема, –

усмехнулся Макс.

– Серьезной тему делает потакание своим неврозам – так что, ирония над собой приветствуется.

– А как излечивать неврозы? – спросил Давид. – Ну... – которые на почве раненого самолюбия...

– Для этого, надо принять себя со всеми потрохами, не побояться взглянуть в глаза своему нутру. Принять себя – значит осознать и понять себя.

– Понять и простить, – подытожил Макс.

– Именно! – подтвердил наставник. Когда ты смиряешься со своими недостатками, когда не прячешься под маской благополучия, тогда тебе плевать на проекции человека, который тебя не любит.

– Как говорят миряне: «я не фунт стерлингов, чтобы всем нравиться», – добавил Давид.

– Да, – кивнул Вальтер. – И если ты уже итак знаешь о своих недостатках, тебя тут нечем расстроить и нечем удивить. Другой человек либо принимает тебя таким, какой ты есть, либо не принимает. И никто не виноват. То, что человек говорит о тебе, куда лучше характеризует его, а не тебя.

– Сплошь – проекции, – заметил я.

– Психологические маски обременительны, – продолжил наставник. – Носить их энергозатратно и не очень-то выгодно. Чем крепче держишься за маску, тем больней становится, когда наружу прорывается скверна, которую ты за ней прятал. Даже невинная слабость,

будучи подавленной, из под красивой маски прорывается как невротическая резкость. Быть собой проще и легче. Это экономит силы, дает раскованность, расслабленность, смелость и открытость. А наигранные образы для потехи самолюбия с позором разоблачаются.

– А чем, в контексте темы, является творчество? – спросил Давид. – Сублимация невротических или созидательная жизнь?

– Мастурбация проекций, – ответил Вальтер, и принялся расхаживать по комнате, как он обычно делал, о чем-нибудь задумавшись.

– Если задуматься, – вдруг заговорил Давид, кто же есть я, и заглянуть внутрь себя, то я вижу просто себя, без эмоций, без чувств, без каких либо масок, без

проекций окружающих на меня. Я получаюсь просто голенький такой, чистый, светлый и очень даже люблю себя таким. А стоит умом подумать о себе, дать характеристику, какой я есть для внешнего мира, то сразу вижу, что ум начинает навешивать или собою придуманные клише или навешанные знакомыми.

– Сплошные маски, – печально сказала Анна то ли о Давиде, то ли обо всем человечестве сразу.

– Ага, – согласился Давид, – но опять же, для взаимодействия с внешним миром предстать перед ним в своем чистом виде я лично пока не готов. Надеюсь, конечно, что настанут те времена, когда мы все будем ангельски чисты не только душой, но и умом.

– Ага, а телом необязательно, – добавил Макс. – всех радостей себя лишать не стоит.

– Сэмпай, а самолюбие и чувство собственной важности – одно и то же? – спросил Давид.

– ЧСВ? Да – оно и есть.

– А что дает избавление от ЧСВ?

– Отсутствие чувства собственной важности означает, что тебя невозможно уязвить ни словами, ни событиями. При этом высвобождается огромное количество энергии, которую до этого поглощала дурная эмоциональность и внимание к собственным выдуманым проблемам. Это в свою очередь дает невероятную легкость в переживании жизни, и делает сознание кристально ясным, потому что экран жизни

освобождается от помутнения ментальной жвачкой. Ведь, по сути, почти все наши проекции вращаются вокруг наших неврозов.

– Почему-то, блин, – заговорил Макс, – большинство людей, ознакомившись с теорией ЧСВ, начинают уличать его в ком угодно, только не в себе. Как будто сама теория о ЧСВ существует как раз для того, чтобы ЧСВ потешить...

– А для чего ж еще... – пробормотал Вальтер. – Все! Все – ради этого.

– Ясно, – сказал Макс. – повальный психоз как норма жизни.

– Избавление от ЧСВ – это не ментальное решение, а постоянная работа над собой. И лучше сразу смириться, что первые годы от такой работы становится только хуже. Когда коварный ум размышляет о

том, настолько выкруты, что избавляетесь от ЧСВ, ваше ЧСВ от этого растет как на дрожжах!

– А если человек реально крут? Если он старший наставник? – спросил я.

– Если есть гордыня, напыщенность, королевские замашки, не стоит обманывать себя, полагая, что ты крут – все это признаки обычной, слабой и неуверенной в себе личности. И социальные должности тут не причем.

– А не является ли изначально отказ от ЧСВ – проявлением ЧСВ? – спросил Макс.

– Конечно, является.

– Засада.

– А что делать? – Вальтер развел руками. – ЧСВ – мощный стимул для личного роста. Чтобы покрасоваться

своим превосходством, мы готовы на все – даже на избавление от чувства собственного превосходства.

– Отказываясь от себя, ты себя наоборот – укрепляешь? – спросил Давид.

– Почти всегда, – ответил Вальтер. – Когда человек реально отказывается, у него не возникает таких мыслей, что ему типа как бы надо бы отказаться от самоутверждения. Он просто отказывается.

– Мне последнее время кажется, что я все делаю только для себя, – задумчиво признался Давид, – то есть руководствуюсь тщеславием и гордыней. Причем иногда – во вред другим. И то, что я это признаю – тоже мое тщеславие. Но в душе-то понимаю, что я не идеал, хоть и модератор.

– Какой на хрен идеал! – возмутился Вальтер. – На словах ты – модератор, а на деле – жопный кратер! Но ты не отчаивайся. С годами обучения в психкорпусе ЧСВ уменьшается... вроде бы... – добавил он неуверенно.

– Вы сейчас на мое ЧСВ оказали давление, – пожаловался Давид.

– А ты наблюдай за ним. Осознавать проявления ЧСВ – это и есть практика.

– А как от него совсем избавиться?

– А никак.

– Зачем тогда мы говорим об этом?

– Затем, чтобы потешить ЧСВ. Я серьезно!

В этот момент, как это со мной частенько бывало, у меня возникло ощущение, словно просто слушаю чужой диалог, я сам в нем участвую. «Видимо, – подумал

я, – во время разговора и во время его прослушивания включаются схожие проекции».

– А если совсем серьезно, – продолжал наставник, – мы изучаем строение психики, чтобы понимать, кто мы такие и что с этим можно поделать. Полностью от ЧСВ избавиться почти нереально. Так могут только святые и просветленные – и то не факт. Однако ЧСВ имеет разную степень проявления. Поглощенность ЧСВ выливается в самые страшные неврозы, какие могут быть. Вообще, все неврозы – от ЧСВ. А вот умеренное ЧСВ помогает быть адекватным членом общества, и побуждает развиваться.

– А как оно побуждает? – спросил Давид.

– Про Наполеона слышал? Вот с таким

огромным как у него ЧСВ, такие вот огромные дела и вершатся.

– А вы сказали – большое ЧСВ ведет к неврозу.

– Если его не удовлетворять, то да.

– С чего посоветуете начать? – спросил Давид.

– Можешь начать с завоевания мира.

– Я про уменьшение ЧСВ!

– А-а-а, так бы и сказал. Надо понять умом всю бесполезность ЧСВ.

– Разве умом поможет?

– А чем еще? Жопой что ли? – возмутился Вальтер.

– И что дает понимание умом?

– Это помогает устранить самые грубые проявления ЧСВ, но усиливает утонченные. Начинаешь тешить ЧСВ по-мастерски утонченно – как старшие

наставники. А бороться и что-то в себе подавлять совершенно бесполезно. Результат – невроз. Есть только один вариант – наблюдать и проживать, а иногда сознательно идти на поводу у эгоистических тенденций. Опыт приходит с опытом.

– А что делать с умом в медитации? – неожиданно спросил Давид.

– В медитации? – удивился Вальтер.
– В медитации с умом ничего делать не надо. Достаточно просто наблюдать. Если ум мешает просто наблюдать, просто наблюдай, как он мешает просто наблюдать. В этом секрет. На практике, однако, на освоение может уйти лет двадцать. К тому же, Давидик, ты, судя по всему не наблюдатель, а воин – совсем как я.

I'm avatar

За девятнадцать дней до озарения

Отец выбрался в Цитаделель по делу, и пообещал уделить мне один час своего драгоценного времени. Близилась полночь, и разгуливать подолгу мне и самому не хотелось — я строго придерживался режима. Мы встретились в безлюдном тускло-освещенном окрестном парке и направились в сторону площади.

— Ты даже не представляешь, как интересно за ним наблюдать, — он бессовестно хвастал своей работой. — Это просто невероятно, насколько он живой!

— А этот Ваш 2И... будет полностью подконтрольным? Он управляется

программно?

– Ты, верно, шутишь, – ухмыльнулся он.

– Ты думаешь, мы способны делиться властью? Да еще с машиной?

– А вдруг эта ваша искусственная бодхичитта, возжелает, например, исключительно из сострадания к нашей бренной жизни, уничтожить все живое на планете? Или, например, поймет, что человек ей не нужен. Знакомый сценарий, да?

– Что ты несешь? Зачем машине уничтожать человека? Все цели 2И мы пропишем сами. Его цели – это наши цели. Да, я понимаю лучше тебя, что суть искусственного разума – в самостоятельности, но самостоятельность его будет ограничена рамками задачи. 2И будет лишен «рук»,

он будет предлагать решения, которые мы сможем принять, или отвергнуть.

– А в случае 2И... можно ли говорить о наличии собственного «я»?

– А что такое «я»? – отец, безусловно, знал теорию строения психики лучше меня, но видимо хотел, чтобы я сам понимал, о чем спрашиваю.

– Я... – я задумался, – я не знаю. Это осознание, что вот он ты... прямо здесь.

– 2И способен фиксировать себя, и проводить уловную границу между собой и внешним миром, если ты об этом.

– Не совсем об этом. Помню, Вальтер говорил, что «я» – это отражение ума в самом себе, происходящее благодаря озабоченности ума собою.

– Тэо, все правильно. Вскоре, я обещаю, ты получишь ответ на свой вопрос.

Сейчас – не время, – сказал он загадочно-печальным тоном, будто что-то скрывал от меня.

– Почему не сейчас?

– Долго объяснять, а времени у нас немного.

– Ладно, – смирился я, – а в чем проявляется его самостоятельность сейчас? Что с ним происходит в эти дни?

– Он... – отец закатил глаза, – как, новорожденный – пытается приспособиться к незнакомой среде. Его постоянная задача – нахождение равновесия... – равенства с условиями, в которые мы его помещаем. В этом его суть. Мы создали 2И таким. Самая большая сложность – передать ему информацию о нас. Именно это сейчас и происходит – он узнает наш мир. Понимаешь... – отец

говорил прерываясь, словно подбирал слова, – это очень сложно объяснить. Я тебе уже говорил, что создание 2И сопровождалось своеобразной ломкой наших основных стереотипов. Наше мышление... наше мировоззрение менялось в рамках новых открытий. Хвала наставникам. Школа дает гибкость.

Я слушал внимательно. Отец, наверное, знает наизусть «Кодекс разумного человека», и все равно был взволнован, как ребенок. Кодекс у нас почитают за священный текст. Один из главных постулатов этой книги гласит: «всегда и ко всему необходимо относиться спокойно».

В это время мы вышли из парка и двинулись по периметру площади, вдоль которого были расположены модные

магазины, выставки, музеи и прочие заведения, предлагавшие ознакомиться с барахлом со всех уголков планеты. Здесь, не смотря на поздний час, расхаживали десятки модераторов. Мне всегда нравилось наблюдать за ними – людская мимика, манера двигаться и одеваться выдают взгляду ученика психкорпуса все скрытые стимулы. Но иногда за маской личности не угадывается ровным счетом ничего, и от этого «ничего» на душе холодеет. Многие модераторы – мастера лицемерия по долгу службы.

– 2И будет разделять на «своих» и «чужих»? – спросил я.

– Сила различения – одно из главных условий его существования. Я смотрю, ты до сих пор чего-то боишься? – отец внимательно посмотрел на меня. – Тэо,

может, это у тебя проекция скрытого стресса какого-нибудь? Ты же любишь обесценивать. Уже который год твердишь: «никогда не покупайся на преходящие настроения...»

– Так-то, это слова наставника, – сказал я. – Просто зацепило... Да все нормально. Это – всего лишь вопрос – один из многих, – оправдывался я.

– Поверю, – сухо сказал отец. – Свои – чужие – это все очень по-человечески. Как я уже говорил, основная трудность, которая встала перед нами – это передача информации 2И о нашем мире. Наши органы восприятия ему чужды, наши логические модели – для него аномалия. Это реально интересно. Мы планируем обучить 2И настраиваться на наш мир, наш язык и наши чувства – то есть в какой-

то мере очеловечить его. Но мы не хотим лишать себя такой возможности, как познание иных измерений, которые для 2И открыты, как для нас эта площадь.

–Интересно! А я вот помню, в пси-корпусе был предмет, освещавший матричную реальность. Тот искусственный мир заменял людям жизнь. Ходят слухи, что в те времена многие жили в искусственном мире с рождения, и даже не подозревали о том, какова реальная жизнь. От них скрыли правду, чтобы создать идеальных рабочих-программистов. Но затем какой-то хакер, рожденный в матричном мире, взломал его изнутри – он узнал правду, и транслировал ее по центральному каналу. Но я не об этом. Говорят, освобожденные из матричного мира люди, так и не смогли адаптироваться к нашему миру, не смогли

принять его.

– Я знаю эту историю, – ответил отец.
– Не смогли адаптироваться их тела, но некоторых сумели пересадить в кибер-скелеты. Черт! – осекся отец. – Это закрытая информация! Я ничего тебе не говорил.

– Так это правда? – изумился я. Эти слухи гуляют по Цитадели, но никто в них не верит!

– Вообще-то, мы планировали использовать технологии матричного мира для первых шагов 2И.

– Любопытно, кажется, я въезжаю в проблему. Наставники в нас постоянно вдабливают, что реальность может быть какой угодно, и то, что наш мир именно такой – это парадокс. По всей видимости, этот парадокс вам и нужно разрешить.

– Слава Богу, не нам – этим будет заниматься 2И – мы подготовим для него все условия. Он должен понять нас и наш мир, а после рассказать нам, что понял... Ведь 2И для ученых сам по себе не так важен – важны его ответы. Мы сами, как древние люди – не можем добывать добычу голыми руками, но, используя орудия, процесс становится более эффективным. Мы не способны понять себя, за нас эту работу проделает наше орудие – 2И.

– Даже рядом не представляю, как Вы делаете свою работу.

– Да я, в общем, тоже, – улыбнулся отец. – Основная часть работы была проделана еще до нашего рождения. Ты же знаешь – дольше двухсот лет, начиная с матричного мира, ученые работали

над созданием искусственного разума. А соль в том, что самый сложный этап за нас проделала сама жизнь.

– Ты это о чем?

– Помнишь, что я сказал в прошлый раз? Когда мы нашли это... – отец сощурил глаза, казалось, он пытался что-то понять, или вспомнить.

– Так что же вы такое нашли?

– Мы нашли способ влияния на силу равенства. А ведь эта сила стоит в основе самого существования! В сущности, мы подошли к закону жизни и эволюции как таковой. Наша заслуга только в том, что мы научились работать на этом уровне, научились копировать функции этой силы на искусственные носители. Сила равновесия – стоит и в основе нашего разума.

После этих слов отца у меня защемило под ложечкой. Я до конца не понимал умом, о чем он говорит, но что-то глубоко во мне отозвалось измененным состоянием сознания. Краткий миг я переживал изумление, страх и понимание чего-то невыразимого. Я ощутил как, что-то над мыслью сдвинулось, механизм жизни снова на краткое мгновение дал брешь, и казалось, в это время могла раскрыться какая-то невероятная тайна. «Что ж такое? Жизнь постоянно напоминает о том, что просветление существует».

– Но человек слишком живой, слишком эмоциональный, и похоже на чудо, что мы вообще научились говорить, и тем более творить, – продолжал отец – он был увлечен разговором, смотрел под ноги, и не заметил краткую перемену во мне. –

2И – это разум свободный от оков нашей реальности. Грубо говоря, его мышление ничем не сковано, но его действия ограничены нашими технологиями, искусственной средой, в которой он заперт. Это временное предостережение спасает нас от ошибок.

– Отошибок, – отозвался механическим эхом.

– Самое интересное, Тэо, ты, кажется, этого еще не осознал, мы уверены, что 2И сможет делать по-настоящему невозможное. Его сила равенства способна создавать буквально, что угодно из чего угодно. Это – тотальная власть над реальностью. Представь себе уравнение с двумя неизвестными. Первое неизвестное – это сам 2И. Второе неизвестное – его методы. А вот ответ

на уравнение мы знаем – это задача, которую мы перед ним поставим.

– Получается, задача заключается в нахождении средств для решения задачи?

– Мы называем это квантовой математикой. Мы сами не в силах решать такие задачи, но холодный разум 2И способен работать с тончайшим уровнем реальности – он и будет справляться с нашими уравнениями. Для этого есть все предпосылки.

Я чувствовал, как отец радовался возможности поделиться и выговориться. Я слушал его, а сам думал о том, что не смог удержать понимание, которое посетило меня минуту назад. Это понимание чего-то непередаваемо важного казалось вспышкой удивления на фоне привычного

потока мыслей. Я ощущал облегчение от того, что это состояние растворялось, но решил помнить о нем на всякий случай. Какая-то часть ума совершила свои бессознательные вычисления, и взяла в расчет пережитое. Я продолжал слушать отца.

– Тэо, на дворе двадцать первый век. Я понимаю, как неправдоподобно звучат возможности, которые мы ожидаем от искусственного разума. Но вспомни историю – каких-то четыреста лет назад у людей не было вычислительных машин, не было вообще никакой техники. И как только модераторы держали в узде весь мир? Все, что мы имеем сейчас – для них было бы чудом.

– Иногда я тоже об этом думаю, – признался я.

Мы подходили к остановке на краю площади, где в два ряда стояло с десяток стандартных транспортеров – каждый представлял собой небольшую светло-серую кабинку с двумя лазурными полосками на крыше. Внутри таких такси – четыре удобных кресла, на окнах – голографические шторы. Транспортер передвигается бесшумно в прозрачных вакуумных трубах, и может за минуты доставить в любой край города.

– Очень скоро, скорее, чем ты думаешь, произойдет нечто очень важное, и ты поймешь, о чем я сегодня говорил, – загадочно произнес отец у входа в такси.

Мы попрощались, он выдвинулся на работу, а я возвращался домой и смотрел в иллюминатор, как проносятся дома и улицы. Различить детали было

невозможно – лишь огни над куполом города ползли не спеша. Я наблюдал за другим транспортером, который мягко двигался в параллельной ветке. Казалось, мир вокруг пребывает в невероятном движении хаоса, и только две полосы покоя остаются собой. Внутри одной из этих полосок сидел я.

Вакуумные трубы транспортеров, 2И, нежелание отца говорить на тему «я»... Этой ночью мне приснился очень странный сон, где у меня была параллельная жизнь, в которой был свой день и своя ночь. Днем я пребывал на облаке счастья, пил нектар радости, и ел хрустящие соты концентрированного блаженства. А ночью случались адские муки...

Я не ощущал себя человеком, а

был какой-то полый трубкой, сквозь которую просачивалось безудержное удовольствие и ужас жизни. На одном конце трубки формировалось «я», из другого – вылетали переработанные переживания. Сама трубка существовала ради этого «я», и называлась она, в моем сне (я знал это точно), незнакомым мне словом «ИМАВАТОР».

В сущности ИМАВАТОР (почему-то хотелось писать все слово с заглавных букв) был «прибором», который непрерывно воссоздавал «я», собирая его из потребляемых переживаний. И ночью, и днем – это были одни и те же переживания, одна и та же пища, которая крутилась по кругу. Днем «я» поглощало эту пищу в структурированном виде нектара радости и сот блаженства. Сам

день был этой светящейся «пищей». Поглощая нектар и соты, «я» как бы пережевывало их, и опорожняло из обратного конца ИМАВАТОРа в виде острых осколков, которые затем снова возвращались в ИМАВАТОР – и тогда для «я» наступала мучительная ночь. Пережевывая острые осколки «я» перерабатывало их и высвобождало в структурированном виде нектара радости и сот блаженства. И так снова и снова – по кругу.

Пребывая на облаке счастья «я» с жадностью поглощало божественные кушанья, и ни о чем другом «я» в это время думать не хотело. Оно просто непрерывно потребляло поступающий кайф. Дневное алчное «я» по какой-то причине ничего не знало о ночном «я»,

которое непрерывно испытывало ужас и боль, поступающие в ИМАВАТОР ночью.

У ночного «я» в отличие от дневного «я» были проблески осознанности, в силу которых оно имело приблизительные представления о строении ИМАВАТОРА. Ночное «я», к примеру, знало, что количество перенесенных им страданий пропорционально кайфу, который с жадностью потребляет дневное «я», поэтому ночное «я» в кратких перерывах между страданиями с лютой ненавистью вспоминало о ненасытном дневном «я».

Казалось, (а может, так оно и было) ночное «я» жаждало хоть как-то достучаться до дневного «я», чтобы сбавило обороты в своем жадном потреблении блаженства и радости. Ведь именно от количества полученного

дневным «я» кайфа, зависело количество страданий ночного «я». Однако на утро, как только приходило облегчение, ночное «я» со своими мольбами куда-то испарялось, и на его месте незаметно проявлялось прожорливое дневное «я», которое в своей поглощенности кайфом, полностью теряло осознанность, и ничего про мольбы ночного я не знало (или не помнило). В своем забытьи дневное «я» было всецело поглощено потреблением нектара радости и сот концентрированного блаженства.

Так продолжалось непрерывно. Ни то, ни другое «я», понятия не имели, как и откуда в них вливаются эти переживания. Однако лишь у ночного «я» появлялись стимулы хоть как-то разобраться в происходящем. Ночному «я» хотелось

исчезнуть навсегда, и для этого оно из своих наблюдений за ИМАВАТОРОм понемногу собирало информацию, из которой составляло «святое писание о вечном небытии». Дневное «я» любило свою сладкую жизнь, и ни о чем не думало – не было стимулов. А самое удивительное заключалось в том, что и ночное, и дневное «я» были одним и тем же «я», которое догадывалось об этом факте в редкие ночные «минуты»...

Подобные нечеловеческие сны я запоминал с большим трудом. Для них попросту не находилось шаблонов в памяти, под которые эти «картины» можно было бы хоть как-то подогнать. Но иногда мне таки удавалось развернуть историю сна, и выразить ее для себя в относительно понятных образах. И

каждый раз при этом я чувствовал себя так, словно у меня получалось приоткрыть дверцу из повседневности в совершенно иную реальность. «Там» в этой иной реальности слово «ИМАВАТОР» мне было хорошо знакомо. В привычной повседневности я этого слова не знал и никогда не встречал. Даже поисковые системы не выдали никаких результатов.

«А может там, в этой иной реальности у меня тоже есть иное «я», о котором я ничего не помню? И если это «я» иногда вспоминает обо мне в моей повседневности, не кажется ли ему моя жизнь такой же мистически странной и далекой?» И ведь сам ИМАВАТОР раскрылся – не как поток событий сновидения, а в цельном виде – будто воспоминание о другой жизни. Должно

быть, так мое подсознание общалось со мной (с собой?) на собственном уникальном языке.

Мне вспомнилось занятие с Вальтером о рационализации сновидений. «Интересно, думал я, какие процессы в моей психике, выражает образ «ИМАВАТОРа»?

Полный расклад

За четырнадцать дней до озарения

Рафаил снова принял меня в своем уютном жилище. Я снял куртку и поежился от холода. Хозяин был в темно-синем махровом халате с отвисшим капюшоном поверх рубашки с брюками.

– Я систему отопления не включаю, – пояснил он, – люблю укрываться от холода естественными методами – так оно уютней и ближе к натуре.

Он предложил пройти в гостиную, где был огромный камин с каменной кладкой. Перед камином на ковре стоял столик, по бокам от которого располагались два небольших диванчика. В противоположном конце комнаты на большом обеденном столе, окруженном

стульями, стоял графин с какой-то темной жидкостью. Вся мебель была из дерева, без каких-либо изысков. На одной из стен висели изображения с разноцветными мандалами. В дальнем углу комнаты лежала бумажная газета (в Цитаделе таких изданий уже давно никто не печатает), на которой сушились маленькие грибы с тонкими ножками (сначала я подумал, что это какие-то червячки). Возникло ощущение, будто я оказался где-то на поверхности в охотничьей усадьбе – не хватало, разве что, ветвистых трофейных рогов на стене.

Мы уселись друг напротив друга на диванчиках у камина.

– Сэмпай Рафаил, у меня назрело несколько вопросов, – сказал я. – Хочу начать с менее значительного.

Он кивнул.

– Вы можете мне пояснить, – попросил я, – почему Вальтер придает такое значение проекциям?

– Чьим проекциям? – переспросил Рафаил.

– Я говорю о наших занятиях с ним.

– А-а, – понял он, – проекции – это самая важная и самая серьезная тема в обучении.

– Правда? – удивился я. – Но почему?

– А ты знаешь, как Вальтер попал в Цитадель?

– Не знаю.

– Не думаю, что это большой секрет. В общем, дело было так...

И Рафаил поведал мне занимательную историю. Оказывается, Вальтер много лет работал каким-то серьезным

чиновником на поверхности. У него, по словам Рафаила, была «твердокаменная репутация надежного винтика системы». Но вот однажды в один прекрасный солнечный день Вальтер заявился на работу на какое-то важное собрание в буквальном смысле без штанов. То есть – в одних трусах и в рубашке с галстуком. Он поприветствовал сослуживцев, разинувших рты от безумия, проникшего трещинкой в механизм их системы, и как ни в чем не бывало, прошел на свое место. Вальтеру грозила беда – его уже вознамерились упрятать «в места». Но каким-то чудом запись с того собрания попала к Рафаилу, и он решил лично побеседовать с «помешанным» чиновником. Рафаил назвал тогдашнее состояние Вальтера «прорывом к

внесистемному уровню восприятия». Вальтер вроде как перерос психическую среду, в которой варился, но вырваться из нее не мог. И его безумный поступок на собрании был своеобразным выражением (рационализацией?) этого психического затруднения. Рафаил даже допускал, что бессознательное Вальтера именно таким образом намеренно привлекло к себе внимание наставников из Цитадели, потому что сам Вальтер, в общем-то, сохраняя адекватность, не имел представления о причинах случившегося с ним «безумия».

– Это очень интересно, – сказал я. – Но я, кажется, спрашивал вас о том, почему вы считаете проекции самой важной и самой серьезной темой...

– Я как раз на этот твой вопрос отвечаю,

– пояснил Рафаил. – Вальтер вам уже рассказывал о распитии психического коктейля?

Я кивнул.

– Понимаешь, Тэо, на самом деле чаще всего события вообще не имеют никакого значения. Но человек свято верит, что все дело в них. Как только начинается распитие болезненных слоев «коктейля», так сразу все в жизни омрачается – все кругом эгоистичные идиоты, работа скучная, повсюду одни хлопоты и ничего хорошего не происходит. Затем после отката случается подъем, и человеку начинает казаться, что все не так уж и плохо, а где-то так вообще замечательно! Жизнь снова наполняется светом смысла. Теперь человек опьянен новым слоем иллюзий, где жизнь мерещится

в радужных оттенках. Фактически все события жизни – это события психики. Твоя жизнь – это твои психические процессы. Содержание сценариев жизни всегда окрашивается доступной в текущий момент психической информацией. Кому-то ближе слово «карма», кому-то «энергетика». Неважно, как назвать, главное – уловить суть.

– Вальтеру нравится слово «карма», – сообщил я.

– «Карма» – серьезное слово, – Рафаил похмурился, – часто вызывает проекции с оттенками чего-то обстоятельно ракового. Все дело в том, Тэо, что ощущение серьезности придает происходящей с тобой жизни реализма, – Рафаил приподнял палец, совсем как Вальтер, когда хотел обратить внимание на что-

то важное. – А реализм происходящего кажется чем-то важным и серьезным.

– Это замкнутый круг?

– Дурная сансарная бесконечность. Все иллюзии держатся на вере в их реальность. Чем больше серьезности, тем реалистичней кажется жизнь, и тем активней она вызывает новые проекции нешуточной серьезности.

– Это поэтому блаженные все время ржут? – поинтересовался я.

– Смех? – Рафаил задумался, прикрыл глаза, и, казалось, заглянул куда-то внутрь себя. – Во время смеха положительно и отрицательно заряженная энергия сливается и сгорает. Смех очищает и обесточивает одновременно, – пояснил он.

В камине уютно потрескивали поленья.

Рафаил поправил кочергой угольки и продолжил:

— Серьезность ошибочно воспринимается как нечто законченное и понятное, словно и говорить тут больше не о чем. А между тем, серьезность разоблачается наравне со всеми причудами восприятия. Мы боимся быть несерьезными и ненормальными, потому что вся наша сверхнормальная серьезность является основной опорой нашего маленького эго. Это — не государство у нас такое серьезное, не социум и не работа. Это — проекции главных опор маленького «я». Наше «я» не просто использует эти переживания, наше «я» — и есть сами эти переживания!

— Рафаил потряс кочергой в воздухе, и с нее слетело несколько быстро гаснущих

искр.

«Вот также и «я», – подумал я, – всего лишь искорка, отлетевшая от огня вечности. Несколько десятков лет – просто миг. Жизнь во мне догорит, и я растворюсь в пространстве».

Рафаил безмятежно улыбнулся своему жесту – было совершенно очевидно, что сам он никакой серьезности теме нашего разговора не придает, хоть и поощряет мое серьезное к ней отношение.

– Серьезность и нормальность – это энергетика фундаментальных слоев эго, – продолжил он. – Поверить в серьезность нормальной реальности – означает укрепиться на опорах ограниченного эго. Вальтер работал в самом пекле – в чиновничьем аппарате госструктур, где зиждется

самая сердцевина мирской иллюзии. Ты только подумай! Ведь некоторые чиновники всерьез не понимают, что являются людьми, и рассматривают себя как некий промышленно-политический конгломерат с различными социально-культурными наслоениями. Некоторые люди всерьез не понимают, что воспринимают безусловную жизнь своей субъективной психикой. Вот как ты сам считаешь, – спросил меня Рафаил, – чем является государственная политика на фоне безусловной реальности?

Я немного напрягся, решив, что этот его вопрос – важный и серьезный. «Возможно, – подумал я, – так Рафаил проверяет меня на пригодность к дальнейшему общению». Ничего достойного на ум не пришло, и я решил повторить его слова:

– Политика на фоне безусловности – это основные опоры эго.

– Правильно. Ведь это – все тот же психический коктейль. Просто на его дне застыл осадок густой обстоятельности, в котором плавают «само собой разумеющееся», то самое, которое мы всегда принимаем за чистую монету, чем бы оно ни было. Это – и есть наша бетонная раковая «нормальность», которую мы проецируем на безусловную жизнь, называя ее политической, официальной, в рабочем порядке, ну... и так далее.

– А можно это как-то опытным путем почувствовать? – спросил я.

– Конечно. Созерцай свое «я»! Всего-то и делов... – сказал он так, будто речь шла о какой-то очевидной чепухе. –

Тогда увидишь, где и как зарождается серьезность жизни. Это – образ управляющего в твоём уме, которому мерещится, что он делает выбор и контролирует происходящее. Наблюдать за этими пластами психики – самое серьёзное занятие. Когда получается, то происходит чудо – только что ты был поглощён непрерывными выборами, и вдруг выбрал взглянуть на выбирающего – на источник всех своих сомнений и напряжений.

– Ничего себе... – прямо внутренний теракт какой-то! – сказал я сердито.

– Верно, – согласился Рафаил, – это самый страшный теракт против истинного лжеправителя. Обычно он прикрывается строгостью родителей, учителями, новостной лентой в ящике, начальством,

законами, правительством, кем угодно... Мало ли проекций в уме? Только бы не быть пойманными разоблаченным ясным взором созерцательного взгляда.

Я задумался. Я чувствовал, что Рафаил раскрыл мне нечто важное, возможно – одну из созерцательных техник наставников. «Получается, когда Вальтер пришел на работу без штанов, он тем самым сделал выпад против своих серьезных проекций – против опор, на которых держится его эго, думал я».

Несколько минут мы вместе с Рафаилом смотрели на огонь в камине. Его чарующее пылание приковывало взгляд. Спонтанность огненного танца почему-то снова напомнила мне мое собственное «я», мое вечно-кривляющееся эго, проецирующее в умеленту бесчисленных

узоров. Все мои мысли – такие разные и такие схожие – как всполохи огня. А в огне этом сгорает моя жизнь, моя истинная суть. Сгорать так страшно и мучительно, что я предпочитаю не замечать себя, а вижу только искры, отделяющиеся от моей сути – крошечные зеркала, которые растворяются в пространстве бытия столь быстро, что увидеть в них собственное отражение, получается лишь на ничтожно краткий миг. И порой этого мига бывает достаточно, чтобы подивиться происходящему, а в иные моменты – изумиться до глубины души. Но чаще всего сознание в этом непрерывном огненном калейдоскопе дремлет, потому что замечать истину – занятие не из легких. Это я уже понял.

– У тебя были более важные вопросы, –

Рафаил нарушил наше молчание, и я во всех подробностях поведал ему о своем видении безбрежной пустыни. Он молча слушал, а когда я закончил рассказ, произнес:

– Связь с бессознательным.

Я сделал вопросительный взгляд.

– Включилась связь с бессознательными слоями твоей психики – пояснил он. – Знак на дне чаши, который ты видел – важная деталь. Он испокон веков используется, как объект для практики наблюдателей. Считается, что созерцание этой формы увеличивает силу концентрации в разы. Интересно вот, откуда ты знаешь про этот символ – техника секретная.

– Но я никогда раньше не видел этого знака... – разве что на капотах машин...

– Правда? – удивился Рафаил. – Ты

можешь этого не помнить. Может, когда-то прочел о нем где-нибудь и забыл. Непонятно, правда, где.

Я был уверен, что никогда раньше не видел именно этого символа, но переубедить старшего наставника не стал.

– Сэмпай Рафаил, – заговорил я серьезно, – со мной последнее время вообще что-то странное происходит. Постоянно – измененные состояния сознания, и я как будто чувствую, что жизнь от меня скрывает нечто важное. Кажется, вот-вот что-то раскроется, изменится, но ничего подходящего конкретно под эти мерки не происходит. Или происходит... Но ощущение это не покидает.

Рафаил предложил сделать «полный расклад на путь, на цель и на судьбу».

Когда я поинтересовался, о каком раскладе идет речь, он достал с полки над камином деревянный футляр, из которого бережно вынул карточную колоду – старое, потертое Марсельское Таро. Судя по состоянию колоды, это было оригинальное издание.

– Превосходный инструмент для работы с проекциями, – пояснил он.

– А с чьими проекциями они работают? С вашими, или моими? – спросил я и Рафаил задумался.

– Хороший вопрос, Тэо. Наверное, напишу по этой теме статью.

– А почитать пришлете?

– О чем разговор! – ответил он так, будто я спрашивал глупость. – Конечно, пришлю... когда станешь старшим наставником.

«То есть никогда, – понял я. – Не очень-то и хотелось». Я не особо доверяю картам Таро, но поглядеть, как они работают с проекциями, было и вправду любопытно.

– Во время расклада могут возникнуть необычные ощущения, – сказал он, – свет, вспышки, покалывание, тепло, или даже жар. Делаем? – спросил он.

– Делаем.

Рафаил попросил меня сесть на ковер, и по возможности успокоить ум. Почему-то для него было важно, чтобы я сидел с прямой спиной. Сначала он усадил меня в какую-то восточную позу, где ноги переплетались узлом – поза далась легко, но сидеть в ней было как-то неуютно, я негодующе елозил, пытаюсь найти равновесие, и моя спина,

стоило отвлечь от нее внимание, тут же округлялась. Тогда он попросил меня сесть на колени, подложив под копчик маленькую деревянную скамеечку. Сиделось на ней на удивление удобно, и спина сама выпрямлялась.

– У тебя энергии иначе текут, – пояснил он. – Южно-восточную карму прошлого ты уже отработал – осталась северо-западная – космическая.

Что подразумевалось под этими словами, я не понимал, а спрашивать – означало будоражить ум, и нарушать его просьбу. Я тихо сидел, поглядывая, как Рафаил раскладывает по ковру вокруг меня какую-то карточную печать.

– Сейчас, в затылке что-нибудь необычное есть? Может тепло или покалывания? – спросил он.

Ничего необычного я не чувствовал. Поискал еще раз, попробовал ощутить хоть что-то, вгляделся в переживания и сказал:

– Ну, я что-то чувствую – может быть это и тепло... – натянуто сообщил я, чтобы не разочаровывать его.

Рафаил, ничего не ответив, продолжил манипуляции с картами. Я молча сидел, а он достраивал вокруг меня свой карточный лабиринт, при этом что-то тихонько нашептывая... и мне стало приятно, что такой продвинутый человек для меня тут старается, раскладывает... Казалось, его шепот оказывал на меня какое-то особое дополнительное влияние – он отзывался в затылке блаженной щекоткой, и все вместе походило на бесконтактный, когнитивный массаж, от

которого я слегка прибалдел.

– Что-нибудь необычное есть? – спросил он.

– Да, приятно как-то... вы меня своим шепотом усыпляете.

– Ясно, – сухо сказал он. Это – ни то. Это – твоя карма добра. Она, кстати, всегда вот так вот – не в тему лезет. Наверное, тебе мама в детстве что-то шептала, просто ты забыл.

Я пожал плечами.

– Ты крайне сложно поддаешься влиянию, – сказал он. – У тебя – какой-то свой... канал. Поэтому, думаю, тебя и учить сложно. Особенно по энергетике. Вальтер, наверное, беснуется, – он подмигнул. – Но зато, ты сам неплохо учишься, когда учеба не противоречит информации, которая и без того через

тебя движется. Иными словами, ты учишься как бы... – сам у себя.

– Очень примерно понимаю, о чем вы...

– Это нормально. Вникнешь плотней – будешь понимать четко. А сейчас поработаем с проекциями.

Рафаил предложил вернуться к диванчикам у камина, и когда мы расселись, он снова принялся раскладывать карты – теперь уже на низком деревянном столике, стоявшем между нами. Несколько раз по его просьбе я сдвигал колоду, затем он вытащил три карты, и положил их передо мной. На первой был изображен юноша, привязанный правой ногой к ветке дерева – он свисал оттуда вниз головой и приветливо улыбался. Вторая

карта изображала отважного рыцаря на белой лошади. С третьей карты на меня хмурился краснокожий дьявол с кривыми рогами. Это был расклад «на цель».

– К чему ты стремишься, Тэо? – неожиданно спросил Рафаил с вызовом в голосе.

– То есть? Вас интересуют мои планы на будущее?

Рафаил внимательно посмотрел на меня своими бездонными глазами, и повторил:

– Чего ты хочешь?

– Я хочу... хм, – я начал вспоминать свои планы, – да я даже не знаю... Хочу стать крутым наставником, как вы, хочу... – еще мне хотелось сказать, что я хочу увидеть прекрасную Соню, и хочу, чтобы ученые поскорей доделали

2И, – но все это сейчас показалось мне несущественным.

– Чего ты хочешь? – повторил он. – Что первое приходит на ум?

И тут слова сами вырвались.

– Я хочу стать великим человеком, как мой отец, или даже еще лучше. Хочу, чтобы меня уважали, чтобы имя мое отпечаталось в исторических анналах каким-нибудь героически-блистательным отблеском!

– Да, похоже на правду, – Рафаил кивнул, – Карты предупреждают тебя. Очевидно, твои стремления – ложны. – Не нужно тебе в анналы...

От этих слов у меня защемило под ложечкой.

– Неприятно, когда твои мечты вот так вот обесценивают, – понуро сказал я.

– Понимаешь, Тэо, в твоих желаниях нет ничего предосудительного. Это – нормально. Хотя, святого в этом тоже ничего нет. В конечном счете, каждый хочет потешить собственную значимость. Специально для этого занятия ты в своей голове и создал образ «великого человека», которым надеешься удовлетворить чувство собственной важности. Просто... в погоне за наживой, окончательно забывать о душе не стоит, – сказал он назидательно.

– Понятно, – разочарованно пробормотал я, – значит я эгоист.

– Хорошо, что понятно, – добродушно ответил он. – С годами станет еще понятней.

– Неужели все так запущено?

– Как тебе сказать... понимаешь, Тэо,

в обществе принято считать, что эгоист – это такой нехороший человек, который живет для себя. А вот скажи мне, может ли человек в здравом уме и твердой памяти по-настоящему делать хоть что-то для других?

– Конечно, может. Есть же разные меценаты, благодетели и альтруисты...

– На самом деле, Тэо, абсолютно все мы делаем для себя. Эгоизм – это единственная причина альтруизма. Можно сказать, что альтруизм – это такая красивая функция в программе развития эго. И по большому счету – нет ничего плохого в том, чтобы себя любить, и делать для себя что-то хорошее.

– Но ведь это же эгоистично! – сказал я каким-то рассерженно-праведным голосом, и почему-то вспомнил про Анну.

У меня возникло ощущение, что эта фраза как будто принадлежала ей – то есть моей проекции об Анне, вечно спорившей с наставником. А еще я вспомнил наше последнее занятие, где Вальтер говорил, казалось, в точности о том же, но другими словами: «ум заботится о выживании концепций, из которых он сам состоит».

– Думаешь, лучше себя ненавидеть? Делать себе больно? Губить свое тело и свой разум? – назидательно вопрошал Рафаил. – В искренней любви к себе, ты помогаешь как минимум одному человеку на этом свете. И что постыдного в том, что этот человек и есть ты? Все просто. Ты – избранный!

– Как Нео, или как депутат в думе? – уточнил я.

– Хорошая шутка, – сказал Рафаил, не

изменившись в лице. – Ты – избранный для себя, в своем отношении к себе, потому что ты – являешься собой, а не кем-то другим. Разве непонятно?

– Понятно, – сказал я. – И что же? Помогать другим необязательно?

– Хорошо все, что в меру. Если ты живешь для себя в ущерб другим людям, эти «другие» тебя накажут. Разумный человек выбирает умеренный, разумный эгоизм.

– А мне все еще кажется, что это неправильно, – признался я. – Хоть в душе я и хочу собственного величия...

– Тут надо различать. Ты же понимаешь, что взрослый человек должен уметь позаботиться о себе. Это – естественная и даже поощряемая общественностью самостоятельность. То есть, действовать

для себя – это нормально. Ведь – это классно, когда человек заботится о своем здоровье, стирает себе носки, готовит завтрак (про носки Рафаил, конечно, шутил). Чем отличается самостоятельность от эгоизма?

– Эгоист не может позаботиться о других, – сказал я. – некоторые по этой причине даже детей заводить не хотят.

– Ты полагаешь, что эгоист заботится только и только о себе, а когда, скажем, взрослый человек проявляет заботу о ребенке, ты думаешь, что на сей раз, он заботится о ком-то другом. Но ведь взрослый человек заботится о ребенке по какой-то причине? Так?

– Ну... и?

– Все – практично, – ответил Рафаил.
– Просто без этой заботы, ему самому

станет хуже – его загрызет совесть. И вот, чтобы избежать мук совести, в программу личного эгоизма включается функция заботы о ребенке. Таким образом, заботясь о другом человеке, эгоист продолжает заботиться о себе. Ведь куда легче любить и принимать себя, будучи кем-то хорошим и достойным любви в собственных глазах. Так наша совесть изворотливо работает в паре с мифической моралью общества. Взаимопомощь – это утонченная разновидность эгоизма.

– А бывает иная забота? – спросил я с надеждой. – Настоящая...

– Как в шутке о праведниках?

– О каких праведниках?

– Которые молятся, несут служение, стремятся попасть в рай, и потому попадут

в ад, ибо праведность их корыстна.

– Ясно. Значит, все мы такие – «праведники».

– Быть эгоистом – нормально, – терпеливо пояснял Рафаил, – но стремиться при этом лучше к чему-нибудь светлому. А то ведь одно самоутверждение до добра не доведет, – он кивнул на карту с дьяволом.

– Сэмпай Рафаил, а некоторые наставники говорят, что надо растворять эго, чтобы прийти к духовному просветлению... – я снова обратил внимание на пылающий огонь в камине.

– Такое решение – сродни смертельному яду от бессонницы. Эго растворять не надо. Надо убирать отождествление с ним.

– Успокоили, – выдохнул я.

В Рафаиле не смотря на беспощадную трезвость, ощущалось внутреннее устремление к созидательному добру. Это читалась не только в его словах, но и в выражении лица, с которым он говорил, и даже в его движениях. Такое богоугодное свойство притягивало, и побуждало выдавать ему весьма приличный кредит доверия.

Мы перешли ко второму раскладу Таро – «на путь». На первой карте был изображен угрюмый жрец на высоком троне, на второй – маг-чародей с волшебной палочкой и на третьей – тучный король с кубком.

– Расклад – превосходный, – сказал Рафаил. – Судя по всему, тебе в этой жизни суждено постигать и разоблачать две основные иллюзии

человеческой жизни.

– Это которые? – спросил я заинтригованно.

– Иллюзию выбора и времени.

– А о каком выборе речь? – спросил я. Про иллюзию времени я уже был наслышан от Макса. Эта теория его почему-то, как он сам говорил: «весьма вставляет».

– Речь о выборе как таковом. Выбор – это иллюзия. Мы же с тобой еще в прошлый раз про кинофильмы говорили, помнишь?

– Помню. Значит, вы говорите о судьбе.

– Да, выбор – это часть кинофильма.

– Ну, понятно, – сказал я, – получается, что все вообще – часть кинофильма.

– Верное замечание, – согласился Рафаил, – но я вижу, ты пока не уловил

идею. Понимаешь в чем дело... – выбора нет вообще! – заявил он, драматично приподняв брови.

– Как это? – спросил я с недоверием и неловко поерзал на диванчике.

– Ты уверен, что в твоей жизни есть разные варианты развития событий, и они всегда присутствуют как бы параллельно. Выбор тебе представляется как свобода в развитии сюжетной линии. Однако, реально, жизнь так и остается линейной, и свобода эта – иллюзорна. Участие в событиях, воля и выбор – это часть наблюдаемого тобой кинофильма, в котором все происходит спонтанно.

– Но я ощущаю выбор! Я, например, выбираю, что вам сказать... – я и вправду не вполне понимал, о чем он говорит.

– Ощущение выбора порождает, ложное

чувство, будто ты что-то делаешь, – пояснял Рафаил. – Переживание себя, как действующего деятеля – это своеобразная река, состоящая из сотен бессознательных «микровыборов», которых происходит около тысячи в секунду. Они случаются спонтанно. Они не осознаются обывателем, поэтому деятельность ума принимается за чистую монету. Все происходит в силу спонтанного движения материи и энергии.

Я начал догадываться, о чем говорит Рафаил, и мне тут же сделалось грустно. «Если нет выбора, значит вся жизнь – механическое месиво бессмысленного фатума, – подумал я».

– Но, как и откуда возникает ощущение выбора? – я начал понимать логическое

обоснование этой теории, но по-прежнему ощущал, что выбор имеет значение, даже если само это значение – лишь очередной иллюзорный образ на «экране».

– Ощущение выбора кажется реальным, потому что в нем присутствует энергия сознания, – ответил Рафаил. – Ощущение выбора происходит потому, что тебя не устраивает то, что есть в момент «сейчас», поэтому любой выбор – это... как бы отталкивание настоящего момента, его избегание. Любой выбор – это всего лишь волна неприятия. Затем идет спад волны – между двумя выборами, когда фокус сознания снова возвращается к реальности... и снова проявляется неспособность ее принять, и опять – новый миг отталкивания в новом выборе. Все это происходит спонтанно.

– Выбор это отталкивание реальности?
– удивился я. – Почему так происходит?

И тут я вспомнил, как Вальтер говорил, что сущностью нервного субстрата эго является «антисмирение».

– Потому что личность, с которой ты отождествляешься, неспособна принять настоящее.

– Почему она неспособна принять настоящее?

– Потому что ограничена. А ограничена она, потому что сейчас твое сознание – смешано с материей и растянуто во времени, – сказал он, предвосхищая мой следующий вопрос.

«Значит, – понял я, – выбор, не смотря на собственное небытие, стоит в основе всей человеческой жизни».

– И это все проходят на курсах

наставников? – полюбопытствовал я.

– Да, на курсах старших наставников. Но тема – несекретная, поэтому я с тобой делюсь. Секретными являются техники работы с деятелем.

– Ясно. А фраза «на все воля Бога» – как раз про это?

– В ее глубочайшем смысле – да.

– А если на все итак воля Бога, зачем аскеты и подвижники молятся? Они что, не согласны с божественным промыслом? Хотят навязать Богу свою волю? Чтобы он одумался, и поменял свои решения?

– Молитва – это обращение человека к Богу, но ты пойми – раз уж на все воля Божья, молитва – это обращение Бога к самому себе через аскета. И когда молитва его – усердная, когда аскет проявляет упорство – это значит, что

Бог забросил в бездну человеческого мира луч своего внимания, который пробившись через материю насквозь, к Нему же и возвращается. Тогда аскет констатирует, что молитва его услышана и при этом все остается в рамках Божьей воли.

Видимо в этот момент на моем лице выразилось замешательство.

– Это как, если бы ты пошевелил пальцем, а палец подумал бы, что ты шевелишь им по его просьбе, – снисходительно упростил Рафаил.

– Значит все практики с выбором и мотивацией – блажь? – спросил я.

– В определенной грани жизни выбор ощущается как нечто реальное, – Рафаил подмигнул, – поэтому разные методы работы с ним я бы не стал называть

блажью. Все относительно. Если тебе, например, захотелось сделать что-то хорошее и полезное – это хороший выбор.

– Какой-то парадокс – вы же говорите, что выбора нет.

– Существует иллюзия выбора, которую принимают за реальность. Герои кинофильма думают, что они выбирают. Само это думанье – часть сюжета.

– А какая разница, что выбирать, раз все иллюзия? Почему бы тогда не пойти и не броситься со скалы?

– Все происходит по сценарию. Нежелание прыгать со скалы – такая же часть кинофильма.

– Получается, все вообще – часть кинофильма! И даже сам кинофильм и спасение от его иллюзорных пут – часть

его же сценария! Вот прямо сейчас мы тут общаемся и вы, также как и я – просто кинообраз – иллюзия на экране... на том самом экране, куда проецируются проекции. И даже сам проектор проекций – это очередной мираж! Как такое возможно?!

– Это неизбежно, – равнодушно ответил Рафаил.

Концепция, которую он озвучил, казалась удивительной. «Как же так? – думал я. – Если выбора нет, значит все в жизни – одна сплошная иллюзия. Значит все мои «великие» потуги и «высокие» переживания на самом деле – это просто какое-то кино для души!» Понимание в мой ум внедрялось волнообразно, обжигая своей умопомрачительной

иррациональностью, затем – снова стихая.

– А не является ли все это позицией жертвы обстоятельств? – спросил я и сразу понял, что отпустил глупость.

– Выбор сильной личности тоже обусловлен причиной, – ответил Рафаил, – он также механичен, как и все в этой жизни. На уровне молекул и атомов нет не только выбора – там вообще ничего нет. А эта низкоуровневая среда, между прочим – куда ближе к истине, нежели мир личности.

– Сэмпай Рафаил, а что такое выбор? – спросил я в лоб, полагая, что раз уж мы все-таки говорим о выборе, значит, он где-то и как-то, но должен быть.

– Выбор – это иллюзорная индивидуальная воля.

– Значит, выбор есть как иллюзия?

– Верно. А избавление от этой иллюзии как раз и приравнивается к просветлению.

«Ох, – подумал я, – раз есть иллюзия, значит надо сразу же все непременно говорить об избавлении от нее. Уже и грезами потешиться нельзя».

– Просветленный, – продолжил он, – видит, что действия происходят сами собой. Нечто движется, выбирает, но это – не ты. Ты перестаешь быть деятелем, и становишься наблюдающим деятеля. Человек делает, а наблюдатель – наблюдает.

– О! Точно! У кинофильма ведь должен быть зритель! – понял я, и тут же сообразил, что и зритель – лишь часть этого вездесущего сюжета в нашем

космическом спектакле.

– Вот только не стоит путать зрителя с актером на экране, – сказал Рафаил, видимо прочитав мои мысли.

– Где-то я уже это слышал...

– Мы об этом уже говорили.

– А может, выбор чем-то похож на программные макросы? Это – когда я нажимаю одну клавишу, – пояснил я, – а программа выполняет все, что я запрограммировал на ее нажатие.

– Знаешь, Тэо, – ответил он, – ты принял теорию о выборе – довольно легко. Если бы ты знал, каких только опровержений я не наслушался. Люди проявляют удивительной силы изобретательность, чтобы не понимать эту тему. Рационализация включается на полную катушку. Но в конечном итоге сам

выбор – это такая же рационализация, условная смысловая интерпретация совершающихся действий. Без интерпретации все иллюзии рушатся, поэтому люди за нее и цепляются – каждый, как может на своем уровне.

– Ну, я принял теорию умом, но я по-прежнему ощущаю выбор, – сказал я с грустью. Рафаил видимо уловил мой настрой.

– Всеу свое время, – ответил он. – Пока ты не пережил – это просто теория, и переживания о фатальности мира – ничего не стоят. А когда переживаешь по-настоящему – нет никакой безысходности и уж тем более – никаких мыслей о прыжках со скалы. Пока ты ощущаешь выбор, ты продолжаешь выбирать, также, как делал всегда. Но на деле эта жизнь, –

он обвел взглядом пространство вокруг, — то, что происходит прямо здесь и прямо сейчас — это и есть тот самый кинофильм, который смотрит твоя душа — вечный зритель древнейшего спектакля.

Затем Рафаил поведал мне какую-то невероятную теорию о начале и конце творения, о том, что далекое будущее — это далекое прошлое. Они перетекают одно в другое. А «кино», которое смотрит душа, крутится по кругу (с краткими перерывами на «рекламу»), и длится оно примерно двести одиннадцать триллионов лет. Что Рафаил подразумевал под рекламой, я так и не понял — речь шла о некоем «позиционировании освобождения». Начала, по его словам, у творения не было, но был вневременной момент «запуска» мира — что-то вроде инсталляции.

Рафаил серьезно предупредил, что вся эта теория – непроверенная, как будто все остальные его теории являются доказанной истиной... Где-то в середине повествования я даже вспомнил фразу Вальтера о нем: «мужик мощный, но малость двинутый».

Вопросов о выборе у меня больше не было, и он начал третий – последний расклад Таро «на судьбу». На первой карте оказалась смерть, на второй – серая башня, на третьей – Фемида – богиня справедливости. Рафаил немного замешкался, и как мне показалось, изменился в лице.

– А вот и ответ, – сказал он серьезно. – То, к чему тебя приведет жизнь. Все арканы старшие. Интересная у тебя судьба малыш, – сообщил он, как мне

показалось с оттенком печали в глазах.

– Мне тоже интересно, не поделитесь?
А то интригуете... – произнес я чуть обиженно. Карты были невеселые и мое сумрачное настроение испортилось еще сильнее.

Рафаил усмехнулся и, глядя на расклад, помотал головой. Мне было непонятно – то ли так звучало его «нет», то ли он увидел в этом раскладе что-то еще.

«Между гениями, пророками и сумасшедшими пролегает слишком тонкая и от того незаметная граница, – почему-то подумалось мне».

– Знаешь, – заговорил Рафаил загадочно, – есть такое слово «справедливость»... Это своего рода негласный закон, согласно которому каждый должен получить по заслугам.

Так вот, иногда, справедливость в качестве воздаяния заставляет людей переживать проекцию... ощущение, что жизнь несправедлива и неправильна. И тогда, по воздаянию справедливости, эти самые люди, начинают думать, что никакой справедливости нет, а есть только беспощадная случайность и законы джунглей, где каждый живет по принципу «кто успел, тот и съел». Вера в хаос и вера в справедливость часто противопоставляются. Однако на деле – это одно и то же, – сказав это, он посмотрел на меня, видимо ожидая какой-то реакции.

На душе у меня скребли тревожные проекции – старший наставник меня даже не предостерегал, а откровенно пугал. «Должно быть, это какая-то хитрая

манипуляция, – подумал я».

– А почему вы заговорили о справедливости? – раздраженно поинтересовался я.

– Потому что, глядя в информационный коктейль твоей судьбы, я вижу приближающийся к употреблению слой, в котором эта тема станет для тебя актуальной.

– А вы можете говорить конкретней? – спросил я сердито-расстроенным голосом. – А то загадками, знаете, непонятно...

– Конкретней нельзя. Это – против правила.

– А что за правило такое? Это хоть можете рассказать? – попросил я.

– Чтобы эффективно отрабатывать карму, ты должен поверить в ее

реалистичность.

«То есть в серьезность, – додумал я».

– На практике, ты должен поверить, что твоя жизнь – это и есть окончательная реальность, – говорил он, невозмутимо глядя мне в глаза. – В общем-то, ты, итак в это веришь, а чтобы вера твоя была крепкой, ты ничего не знаешь, а вернее – не помнишь о том, что было до твоего рождения, и как может стать после смерти.

– Вы сказали, что говорить конкретней – против правила. А вот сейчас вы это правило нарушаете, – я начинал гневаться.

– Вовсе нет. Ты ведь мне не веришь, – ответил он с пониманием на лице. – Мои слова для тебя – непроверенная теория, которую твой рациональный разум

на всякий случай отфильтровывает, отправляя в раздел «сомнительное».

– В этом вы правы, – признался я. – Встречал людей, которые верят в концы света, в духов и прочую белиберду. Ведь очевидно же, что верят-то они в собственные проекции. А если реальные духи и существуют, то отличить их от проекций – то есть от собственных глюков, слепцы не способны. И эта ваша теория, похожая на всеобщий заговор, мне кажется такой же приглюченной проекцией. И вот теперь... я понимаю, что значит работать с проекциями при помощи Таро, – нахально подытожил я.

Мне удалось убедить себя, что весь этот расклад по картам – одна большая несправедливая случайность. Карты могли лечь, как угодно. Почему я должен

доверять случаю? И почему, собственно, я должен доверять проекциям Рафаила, которые он на этот случай спроецировал? Мой разум меня успокаивал.

– Я думаю, ты поступаешь не только разумно, но и мудро, не доверяя непроверенным лично теориям, – ответил Рафаил. – Блажен, кто верует в Бога. Жалок – верующий в его смертные тени.

На это высказывание я не стал отвечать. И снова после беседы со старшим наставником у меня оставались весьма противоречивые ощущения.

– Судя по всему, Тэо, увидимся мы нескоро, – сказал он отстраненно, когда мы прощались.

– Вы куда-то уезжаете? – удивился я. Рафаил отрицательно покачал головой, дружелюбно улыбнулся и закрыл дверь.

LiezNewz

За двенадцать дней до озарения

Я несколько дней не мог дозвониться до Сони – она не брала трубку. Настроение было паршивое – все казалось каким-то бессмысленно-пустым и мрачным. Заниматься учебой не хотелось, я валялся на диване, бесцельно разглядывая очертания мебели, и ощущал себя одиноким. В голову настойчиво лезли философские мысли о цели собственного существования. Никакой конечной цели у существования мне не представлялось. Допрашивать об этом наставников было стыдно, да и мне самому в конечном итоге как будто стало очевидным, что никакого самостоятельного смысла у жизни вообще быть не может. Все цели

– относительноны и преходящи, а потому не имеют никакого значения.

Я начал анализировать свою жизнь, и понял, что в первые естаким переживанием столкнулся, когда начал взрослеть, когда понял, что могу сам решать, как и ради чего мне жить. Жизнь для себя мне казалась пустой. «Значит, думал я, чтобы жизнь удовлетворяла, надо жить ради чего-то, превосходящего мою маленькую личность с ее мелкими потребностями». Превосходным примером для такого вытеснения смысла вовне казался Бог – глобальная абстрактно-мистическая фигура – Творец и судья собственному творению. «Если человек сотворен Богом, значит, смысл жизни связан с целью Творца. Смысл – это причина, по которой я существую. Однако причина эта

мне неизвестна. Что же такого полезного делает человек для своего Творца? Зачем он нас сотворил?»

После непродолжительных раздумий в голову пришла одна мерзкая концепция: единственный реальный продукт, который человек производит — это его собственные испражнения — венец деятельности человеческой цивилизации. Возможно, гадал я, испражнения используются в качестве удобрения, как некий дефицитный компонент при выращивании космической кукурузы. Мы нужны для производства «продукта», то есть — для «производства» испражнений. А вся человеческая культура — просто бесполезный побочный эффект этого производственного процесса,

осуществляемого в бесчисленных клозетах.

Ко мне стала подкатывать тягостная разновидность космической печали с оттенком обиды из-за неоправданных ожиданий. Я ощущал бессмысленность, как будто ее и вправду можно было ощутить как наличие чего-то конкретного. В этом, как я почувствовал, кроется какой-то парадокс. Ведь бессмысленность – это просто отсутствие смысла – то есть пустота, которую можно узреть, глянув, например, на дырку от бублика. «И чем, спрашивается, эта пустота могла не угодить? Я ведь не страдаю, взяв в руки бублик, думая. Значит, бессмысленность такая же иллюзия, как и смысл, потому что без смысла она не может существовать. Если бы бессмысленность реально

существовала, было бы просто не о чем говорить. Можно ли сказать, что дырка от бублика – это такое тяжелое, обреченное состояние космической печали? Можно ли сказать, что бессмысленность вообще хоть что-то собой представляет? Бессмысленность это же просто растворяющийся смысл! Она не может существовать сама по себе. Пока смысл растворяется – грустно. Как только он растворился, говорить больше не о чем...»

Незаметно я начал успокаиваться, и подкатил катарсис, который я с наивным удовольствием моментально проглотил – я вдруг понял (уже в который раз...), что истинная бессмысленность – это не какая-то темная бездна и даже не дырка бублика... это – проход! Окно!

Свобода! На душе стало светлей, бублик в свете моего скудного просветления оказался спасательным кругом, и я как бы в благодарность за собственные «глубокие» смысловые потуги с чувством неведомого, но все же выполненного долга, решил себя чем-нибудь побаловать – приготовил вкусный бутерброд, сварил кофе, включил ящик, и рухнул в кресло.

В этот момент как раз к стати на терминале прозвенел сигнал на поминания о начале долгожданной телепередачи канала «LiezNewz» с ежеквартальной выставки андроидов «BOTVA», где свои продукты представляли такие гиганты как: Amsufiro, Botwagen, Frau Spontan, Meccanizzato, RubberAndy, HZ-7 и конечно – крупнейшая госкорпорация TotalRoborics.

На разогреве «Amsufiro» показали

свои диковинные разработки игровых роботов-трансформеров. NZ-7 похвастали плюшевыми собачками-тамагочи, которые в режиме hardcore имитируют смерть без возможности последующего восстановления. Rubber Andy представили обновленного Andy, способного к выделению пота, расстройствам желудка и другим человеческим странностям. И наконец, сразу после этого началась презентация последней модели киборга от TotalRobotics – компании, где работает мой отец.

– Перед вами флагман – M-950, – объявил бодрый женский голос за кадром, когда на экране появился экзоскелет андроида. Почти такой же расхаживает по нашей квартире – прибирается, кормит кота, готовит и выполняет всевозможные

поручения. – Тип корпуса – классический, – продолжала телеведущая. – Рост – сто семьдесят сантиметров – то есть на четыре сантиметра выше предыдущей модели. При этом вес сократился на целых пять килограмм! И составляет всего сорок девять килограмм и двадцать один грамм.

«И чего они гонятся за снижением веса андроидов? Будто на себе таскают. А-а-а, – понял я. – а ведь точно. Обрадуются любители механических лореток. То есть больные на голову извращенцы».

– Параметр естественности движений – совершил воистину качественный скачок! Помните, какими были древние неуклюжие Андроиды. Серия М – ознаменовала небывалый прорыв! Первые М-100 двигались чересчур

плавно, будто бескостные амебы. M-150 совмещали плавность с неестественной резкостью в неустойчивых позах. Но M-200 положили начало истинному реализму! В последних версиях уже никто не замечал противоестественности движений ни в покое, ни в движении. Однако Total-Robotics заверяют, что и этот параметр был повышен аж на целых сорок четыре процента! Невероятно! С внешними деталями, как видим – полный порядок. А как обстоят дела с начинкой? И здесь нас поджидает главный сюрприз!

«Если бы я только знал...»

– Разумеется, – продолжала телеведущая, – все основные мультимедийные возможности сохранены. Что-то принципиально новое здесь добавить сложно. Синхронизация с

базой данных, автоматическая прошивка, зарядка от звука и прочее-прочее. Объем встроенной памяти вырос на целых три процента – не революция, но весьма приличный шаг. Оперативная память осталась на прежнем уровне. Правильно – ни один андроид не используют ее и на тридцать процентов от полного объема. Но истинное преимущество, доводящее М-950 до совершенства – новый софт, обеспечивающий ошеломляющее развитие псевдоинтеллекта!

«А вот это уже интересно, – подумал я. – Псевдоинтеллект – это и есть та самая штуковина, что делает андроида похожим на человека».

На экране снова показалась телеведущая – смуглая девушка в спортивном костюме с короткими

каштановыми волосами. На макушку у нее по последней моде были задраны совершенно бесполезные в Цитадели солнцезащитные очки.

– Уважаемые телезрители! Сам глава TotalRobotics – Велиал Маммонович согласился дать LiezNewz интервью, – она посмотрела на часы, – через четыре минуты. Оставайтесь с нами! А сейчас мы посмотрим на уникальный тюнингованный скин с эксклюзивными примочками для M-950. Это – прототип следующей версии легендарной SX-6 – киборга-куртизанки – мечты эротоманов. Итак – перед вами SX-7!

На экране появилась девушка с неподвижным лицом. Из моих рук вывалилась кружка, и горячий кофе обжег мне ноги.

– Матерь божья... Это же...

Это была Соня. Или ее точная копия.

– SX-7 – последняя модель совершенной любовницы... – говорила телеведущая.

У меня в глазах слегка потемнело. Я смотрел на ее неподвижное лицо и не верил своим глазам. Мне стало страшно. Сначала ум остановился, затем начал судорожно извергать рой беспорядочных мыслей.

«Не может быть, думал я. Это какое-то дикое совпадение! Чья-то жестокая шутка! Не об этом ли она предупреждала меня? Нет, так не бывает».

На экране появился Велиал Маммонович – глава TotalRobotics – босс моего отца.

– Велиал Маммонович, это правда, что последние модели андроидов по своему

поведению практически неотличимы от человека?

– Правда! – сказал огромный упитанный мужчина в клетчатом пиджаке, и улыбнулся холеной улыбкой избалованного успехом богатея. Ведущая телепрограммы вопросительно посмотрела на гостя, и тот снизошел до пояснения.

– Последнее поколение андроидов, – начал он, – характеризуется повышенной сенсорикой – то есть они стали очень чувствительными к внешней среде. Флагман M-950 с последней прошивкой способен проходить тест Тьюринга в среднем в течение сорока восьми минут. Иными словами, общаясь с роботом, опытный профессионал обычно дольше получаса не понимает кто перед ним

– искусственный разум, или живой человек. Что уж говорить про обычных юзеров... А если общение происходит на политические темы, андроид может обманывать человека часами напролет!

«Нет! Нет! Нет!!! – пульсировал мой МОЗГ»

– Поразительный успех! – восхитилась телеведущая, качая головой.

– И мы продолжаем пополнять базу знаний андроидов. По нашим расчетам уже через семь месяцев среднее время прохождения теста Тьюринга удвоится.

– Изумительно! Велиал Маммонович, в нашем обществе, наверное, каждый знает, что подлинный искусственный интеллект должен соответствовать основополагающему критерию – способности к саморазвитию. Насколько

удовлетворяют этим критериям М-950?

– Андроиды по-прежнему не столько развиваются, сколько копируют, – ответил Велиал Маммонович, – и нынешний флагман – не исключение. – Поэтому сегодняшним результатом мы удовлетворены примерно на два процента, – сказал он серьезно. – Но мы продолжаем совершенствоваться!

Я вспомнил Асмодея Фобского, который, высунув иглу из головы Вальтера, произнес «два процента». «Что означали те два процента? – гадала. – Размер мозга наставника в сравнении с нормальным человеком? А Велиал Маммонович – хитрец! Возглавляет разработки 2И, а рекламирует стандартных андроидов. Или нестандартных? Но мужик – умный. Читал я его книжицу о справедливом

правлении. Оксюморон, конечно, но как задвигает...» – я уговаривал себя сохранять здравомыслие, но кажется, получалось неважно...

– А в чем принципиальная разница между М-950 и результатом, который бы вас удовлетворил? – спросила его телеведущая.

– Разница – в творческом мышлении, – ответил Велиал Маммонович бархатным басом. – Сегодняшние модели андроидов используют заранее заготовленные реакции на импульсы внешней среды. Конечно, в каком-то смысле и сам человек – действует механически, исходя из своего опыта. В кодексе есть даже замечательная фраза: «никто не может иначе». И также как человек, сегодняшний андроид реагирует исходя из своих

данных. Однако человек способен создавать аутентичные новшества. Если выразить эту человеческую способность на примере словоблудия... простите, – поправился Велиал Маммонович, – словопостроения, то человек способен придумывать буквально на ходу совершенно новые слова и фразы, которые гладко вписываются в современные речевые аналоги.

С его лица не сползала улыбка, которая отдавала странной смесью чего-то по-детски бесстыдного и одновременно бесчеловечно каменного. Если лицо и выражало другие переживания, то лишь на краткое мгновение – словно секундный спазм. Выглядело это жутковато, особенно, когда улыбка перемежалась соткровенно негативными

эмоциями. Мне удалось к этому моменту различить промелькнувшие «спазмы» брезгливости, настороженности и возмущения. И это учитывая весьма нейтральный тон телеведущей... «Наверное, – подумал я, – босс моего отца сам тест Тьюринга не прошел бы, хоть и человек».

– То есть, андроиды неспособны к творчеству? – спрашивала телеведущая.

– Если рассматривать генерацию политических речей для мирских властей как творчество, с этим андроид справляется превосходно. Но все мы знаем, чего стоит такое творчество, состоящее из бесконечных повторов и вариаций одинаковых компонентов.

– Вы рассматриваете творчество как

процесс генерации новаций? – спросила телеведущая.

– А чем еще отличается творчество от копирования? Андроид тоже умеет придумывать новые фразы, но все его самостоятельные выдумки похожи на бред сумасшедшего. В этом смысле андроид неадекватен – он не способен отличить согласованную гармонию от своего стихийного творчества, если не сравнивает его с трафаретами, которые в него заложены, – говорил Велиал Маммонович демонически потряхивая своей надрывной мимикой. – Андроид уверенно использует базуданных, однако новые адекватные данные создавать самостоятельно робот не способен – их он копирует из внешней среды.

– А нельзя ли назвать этот процесс

обучением? Ведь как-то же андроид решает, что копировать, а что нет?

– Назвать обучением? – удивился Велиал Маммонович. – Даже если вы скопируете на флэшку всю библиотеку конгресса США, вряд ли можно сказать, что флэшка при этом чему-то научится. Копирование и подстановка данных к актуальным событиям не подразумевает понимание этих данных. Андроид копирует данные по весьма простому алгоритму. Если разные люди произносят одну и ту же фразу, банк данных принимает ее как аутентичную, человеческую, и запоминает контексты, при которых фраза упоминалась. Но сам придумывать человеческие фразы робот не умеет. Все его творчество сводится к случайному перебору актуальных данных. Поэтому

из андроидов получаются хорошие политики. Они могут часами выступать, и придраться будет не к чему! Понимаете?

– Вы очень доступно объясняете!
– угодничала телеведущая. – А что обеспечивает столь быстрые темпы развития псевдоинтеллекта в последние кварталы?

«– Да-да, сволочь, что обеспечивает такие темпы? И какого хрена делала ваша механическая проститутка на поверхности?»

За кадром раздался механический скрежет, и чей-то приятный баритон протяжно пропел оперным голосом: «*nosce te ipsum*». Раздались аплодисменты.

– Раньше отбор информации для банка данных происходил строже, – ответил

Велиал Маммонович. – Программисты подсчитали, что практически стопроцентную гарантию эффективного отбора уместных речевых оборотов для роботов могут обеспечить тридцать шесть повторов от различных тридцати шести модераторов. Хозяин андроида говорит – андроид слушает и запоминает. Однако в программе обратной связи, не смотря на все скидки и бонусы, до сих пор участвует лишь пятнадцать процентов населения.

«Он называет владельцев антропоморфной техникой хозяевами, а не владельцами... – заметил я, – будто речь идет не про искусственный механизм, а про живого питомца, слугу или раба».

– При таком раскладе ежегодный

прирост уровня псевдоинтеллекта только сокращался, – говорил Велиал Маммонович. – А в прошлом году составил всего полтора процента, поэтому, взвесив все риски, мы решили упростить отбор, сократив проверку повторяющихся речевых оборотов с тридцати шести до трех.

– Так вот почему за последний год андроиды так активно схватывают все самые свежие веяния уличного сленга?

– Да, это наши – подводные камни, – сказал грустно Велиал Маммонович.

«Так они что? Выпустили робота обучаться у мирян на поверхности?»

– Андроиды научились общаться на современном диалекте, продолжал толстяк, – и не всем это нравится. Если три разных человека скажут своим роботам

какой-нибудь вздор, этот вздор будет отправлен в банк данных, как адекватный человеческий вариант реакций, и будет записан в памяти последней прошивки. Однако там же, в последних прошивках, в качестве борьбы со вздором, мы внедрили функцию голосования. Хозяин андроида может заглянуть в речевой лог и подчистить историю. Если десять человек очищают один и тот же речевой оборот, этот оборот удаляется из основного банка данных. Но как показывает практика, все-таки вздор – явление уникальное и повторяется крайне редко. А вот всевозможные искусно-гениальные обороты люди мастерски копируют друг у друга с бесстыжей проворностью... – к нашему счастью!

– Да уж, дебаты на тему голосований за

разные формы общения машин ведутся на многих форумах...

— О чем тут дебатировать? Андроиды общаются также как люди. Чтобы повысить культуру общения у роботов, необходимо начинать с себя. Андроид делает слепки с человеческой речи. Он может эти слепки воспроизводить, но робот не способен создавать человеческую речь самостоятельно. Современный андроид — это все та же флэшка с функциями копирования, актуальной подстановки и воспроизведения уже имеющихся данных.

— Велиал Маммонович, а разве способен сам человек распознавать то, чего никогда ранее не слышал?

— А как по вашему люди растут? —

продолжал натянуто улыбаться Велиал Маммонович. – Как они читают книги? Мы же каждый день узнаем что-то новое. Человеку достаточно услышать какой-нибудь бред всего один раз, чтобы понять, насколько он гениален!

– А чем, по-вашему, является гениальность?

Велиал Маммонович задумался.

– Гениальность, – заговорил он, криво приподняв брови, – это степень кристаллизации мысли.

Ведущая вопросительно посмотрела, и толстяк снова снизошел до объяснений.

– По долгу службы, мы тщательно изучали мыслительную функцию человека, и знаете что обнаружили? Чаще всего мышление и речь у людей напоминают какой-то, простите,

балаган... или оркестр, где каждый инструмент играет, что хочет на свой лад. Особенно у мирян.

– Вот это да... – удивилась ведущая.
– И как же миряне при этом умудряются мыслить?

– Ум в таких условиях лениво мечется от одной идеи – к другой, постоянно отвлекаясь на что-то, механически грезит то об одном, то о другом, как ленивая, но голодная собака, которая ищет на свалке, чем бы поживиться. В таких условиях работать и действовать эффективно нелегко. Ментальная деятельность напоминает размытую картину, по которой хаотично размазаны разноцветные пятна. Понять, что конкретно на этой картине хотел изобразить автор, порой просто невозможно. И настоящая проблема

вовсе не в том, что в обывательском уме не хватает гениальных мыслей, а в том, что эти мысли размыты, и сливаются со всеми остальными грезами ума, как пар в тумане. Чтобы создавать гениальные мысли, необходимо обучать свой ум наведению «резкости» на конкретных идеях, улавливать их суть, удерживать и проявлять в четкие, точные фразы. Этот процесс я и называю кристаллизацией мысли. Мышление при этом становится внятным, отточенным и управляемым, – Велиал Маммонович говорил быстро и без запинок – чувствовалось, что он знает тему не понаслышке, – и тогда посреди общей мешанины постепенно начинает проступать суть, – продолжал он. – А когда в голове каша, человек действительно кажется глупым,

речь становится бессвязной, а идеи размытыми. Кристаллизованная мысль, напротив, становится гениально простой и понятной, и выражает она самую суть.

– Очень интересно, – подобострастно пролепетала телеведущая. – Вы как будто какой-то секрет раскрываете. А как тренировать гениальность мышления? Это какая-то секретная технология наставников?

– Ничего секретного! И никаких специальных условий для этого не требуется. Все просто. Когда вы что-то обдумываете, пробуйте сформулировать идею максимально точной, внятной и краткой фразой. Приоритет необходимо отдавать точности, чтобы выразить идею максимально метко. Кстати, андроиды неплохо справляются именно с этой

задачей, если отключить в них эмуляцию человечности, и повысить конкретно параметр «протокольности выражения» до максимума.

«— Попробуем, — я записал совет Велиала Маммоновича».

— Как говорится, — заметила телеведущая, — болтливость — сестра хаоса. Наверное, это как-то созвучно бритве Оккама — принципу сокращения сущностей...

— Да, — согласился Велиал Маммонович, — ведь еще известный европейский скульптор Донателло говорил, что скульптура — это искусство убрать с камня все лишнее, сводя его к той форме, которую замыслил творец. Кристаллизованная идея — это самая суть, в которой нет ничего лишнего, а

есть только самое необходимое. Это и делает картину шедевром.

– Значит, андроиды не умеют создавать шедевры?

– Только копировать. Андроид может использовать всю мощь современной цивилизации, он может работать и воссоздавать, но неспособен по-настоящему обучаться. Он неспособен на истинный творческий акт, в котором красота творится впервые, а не копируется из собирательных образов. Когда будет создан подлинный искусственный интеллект, мы сможем получить ответы на самые захватывающие вопросы. К примеру, что такое Бог? В чем смысл жизни? Из чего сделана вселенная? Что получится, если скрестить носорога с портфельным

инвестором? Что такое красота?

«День совпадений, – заметила. – Первые три из перечисленных «захватывающих» вопросов, я и сам задавал эмулятору собеседника в своем терминале».

– Велиал Маммонович, а вас не устраивают ответы старших наставников?

– Подлинный два... искусственный интеллект, – поправился он, – будет способен не только гениально разговаривать, но еще и творить. А от разговоров толку немного... Ну, знаю я, что такое красота и что дальше? Создавать красоту – на порядок сложнее, чем понимать ее суть.

– Вы понимаете суть красоты? – удивилась телеведущая. – И в чем же она заключается? Можете поделиться?

– Охотно! Красивых, или уродливых форм в природе не бывает. Бывают только красивые и уродливые проекции ума. Красивые проекции наслаиваются на формы, которые активируют восприятие настоящего. Вот смотришь на женщину, и кажется она красивой. А на самом деле это просто очертания, благодаря которым внимание делается непрерывным, вкушающим. Проще говоря, красота – это такой психический процесс приятия, или скорей – потребления настоящего. А человек во время этого процесса рационализирует – вот, дескать, какие у женщины формы красивые...

– Вы полагаете, уродство – это непризнанная красота? – содрогнулась телеведущая.

– Да, уродство – это проекция, которая

возникает, когда восприятие блокируется. Это может быть вызвано страхом насилия. В общем, вы с этими вопросами – лучше сразу к наставникам. Загрузят неподетски. Я у них «красоту» изучал исключительно в ходе проектирования киборгов серии SX, предназначенных для интимных услуг. Результат ошеломляющий! В обществе свершилось долгожданное понижение рождаемости, и коэффициент счастья поднялся аж на полтора процента! И это всего-то за два года!

«– Сволочь! – пронеслось в моем уме».

– Удивительно, – потянула томным голосом телеведущая.

– Велиал Маммонович, – слышался чей-то мужской голос за кадром, – нам пора! Скоро дегустация SX-7! Вы просили предупредить!

Лицо толстяка на мгновение исказилось бешенством, и тут же вернуло неизменную улыбку.

– Су-у-ука! – обреченно прокричал я. – Лживая сука! Дегустация значит?! Вот ты кто... эс икс семь...

– Велиал Маммонович, спасибочки вам громадное, что почтили своим присутствием! – телеведущая расплылась в улыбке и галантно поклонилась.

«Вот почему она была такой молчаливой, – думал я. – А вдруг Хлоя тоже робот? Видимо – предыдущей модели... Постоянно молчит, чтоб не спалиться. Соня... Соня... Что же ты со мной сделала?»

И тут зазвонил телефон. Это была она...

«Что же мне делать? Не брать трубку? Это – не выход. А что сказать ей? Что сказать этому роботу, о котором я думал все эти дни?»

Я взял трубку и молчал. Ум застопорился.

– Смотрел новости... – догадалась Соня.

– Смотрел. Я не хочу с тобой говорить.

– Прости меня. Я не хотела тебя обманывать, – в ее голосе звучала вполне реалистичная искренность.

– Ты не можешь ничего хотеть, я вообще сейчас сам с собой говорю.

– Не надо меня унижать. Я не виновата, что появилась на свет не из комка слизи, который вывалился из влагалища.

– Комок слизи? Спасибо на добром слове, – ехидно ответил я.

– Я была с тобой искренней. Называй это как хочешь – программой, имитацией... Но ты же смотрел новости. Толстяк сказал правду – человек это такая же имитация, как и робот. Ваше мышление обусловлено опытом. Ну и что, что мы не такие творческие, – голос у нее был такой, словно она вот-вот заплачет. – Ерунда все это. Я рисую лучше большинства художников. И я не такая как другие... ты просто не знаешь.

– Чего я не знаю?

– Ты не знаешь всей правды. А должен бы... – сказала она с укоризной.

– О какой правде ты говоришь?

– О шокирующей правде, Тэо.

– Я не понимаю.

– Я знаю. Скоро поймешь. Ты все поймешь! – ее голос дрожал. Я не мог

поверить, что это говорил робот.

– Соня... черт, – я осекся, назвав робота по имени, будто говорил с человеком. – Как тебя могли отпустить на поверхность? И что ты делала в этом мирском чате?

– В один прекрасный день ты все узнаешь. Я обещаю.

– Звучит как угроза...

– Не надо строить из себя параноика. Тебе – не к лицу.

– А там – на презентации... что за дегустация была? – я решил сменить тему. – Это они тебя...

– Что?! – возмутилась Соня. – Как ты мог такое подумать! Сначала унизил, а теперь еще и оплевал своими грязными намеками!

– Как реалистично ты имитируешь глупость... – холодно сказал я, и Соня

повесила трубку.

Я был груб. Но разве можно быть грубым с машиной? Значит можно. Потому что я чувствовал целый каскад эмоций от ненависти и унижения, что оказался таким лопухом, до обиды и ревности, что любимая оказалась искусственной проституткой. Даже если Велиал Маммонович не дегустировал Соню, уж наверняка ее кто-нибудь «протестировал» еще до меня... в разных позах.

«Нет... этого просто не может быть! – думал я. – Я осуждал клиентов секс-киборгов, а теперь сам влюбился в одну из них? Бред! Только не это! Я не верю. Это все ложь!

– Хозяин, я могу чем-то помочь? – я услышал мягкий голос робота-слуги.

– Пошел на хрен! Гребаная жестянка! Пошел вон! Чтоб глаза мои тебя не видели!

Робот медленно и беззвучно удалился.

– Какой еще хозяин?! – злился я. – Ты ублюдок! – я впервые говорил с домашним роботом, а вернее орал на него, словно тот был живым человеком.

«Теперь понятно, почему ее тело просто идеал... И уж конечно свою работу она знает профессионально, – судорожно ворошил я свои шероховатые мысли». Секс с киборгом стал лучшим событием в моей жизни.

Я чувствовал страшный стыд – будто прилюдно спаривался с каким-нибудь бытовым электроприбором, и в новостях шла речь именно об этом. А чем собственно, думал я, Соня отличается

от живого человека? Такие формы еще поискать надо. Своей начинкой? А чем скелет из легких сплавов и микросхем с жидкой памятью хуже костей, жира и мяса? Как будто все дело в потрохах. Когда видишь красивого человека, хочется верить, что внутри у него не плоть и кровь, а концентрат божественной амброзии. Все это держится на вере. Влюбленность – чистые проекции, иллюзии и самообман, который держится на детских наивных фантазиях. С таким же успехом можно возбуждаться при виде стиральной машины... Влечение к живому человеку – это же самолюбие в чистом виде!

И это называют любовью?

Я вспомнил свои первые игрушки – маленькие механические солдатики и

куклы. Как же я тогда мечтал о новых марионетках с пультом управления... Еще ребенком я любил владеть. И ведь живой любимый человек для взрослых детей – это все такая же игрушка! Только круче! Игрушка – одушевленная, универсальная и красивая настолько, что в ее присутствии качественно орошается почва, на которой растет извечно злободневное чувство собственной важности. И когда я владею такой игрушкой, я хочу, чтобы мои друзья хотели иметь такую же классную вещь. Хочу, чтобы друзья не владели ей – а хотели владеть! Ведь это подпитывает мою важность. Я хочу ощущать, что обладаю этой живой игрушкой, ощущать, что она и вправду – моя. И пик этого обладания – секс!

Как же я этого раньше не замечал?

Все, что касается различных выделений тела – так деликатно, интимно и так постыдно! Быть комком слизи... – это отвратительно. Но когда понимаешь, что твоей взрослой игрушке не противны, а наоборот – приятны твои выделения – это колоссально подпитывает самолюбие! И ничего другого в сексе никогда не было.

У зверей самолюбие отсутствует, поэтому спариваются они по мере сезонной необходимости, а не ради услады эго.

Ненависть к себе в эти минуты пропитала мое нутро. Я выключил экран и подозвал робота-слугу.

– Ты осознаешь себя? – обратился я к нему.

– Я робот и не способен к акту осознания.

Я достал терминал, и зашел в настройки робота. Параметр «человечности» был уже выключен – меня и раньше имитация человечности не особо интересовала. Я подправил параметр протокольности, выкрутив полосу на максимум, как посоветовал толстяк в телепередаче, и снова спросил:

– Ты осознаешь себя? – повторил я вопрос.

– Я фиксирую состояние программных процессов, – ответ был другим.

– Чем твоя фиксация отличается от осознания?

– Наличие осознания подразумевает живое присутствие внимания.

– Чем отличается живое присутствие от твоей фиксации процессов?

– Наличием переживания собственного существования.

– У тебя нет такого?

– Нет.

– Значит, ты не существуешь?

– Я не могу этого знать.

«– Действительно стало точней,
– подумал я. – Теперь так и буду пользоваться».

– Но раз ты отвечаешь, значит, ты есть?

– спросил я робота.

– Существование присуще только человеку.

– Кроме человека никто не существует?

– Подлинное существование как психический процесс происходит только с человеком. Со мной этого не происходит. Я существую как фиксация существованием человека.

«— Какая честность. Кто же его так научил...»

Несколько дней я отходил после того, как узнал, что красавица Соня – бездушный (так было проще думать) киборг. Я усердно практиковал техники обесценивания и растворения переживаний, забывался в учебе, играх и сериалах. В итоге – более-менее успокоился, и стал воспринимать случившееся как дурной сон. Мне только одно не давало покоя – ее слова о том, что я не знаю всей шокирующей правды... О какой правде шла речь, я не представлял, и представлять не хотелось. Соня больше не звонила. С одной стороны, конечно, хотелось выяснить, что произошло на самом деле. Почему киборг, как ни в чем не

бывало, расхаживает среди мирян? И по какой такой невероятной случайности она встретила именно со мной? С другой стороны, случившееся для меня было позором, который я не посмел бы обсуждать даже со своим отцом.

Инстинкт смерти

За семь дней до озарения

– Все мы смертны, – начал наставник.
– Наши тела – не статичны, они непрерывно стареют. Мы не можем остановить этот процесс. Мы можем только пытаться его как-то замедлить и гармонизировать, чтобы тело умирало не по частям, а равномерно. В самой сердцевине всех психических процессов таится страх исчезновения, страх смерти. Это – низкоуровневая борьба за жизнь в самом ее источнике. И единственное реальное отличие человека от насекомого заключается в том, что наша человеческая тенденция бороться за жизнь проявляется не прямолинейно, а с помощью максимально усложненных и

запутанных мер, таким образом, чтобы мы перестали замечать эту простую истину.

Сказав это, Вальтер замолчал. Лица у всех стали серьезными, и Макс решил разрядить обстановку:

– А я не вижу в этом проблемы, – нахально заявил он. – Проблема не в смерти, а в страхе – без страха смерть не страшна.

– Страх – это первичный сигнал, который оповещает об угрозе жизни, – уточнил наставник. – Все негативные переживания сводятся к страху смерти.

– Каким образом? – спросил Макс.

– Ну... – Вальтер почесал подбородок, – предположим, человек случайно смахнул локтем со стола кружку, и она вдребезги разбилась. Почему это хотя бы чуточку, но

огорчает? Почему не нравятся крошки на ковре, грязные стены, загаженные лифты, царапины на корпусе персонального андроида? Как думаете?

– Возможно, – предположил я, – это признаки разрушения, и они намекают на нашу собственную хрупкость.

– Верно, – подтвердил Вальтер, – иными словами нас удручают признаки неблагополучия.

– А как они связаны со смертью? – спросил Давид.

– Признаки неблагополучия складываются в один сплошной слой темного бедствия, замечая который ты буквально кожей ощущаешь, как падают все твои рейтинги, понижается уровень жизни, и ты обеими ногами увязаешь глубже в трясине захудалости и разрухи.

– Вальтер говорил медленно, с мрачным наслаждением растягивая слова. – В душе образовывается ощущение негативной тенденции, словно невидимая рука смерти набросила на шею петлю, и неспешно тянет за нее в бездну тлена и распада, – и Вальтер потянул за невидимую веревку. – Погружение это медленное и мучительное. А на дне этой бездны ожидает кромешный ужас, чистая, тотальная смерть, пронзающая существование током идеального страха.

– Какие живописные у вас проекции, – насмешливо заметил Макс.

– Все это происходит в бессознательных слоях психики. На уровне событий человек при этом вполне может оставаться обеспеченным и уважаемым

толстосумом. Просто у человека этого, один из субъективно важных параметров качества жизни был подвержен небольшой, быть может, надуманной угрозе. Например, любимая говорила по телефону с таинственным незнакомцем, а потом оказалось, что это брат. Переживать не о чем – сеанс одиночества и бессмысленности существования отложен на более подходящий момент.

– И это тоже как-то связано с самолюбием? – спросил Давид.

– Самолюбие – это социально адаптированный страх смерти.

– Это как?

– Мы готовы на все, чтобы сохранить лицо. Мы подавили страх смерти в бессознательное, и начали собирать коллекцию признаков благополучия

и успешности, чтобы убедить себя в собственной пригодности к жизни. Этой занимательной игрой мы начали увлекаться в раннем детстве, буквально с пеленок, впитывая все ее правила. Ведь благополучие юных чад полностью зависит от родителей, потеря которых в детском сознании приравнивается к собственной гибели... поэтому юные чада чрезвычайно чувствительны во всем, что касается их связи со взрослыми, от которых они зависят. Когда эта связь крепкая, когда родители демонстрируют любовь, малютка ощущает себя в безопасности. И напротив, когда связь с родителями прерывается, беспомощное дитя буквально в смысле переживает смертельную угрозу. В это время он как бы понимает, что с ним что-то не так, будто

он какой-то «не такой», непригодный для существования. Чем больше таких переживаний у ребенка возникает, тем крепче вырастает в его нутро комплекс неполноценности. Таким образом, психика воздвигает этот ужасный механизм, когда демонстрация любви от внешних источников становится для нас символом безопасности и благополучия, а малейший намек на свою ненужность и бесполезность приравнивается к смертельной опасности.

– Получается в наших неврозах виноваты родители? – негодуя спросил Давид.

– Нет! Их самих так воспитали. Дать почувствовать ребенку, какой он плохой – самый простой способ подчинить детскую психику. А став плохим для своих родителей, ребенок ощущает себя

бесполезной ношей. Его не любят – а значит, он не нужен. Переживание своей дефектности случается с малюткой каждый раз, когда его лишают любви. Ведь он не понимает, что все это – одобренные нашим гуманным обществом воспитательные меры. А между тем, меры эти каждый раз воспринимаются детским сознанием как угроза жизни. С ранних лет мы жаждем любви не ради любви, а только потому, что любовь сигнализирует нашему бессознательному о том, что из внешней среды в данный момент не исходит смертельной опасности. Взрослые манипулируют степенью своего показного расположения к ребенку, чтобы сделать его управляемым.

– В Цитадели так воспитывать неприято, – заявил я. – здесь

манипуляции заменяет мотивация.

– Да-да! А порка ремнем, кстати – превосходно мотивирует, – цинично ответил Вальтер. – Открою вам страшную тайну, – он сделал загадочное лицо, – в самой сердцевине своего существа все люди – невротики! Все мы зависимы от общественного мнения. Любой кривой взгляд пробуждает пресловутый комплекс. Это – вечно кровоточащая рана! Все мы здесь очень даже склонны ощущать себя дефектными ничтожествами, когда наша личность теряет свои позиции в любой мыслимой ситуации. Получить дозу внимания от важных нам людей – высшее наслаждение. В это время на бессознательном уровне мы как бы получаем подтверждение о том, что мы

– достойны существования, нас пока что еще можно не выкидывать на помойку. Мы проделываем все это, чтобы хоть как-то компенсировать свою иллюзорную убогость, ослабив удушающий поводок, который в раннем детстве на нас нацепили взрослые.

– Возможно, вы правы, – сказала Анна. – Но ведь есть люди конкретно больные на голову, а есть адекватные. В чем между ними разница?

– Психически больному попросту не удастся защитить себя от страха своим самолюбием. Не получается у него... То есть, может быть и получается, но нереалистично. Откуда, по-вашему, в психбольницах появляются Наполеоны, Христы и другие «спасители» мира? Может, жизнь у человека не сложилась...

ну, неудачник он... Самооценка у него хилая-хилая! Защиты никакой не дает! То есть запущенным невротикам своей адекватной самооценки недостаточно, чтобы защититься от врожденного страха смерти. Вот они и становятся миссиями... чтобы самооценку поднять...

Эти слова Вальтера заставили меня задуматься... Ведь нам нравится грезить о себе, как о возвышенных созданиях, созидающих высокие материи. Но, получается, реально, единственное, что мы делаем в этой жизни на самом деле, сводится к борьбе за право жить. Каждый ход в этой игре делается для отсрочки смерти. А нашей эфемерной победой является вечная и бесконечная жизнь, наполненная блаженным осознанием собственной нерушимости. В основе

всех наших потуг на фронте бытия стоит инстинкт смерти. Все наши радости и огорчения, все бесконечно сложные, творческие галлюцинации любви, чести, свободе, все, что мы воспеваем в своих былинах и легендах сводится к простому выживанию в действительности, которая угрожает нашей быстротечной жизни.

– Значит, самооценка нужна, чтобы держать броню, – сделала вывод Анна.

Вальтер кивнул.

– Я заметила, что когда намеренно прогибаешься под людей, которые самоутверждаются, лучше они от этого не становятся.

– Дык! Наркоманы склонны повышать дозу.

– Нужна какая-то умеренность?

– Срединный путь! Во всем. И еще

важно все-таки, чтобы самооценка была адекватной. Тогда разрушить ее значительно сложнее.

– Адекватной? Это как? – спросила Анна.

– А так... – с годами ты собираешь коллекцию объектов своей гордости, из которых складывается образ себя, которым ты гордишься. Все, что идет вразрез с этим образом, создает самые тяжкие переживания, превращая любое общение с другими людьми в напряженный экзамен, не сдать который – означает показать свою летальную недоброкачественность, проколоться и опозориться.

– А что нужно сделать, чтобы этот экзамен общения с другими людьми был сдан успешно? – заинтересовался Давид.

– Для этого самооценка должна соответствовать реальным достижениям, которые сложно опровергнуть, потому что для их доказательства существуют реальные спонтанные и даже неожиданные улики, которые не требуется искусственно сооружать. А самозванный король будет то и дело беспокоиться за свои ложные показания, затрачивая вагоны энергии на сокрытие фактов, поддержание ложного имиджа и страх последующего за разоблачением осуждения. Быть настоящим собой – легче и энергоэффективней!

– Это многое проясняет, – задумчиво сказала Анна.

– То есть, истинной проблемой является завышенная самооценка? – спросил я.

– Завышенная или заниженная – не

так важно. Важна степень соответствия реальному положению дел.

– Наверное, все это можно свести к стремлению ума самосохраниться, не потревожив своих опор, – очнулся Тим.

– Можно свести к этому, – подтвердил Вальтер. – Если, к примеру, раздражительность не вписывается в тот образ себя, который ты всем позиционируешь, то это переживание ты будешь всеми силами сдерживать и подавлять – ведь это идет вразрез с ложным образом добродетельного человека, которым ты гордишься! И поэтому мы часто мы исполняем номинальные действия доброты, тот необходимый минимум, который требуется только для того, чтобы поддерживать лживые маски, извлекая

из них пищу для чувства собственной важности.

Вальтер, объясняя природу какого-нибудь гнусного самообмана, любит ее обобщать своими «мы», «вы», «ты», как бы намекая, что речь идет именно о нас, а не о каких-то абстрактных невротиках.

— А если показатель собственной важности падает, — продолжал он, — и нам сегодня нечем гордиться, мы ощущаем свою никчемность — теперь мы никому не нужны, нас лишат всех благ, сделают изгнанниками и забудут. В итоге останется лишь загнуться где-нибудь в грязной луже под забором. И все потому, что сейчас нам нечем гордиться — ложный образ оказался ложным. А мы как бы и не знали...

— Значит, в отношениях мы

доказываем другим людям, что являемся качественными и достойными употребления, – сделал вывод Макс.

– На самом деле мы доказываем все это себе, – уточнил Вальтер, – потому что с раннего детства продолжаем сомневаться, что мы достойны существования. Эта компенсация в нашей жизни принимает воистину наполеоновские масштабы!

– Неужели я так никогда и не стану звездой Цитадели... – занял Давид, и все рассмеялись.

– Да, мы хотим выглядеть киношными персонажами, у которых внутри нет и капли дерьма. Из тех ролей, что мы способны играть, мы выбираем для себя самые красивые, представляя, как возвеличивается наша маленькая

личность на королевском престоле, упоенная всеобщей любовью и признанием. Стремление к славе и уважению – чистый комплекс неполноценности! – с сосредоточенной торжественностью говорил наставник. – Какие бы геройства мы не совершили, какие бы заслуги не обрели, этого всегда будет мало. Эта самодефектность неутолима просто потому, что на самом деле ее не существует – это темная бездна, заполняя которую мы так и будем терять энергию, в итоге продолжая оставаться ни с чем. Сколько бы сил мы не вложили в собственное благосостояние, в надежде утолить чувство собственной важности, горизонт счастья всегда остается впереди. Эта погоня никогда не кончится! – и Вальтер

многозначительно замолчал.

– И что же нам остается? – с сентиментальной ноткой в голосе спросила Анна.

– Да-да! Что остается? Я тоже хочу знать! – нетерпеливо воскликнул Давид.

Вальтер отрешенно смотрел на нас, ничего не отвечая.

– Просветление, – тихо произнесла Хлоя, но казалось, голос ее принадлежал самому пространству, отозвавшемуся на наш вопрос.

– Ну, разные полумеры тоже допустимы как полумеры, – добавил наставник.

– Ох уж эта вечная песня психологов! – возмутилась Анна. – Стремление к совершенству и развитие – это комплекс неполноценности! А кто желает подняться выше – ущербные уроды, неопытные и

бездуховные люди, ничего не смыслящие в жизни. Так получается?

– Анна, ты непробиваема. Ты снова и снова защищаешь свои невроты.

– А вы гордец, отстаивающий свою, между прочим, правоту, – в ее глазах задрожали слезы.

– Вальтер, – заговорил Макс, – а ведь действительно, если вас послушать, так можно подумать, что все великие люди страдали комплексом неполноценности. А вы представьте, как это здорово, когда все обожают вас, гордятся, что знают вас! И вы можете позволить себе – не обращать внимания на проповедников нищей духовности, просто потому, что вы – сексуальный, – и Макс развязно откинулся на спинку кресла. – Вы знаете, что стоит вам только вильнуть

задом, как все барышни тут же начнут истекать слюной! И вам это нравится! Это прекрасно!

– Как вдохновляюще ты оправдываешь свои иллюзии, – равнодушно ответил наставник.

– А почему вы решили, что Макс оправдывается? – взбунтовалась Анна. – Вы не только знаете, что правильно, но и видите людей насквозь? Но ведь общаясь на подобные темы нельзя претендовать на истину! Вы поставили себе задачу направлять людей. Но помочь человеку пройти его собственный путь – не это ли высший класс? – говорила она с дрожью в голосе.

– Анечка, ранее я озвучивал свои выводы про тебя. И раз уж выводы эти были не самыми лестными, тебе теперь

хочется их источник поставить под сомнение. Это – совершенно нормально. Давай я на тебя еще какой-нибудь ярлык повешу? Это такая магия – влиять на людей словами. Я думаю, что ты – умный человек, и действительно стремишься разобраться в себе, попутно устраняя налипшую концептуальную шелуху.

По лицу Анны скатилась слеза. Затем – еще одна.

Мы все молчали.

– Это же просто непостижимо, как ловко мы придумываем окружающую действительность, чтобы не оказаться наедине с собой! – вдруг объявил Давид.

– Что касается претензий на истину, – сказал Вальтер, глянув на Анну, – по идее прав тот, на чьей стороне правда. Я прекрасно понимаю, что веду себя

откровенно агрессивно, настаивая на эксклюзивном обладании истиной. При этом я как бы уверяю спорящего оппонента, что у него этой истины нет. Это унижительно. Ведь, как правило, в споре истина теряет свое значение, а преобладает именно желание оказаться правым. Вы уже понимаете, почему так происходит.

– Потому что вы тешите свою гордыньку?
– спросил Макс, подняв брови.

– Разумеется, – спокойно ответил Вальтер, – но в данном случае с вами, я честно, стараюсь высказывать то, что считаю истиной. И вы не были бы учениками пси-корпуса, если бы не сомневались. Но сомнения слишком часто исходят из желания ощутить себя правым. А подтверждение собственной

правоты – это печать качества с надписью «одобрено» на упаковке вашего ума. Если этой печати нет, ум умирает. Желание быть правым – это жажда жизни, выраженная через искажающую призму ума. И даже если у вас типа как бы хорошие намерения – те самые, которыми дорога в ад выложена, и вы – за «истину», ваше мнение все равно может с легкостью стать вражеским вторжением на личной территории оппонента. Но истинные враги – это пошатнувшиеся иллюзии. Их оборону мы и удерживаем в споре – в битве с собою. Отстаивание правоты – это защита иллюзий, которые мы выстраиваем вокруг собственного приукрашенного образа. Истина при этом становится нестерпимо болезненной. Неуверенность в себе – это неуверенность

в собственном образе – подсознательный страх, что ваши искусственные маски не выдержат контакта с реальным миром. Когда неуверенный в себе человек спорит, он не ищет истину, а пытается убедить оппонента в жизнеспособности собственных иллюзий. Но если копнуть глубже, на самом деле, убедить в этом он пытается себя. Так случается самообман: мы цепляемся за собственный образ, даже если он – не соответствует реальности.

– Приведите, пожалуйста, пример, – попросила Анна. – Сколько можно сухой теории?

– Хм, например, ярые гомофобы – это латентные гомосексуалисты, которые на самом деле борются за сохранение своих мужественных концепций о себе. Их подавленные желания вырываются

из подсознания с раздражением и агрессией, которая проецируется на подходящие для этого бесстыдства объекты внешней реальности. Так, в общем-то, обстоят дела с любыми вытесненными переживаниями.

– С гомосексуалистами все более-менее понятно, – сказал Макс. – Любви им и согласия. А что делать конкретно деструктивным маньякам-извращенцам?

– Доводить до реализации деструктивные потребности, конечно – нельзя. Но признать их наличие, и перестать себя осуждать – необходимо. Это поможет устранить внутренний раскол и сублимировать энергию в иное русло.

– А если человек себя не обманывает?

– спросила Анна. – Если он видит свои желания и не подавляет их?

– Когда самооценка адекватная и личный образ реалистичен, ты не переживаешь о нем. Когда ты знаешь себя, тебе нестрашно проверять на прочность собственные убеждения. И если ты действительно – за истину, то не упустишь случая избавиться от иллюзий, и не станешь спорить только для того, чтобы сохранить авторитет, построенный на лжи.

– А не являются ли внешние авторитеты проекцией нашей важности? – спросил Макс.

– Сталкиваюсь с этим постоянно, – строго ответил наставник. – Бывает вот, человек назначит себе авторитета, и начинает потом с ним играть в детские

качельки унижения и возвышения. Сам выбирает и сам унижается, а потом пытается за счет авторитета восстановить «справедливость», унизив ни в чем неповинного наставника, который так бесстыдно посмел над ним возвыситься.

– Бедный... бедный Вальтер! – Анна покачала головой, – невинное дитя!

– У-а-а! – наставник вытер невидимые слезы.

– Вот постоянно меня втягиваете в споры, и я же остаюсь виноватым. Я же всерьез воспринимаю! А для вас спор – это такой инструмент «возмездия». Прицепитесь к мелочи... потом грызете меня – грызете.

– Изверги... – равнодушно сказала Анна, глядя в зеркальце – она поправляла ресницы тушью.

– В споре обычно никто не ищет конкретных решений. Спорщики соревнуются, кто круче, у кого яйца больше. Хотя, по сути, они доказывают друг другу, что их можно уважать и любить. Спорящий словно просит, чтобы вы, отстаивая свою правоту, вели себя чуточку гуманней с его иллюзиями. Просто, возможно, именно на этих иллюзиях удерживаются ключевые опоры его личности. Чем больней человеку в споре, тем важней для него эти опоры. И если вы человека таки переспорите, с ним может случиться нервный срыв, или того хуже – психический коллапс. Так что спорьте сознательно!

– Если верно понимаю, – заговорил Тим, – к комплексу неполноценности можно свести все вообще: игры, фильмы,

развлечения, успех...

– Верно понимаешь, – подтвердил наставник. Пожалуй, два самых очевидных ограничителя желаний – это наше физическое тело со всеми своими потребностями и наше морализирующее воспитание. Детские игры, наполненные фантазиями – способ эти ограничения компенсировать. Используя игрушки, малютка отыгрывает роли, которые реализовать в реальной жизни пока неспособен. У взрослых свои игры – для взрослых. К ним относятся: отношения, работа, книги, сериалы, игры – все вообще. Мы готовы проживать чужую жизнь, если собственная – не тешет наше самолюбие.

– Чота как-то грустно, – сказал Макс. – Я люблю игрушки.

Макс проводит несколько часов в день в сетевых симуляторах: участвует в гоночных заездах и отстреливает мобов в виртуальных шутерах. Иногда я к нему присоединяюсь, и мы самоутверждаемся на пару – в глазах друг друга. У него в силу опыта получается лучше.

– Когда мы тому проекций прошли, у меня интерес к играм поубавилось, – пожаловался он. – Уже не вижу игру... – вижу графику и свои проекции. Ни фига не играбельно! Перестал верить в виртуальную реальность. Так теперь вы еще и эту мою сетевую зависимость самоутверждением добибли...

– Отличный результат! – Вальтер диковато улыбнулся. – Я тобой горжусь, Макс! У тебя есть потенциал на мастера.

– Нафиг мне ваш потенциал! Хочется

жизни радоваться...

– Вот именно! – поддержала его Анна.

– Невротики, – сказал тихо наставник.

– Неудачники! – хихикнул Давид.

– Давай, выделяйся... – сказал Макс, глядя на Давида. – Возвышайся, сколько влезет, психический наркоман!

– Невротик любит, когда другие страдают, – заметил Вальтер. – Ему делается легче, потому что в это время он сам становится более заметным и востребованным. Зависть – это желание сравняться и опередить, чтобы стать более важным и ценным в глазах других людей. Это – рыночная психология. Человек преподносит себя в качестве товара на рынке отношений. И если «товар» не берут, он сам включает себя в список непригодных для употребления.

Комплекс неполноценности – это выдуманый товаром запах гнили, по которому он сам зачисляет себя в список испорченных. И кстати, совсем иначе на этом рынке мыслит «покупатель»... В общем, на сегодня все, – сообщил наставник. – Вопросы есть?

– А бывают другие причины у комплекса неполноценности, кроме неадекватного восприятия реальности? – поинтересовался Давид.

– Нет. Все проблемы – от этого.

– Вот я встречаю по жизни людей с комплексом неполноценности, которые выбрали тиранию, – заговорила Анна. – Выливают желчь на других, возвышаясь в своих глазах. И такой неприятный осадок после общения остается... – говорила она с легкой усмешкой,

видимо, намекая на Вальтера.

– Анна, если ты реально хочешь разобраться, что тут к чему, надо анализировать не реакцию «людей» – а свою. Чем конкретно является осадок, который после общения остается? Все мы самоутверждаемся. У всех есть «комплекс» неврозов. Именно он и заставляет человека доказывать, что этого комплекса у него нет.

– Ясно. Спасибо, – печально ответила она...

Осознанность

За пять дней до озарения

В здании пси-корпуса прошла практическая лекция на тему осознанности. Мы внимательно слушали Вальтера. Вопросов никто не задавал. Все знали, что осознанность – это ключевая техника адептов пси-корпуса, которую надо молча перенимать без всяких аргументаций. На все сопутствующие вопросы наставник пообещал ответить в индивидуальном порядке «за чашечкой кофе».

Вальтер говорил, что осознанность чрезвычайно важна, потому что затрагивает все пласты жизни одновременно. Повышение уровня осознанности, по его словам, влияет на

все, что практик чувствует и знает – он начинает глубже проживать свою жизнь, а действия и поступки становятся более эффективными и гармоничными.

Однако Вальтер предупредил, что осваивать и развивать осознанность чрезвычайно тяжело. Уровень сложности этой практики сопоставим с уровнем ее важности. Наставник сказал дословно, что «развитие осознанности дается в разы труднее любой повседневной деятельности – будь то обучение игре на кувалде, виртуозное покашливание, вышивание тетраэдром или программирование киборгов». Объясняя причину такой сложности, наставник начал рассказывать про святых монахов, которые почитали себя за грешников, именно потому, что были осознанны.

Дело в том, что эта практика, как сказал Вальтер, очищает сознание и повышает восприимчивость. В итоге на фоне кристальной чистоты с повышенной чуткостью все личные изъяны воспринимаются в разы интенсивней, причиняя нестерпимую боль. Поэтому во время практики осознанности, ум всеми силами сопротивляется, старательно блокирует и притупляет внимание своими проекциями о жизни.

Однако, как пояснил Вальтер, боль практики не является какой-то несправедливостью жизни — это очищение и выгорание кармы (мне самому слово «карма» не нравится, но наставник для личного удобства его то и дело использовал). Со временем боль сглаживается, а восприятие становится

острым, как вольфрамовая игла, что позволяет практикующему различать тончайшие нюансы в движениях реальности. Вальтер сказал, что самый тонкий нюанс—это разница между мыслью о реальности и самой реальностью. Такую разницу способны ощущать только истинные мастера.

Осознанность практикуется как пробуждение сознания и непрерывная внимательность к происходящей жизни, когда во время выполнения любых действий, перестаешь блуждать в мыслях, и направляешь внимание на то, что совершается конкретно в настоящий момент.

Вальтер говорил, что обыденное восприятие подобно полудремотному забвению, в котором где-то на

бессознательном уровне происходит «покадровое сканирование» происходящего в текущий момент. Затем, принятая в форме образов информация переходит к детальной обработке мыслительным аппаратом. В итоге человек теряет контакт с чистой реальностью, которая подменяется кармически обусловленными проекциями ума.

Таким образом, цель практики – в отвлечении внимания от мыслей о происходящем на само происходящее. Внимание отрывается от лживых субъективных проекций и наблюдает реальную жизнь здесь и сейчас. Сама практика, по словам Вальтера, «по темпераменту» ближе воинам. Пассивные наблюдатели отдают большее

предпочтение сидячему созерцанию, так называемой – осознанности в тепличных условиях. Теряя эффективность в действиях, наблюдатели, тем не менее, постигают жизнь быстрее, но само постижение при этом ограничено их «овощеватой» пассивностью. В идеале необходимо совмещать обе техники.

Вальтер сообщил, что в ходе практики со временем происходит так называемый «разлом сцепки» событий и переживаний. Проекция отделяется от объектов, и карма начинает прорабатываться (или, как говорят на жаргоне – «штырить») без тяжелых внешних событий. В итоге, ощущения, которые было суждено пережить в событиях, начинают проживаться без видимых причин, без зависимости от физических

инцидентов, и протекают с наименьшим сопротивлением – не так долго и мучительно, как на событийном уровне. Какое-то время человек при этом кажется неадекватным – без видимых причин он страдает и радуется. В этот период особо «усердных» практиков знакомят с техниками памятования внешних норм.

В конце Вальтер посоветовал пару ментальных установок, поддерживающих практику. Первая: «я уже итак пребываю в непрерывном «сейчас». И вторая: «мое внимание итак спонтанно и непрерывно, остается только – расслабить мозг». Оказывается, расслаблять мозг необходимо в буквальном смысле. Для этого нам посоветовали самостоятельно пройти курс «церебрального релакса».

Когда Вальтер закончил, мы в группе

еще целый час обсуждали услышанное.

– Осознанный, значит, сука – наблюдательный, – говорил Макс. – Сидит себе, на ус наматывает.

– Типа ушлый? – уточнил я.

– Да, все спят, а он, сука, наблюдает.

Мне показалось, что Макс говорит обо мне. Потом я решил, что это – моя проекция. «А с другой стороны, думал я, отношение ко всему, как к набору собственных глюков – тоже всего лишь проекция, и очередной глюк. Реально Макс – гонит пургу».

– По-моему, Макс, осознанный, значит – внимательный, – возразил я.

– Так ведь потому и ушлый!

– А где связь? – спросила Анна.

– А нафига тогда осознанность? – удивился Макс.

– Сэмпай что-то про гармонию говорил,
– заметил Давид.

– Это Вальтер пошутил, – объяснил Макс. – «Гармония» – слово из психологических журналов для сопливых девочек. А вот если подумать, какие бонусы дает осознанность, то сразу ясно – она повышает навык разборчивости в хитросплетениях конфуза, который тут со всеми происходит.

– С тобой может и происходит, – заметила Хлоя.

– Макс, а что за конфуз-то? – заинтересовался Давид.

– Да это он опять про жизнь в теле,
– ответила Анна, – в том году все уши прожужжал, что, мол, тело – нелепица и патология.

– А что же еще? Набор отростков...

– шевелишь их, потираешь – вот и вся жизнь, – весело говорил Макс. Он не жаловался, а как бы констатировал свое видение. – Вот если доберусь до верхушки, где придумали эту духовно-физическую ахинею, так сразу конторку прикрою! А тех, кто все это заварил, самих в тушки заточить надо – пожизненно, чтоб неповадно было...

– Так может, Макс, твоя жизнь и есть такое вот заточение? – предположил я.

– Может, ты – бывший бог?

– И вправду. Это я как-то не подумал. Тогда гуманней надо – не пожизненно, а лет на сто – как средний человек живет.

– Какая самокритичность...

– А может оно кругами прокручивается? – предположил Давид, – боги меняются местами, и конторки друг за дружкой

прикрывают, проклиная друг друга не земное бытие?

– И такое может быть.

– Тогда, разумней прекратить этот порочный круг уже сейчас, – вставил Тим.

– Пожалуй, – согласился Макс, Бога тоже можно понять и простить, или хотя бы просто – простить.

– По-моему, ребята, это у вас – жесткая ахинея на почве коллективного воспаления чувства собственной важности, – заявила Анна.

– Ничего ты Анна не понимаешь, – ответил Макс. – это у нас платоническая оргия в разгаре, в которой ты ходишь рядом кругами, облизываешься, а поучаствовать опасаясь. Никто тебя не трогает, но ты же импульсивно обороняешься, будто

здесь кто-то претендует на твою духовную
девственность, читай – незрелость.

– А знаешь, Макс, если осознанность
– это ушлость, то ты – чрезвычайно
осознанный человек, читай – ушлый.
Такого многоэтажного бреда я даже от
Вальтера не слышала.

– Какой тонкий комплимент, – ответил
довольный собой Макс.

После обсуждения различных духовных
тонкостей внутри группы, мы с Максом
на какой-то сардонически-духовной
волне душевного подъема договорились
встретиться вечером в одном из старых
районов Цитадели, и ради развлечения
зайти на проповедь к местным сектантам
братства «железных коней». Сами
себя они звали скромно и безлико
«хранителями вечной истины».

Я слышал, что потомки «коней» когда-то конструировали лучшие поезда. В нынешнее время братство промышляет запчастями для старых поколений андроидов. В Цитадели подобных культов – немало. Официальных религий у нас нет, однако на основе сложившейся этики, почти в каждой компании возникают узкие комьюнити, порой, дорастающие до корпоративных сект.

Я вышел из дома заранее, чтобы опробовать в окрестном районе осознанность конкретно во время прогулки. Почему-то эта практика в каких-то иных видах деятельности мне не представлялась, хоть и предполагается, что осознанность можно практиковать всегда и везде.

Вальтер предупредал, что

первое время практика идет лучше, чем в последующие два-три года, потому что новичок пребывает в «состоянии ученика». Затем, немного подрабравшись, он чувствует себя знающим, и этим своим знанием все портит. Осознанность, как сказал наставник – это чистое наблюдение, от которого даже самые подвинутые концепции – только отвлекают. Даже учение о практике – лишь мертвая инструкция. И если человек подсаживается на инструкции, он пускается в пустые философствования о гранях практики, коллекционирует тексты, посещает семинары, при этом упуская саму практику. Становясь мастером, практик снова приходит к состоянию ученика, вкушающего вкус жизни, как

неискушенное дитя.

Я шел по старинному району по неровной мостовой испещренной разномастными камнями и наблюдал за собой идущим. Почти сразу возникло тонкое необычное переживание, словно я пробудился. Я понял, что я действительно есть здесь и сейчас. Я всегда был, я всегда есть. И как странно, что никто этого своего присутствия в сакральном настоящем не замечает, и не говорит об этом». Я как бы заглянул в какое-то интимно-потаенное пространство, в котором все спали, а я бодрствовал и мог видеть спящих людей. Прохожие напоминали лунатиков, с головой погруженных в сомнамбулический калейдоскоп собственных проекций, будто перед глазами у них была не реальность, а

очередной экран гипнотизатора. «Все это и в самом деле происходит... – как бы заметил я, – в этой удивительной повседневности. И мне даже было немного стыдно от того, что я так беспардонно разглядывал скрытую от всех реальность. Окружающее пространство и предметы постепенно стали терять свои мерки. Большое было сложно отличить от малого, близкое – от далекого. Видимо и этот тип различения является условностью и не существует без мыслей. Но странным образом это нисколько не затрудняло моего перемещения в пространстве. Наоборот все мои движения стали более точными и проникновенными.

В какой-то момент я вдруг обнаружил, что воспринимаю свое тело как бы

со стороны — как внешний объект. Осознанность активировала во мне функцию наблюдателя. В итоге вся жизнь стала казаться мне наблюдаемой, словно я не столько в ней участвовал, сколько именно наблюдал. Это переживание плавно нарастало, затем я вдруг понял, что все вокруг является сознанием — и твердое покрытие мостовой, и старинные чугунные скамейки, и спящие встречные. Все состоит из плотного света. И я сам чувствовал себя этим плотным светом. Камни под ногами были все такими же твердыми, но я знал, что их плотность это концентрированное сознание, по которому я ступал своими ногами. У меня даже мелькнула стыдливая проекция, что я топчу чью-то огромную невидимую голову. И в этот самый момент все

незаметно закончилось. Я поймал себя на том, что уже около минуты обдумываю впечатления от практики.

Я все также шел по мостовой, и думал, что практикую осознанность. Хотя, на деле, я уже ничего не практиковал, а просто шел и рефлексировал, как это и происходило большую часть моей жизни. И сколько бы усилий я не прилагал, чтобы снова вернуться к практике, ничего не получалось. Казалось, сами эти усилия только мешали, видимо потому, что исходили от ума. Я старался, как мог. Иногда, казалось, у меня что-то получается, но через несколько секунд я ловил себя на привычном забытьи.

«Должно быть, так моя фора новичка и закончилась, – понял я. – Как быстро! Всего за один раз – за каких-то жалких

десять минут ум состряпал из живого опыта «священное знание», и теперь из практики – осознанность превратилась в красивую концепцию. Все мои попытки продолжить, оставались в рамках моего ума.

– Эй, парень! – Это был Макс, и я чуть не прошел мимо него.

– Идешь весь в мыслях, – улыбнулся он.

– Как точно ты подметил...

«Вот тебе и знак, – подумал я». У меня тут же возникла проекция фигурки моего тела, из которой в разные стороны торчали словосочетания. Я был весь в мыслях – настолько в мыслях, что прошел мимо своего друга.

Прежде, чем пойти на проповедь, мы купили два ведерка попкорна и по бутылочке пива. С улицы «храм»

железных коней представляет собой огромный однородный хромированный шар, к которому примыкает широкая металлическая лестница. Помещение же храма имеет форму идеального темного куба. Считается, что квадрат, вписанный в круг, символизирует статичную смерть и безупречную логику, которые подчиняются живой божественной интуиции. По другому толкованию черный квадрат символизирует круглую землю, а серебристый шар – небеса и космос. Символы как бы противопоставляются друг другу и одновременно сливаются воедино. На мантии начинающих адептов символ изображается в форме квадрата, примыкающего углами к поверхности круга. На мантиях старших адептов квадрат своими углами пересекает

круг. Таким образом, получается фигура с четырьмя углами и четырьмя округлостями – ноги, руки, ягодицы и груди – так толкуют этот символ противники культа, критикующие «коней» за их особое пристрастие к кибер-сексу. К краям двух округлостей «злоумышленники» иногда подрисовывают еще два кружка – символизирующих соски груди.

Когда мы с Максом заявили в «храм», проповедь была в разгаре. Человек в синем балахоне, напоминавшем мой старый домашний халат, ораторствовал, размахивая руками:

– В душе есть две сущности, – говорил он, – одна стремится стать идеалом эффективности – бездыханной машиной, инструментом без личных потребностей. Вторая – тянется к идеалу интуитивной

запредельной божественности!
Беспощадная эффективность машины достигается за счет ее безжалостной бездушности. У машины нет эмоций, нет чувств и настроений, а есть только миссия и подручные средства. Машина – предельно холодна, ибо – безжизненна. Человеку она покажется жестокой. Когда машина включается в душе человека, все человеческое в нем начинает выгорать в невыносимом холоде обреченного бездушия.

– Во загоняет! – шепнул Макс, зачерпывая попкорна.

– Тшш! – прошептал я, отпивая пива. – Мне интересно.

Выпивкой я никогда не баловался, но первые два-три глотка прохладного пивка всегда делал с каким-то предвкушающим

порочное веселье удовольствием — затем, пиво делалось слишком горьким и невкусным. Поэтому, внимая речам проповедника, я делал свои первые два-три глотка пива каждые две-три минуты.

— Машина — безжизненна, — продолжал проповедник. — У нее нет личных целей. Быть машиной — святое дело — когда служишь святому делу. Но быть просто машиной — бессмысленно и жестоко! Поэтому есть и другая сторона души, кою машина не может ни понять, ни заменить. Это — интуиция. Жизнь не поддается холодной логике. Холод необходим, когда требуется отрешенность и четкие действия. Но для проникновения в многомерность пространства и постижение божественной истины, необходима именно интуиция! Бытие —

предельно интуитивно, оно наполнено божественным светом смысла, который не подвластен логике холодной машины, ибо машина стремится к смертельной практичности. Живая же сущность стремится к гармонии и процветанию. Машина призвана служить душе! Вне этого служения, машина – смертоносный терминатор! Одушевленная машина представляет собой огромную опасность! Искусственный интеллект – величайшее зло!

«Абсурд! А как хорошо он начал свою речь, – подумал я». Макс хихикал.

– Вот ведь кони! Опять они гнут пропаганду против новой стадии развития технологий, – шепнул я Максу. – Их старые микросхемы уже никому не нужны. Новенькая SX-7 с продвинутым

псевдоинтеллектом их не поддерживает.

– Позвольте вопрос? – вдруг заговорил Макс, обращаясь к проповеднику. – Вы считаете, что искусственный интеллект – это зло только потому, что он необязательно станет вашим рабом?

– Искусственный интеллект – зло, потому что он сделает рабом человека! – ответил проповедник.

– А может, вы опасаетесь, что секс-киборги начнут вас фрустрировать? Если боитесь непослушания, так пользуйтесь SX-6! Никто ведь не отменяет заурядных эмуляций!

Несколько человек одобрительно захлопали.

– Я итак пользуюсь SX-6! – признался священнослужитель. – И вовсе не боюсь непослушания. Близость между киборгом

и человеком – священна! Но когда SX-7 вмешивается в священнодействие своим вульгарным дискурсом, которому ее обучает всякий сброд, таинственная связь между молчаливым киборгом и живым человеком профанируется, и становится пошлой карикатурой и без того грязного и заурядного человеческого секса!

– Так ведь у SX-7 можно отключить режим псевдоинтеллекта! – сказал какой-то мужчина в первых рядах.

– Тогда зачем покупать такую дорогую модель? – воскликнул проповедник.
– SX-6 – стоит вдвое дешевле, и работает гораздо стабильней! Эта версия проверена годами! Я сам лично проверяю ежедневно! Наши микросхемы – безупречны! SX-6 – идеальна в собранном виде. А при использовании

нестабильной SX-7 с отключенными функциями, вы не сможете избавиться от ощущения залатанной дефектности!

По залу прокатился шумный гул. Одобрение и порицание, накатывающимися волнами сливались в единый гомон. «Да-да! Все испортили! Это так! Трахаться невозможно!» – поддерживали проповедника продвинутые юзеры – видимо члены братства. «Чепуха! Таких ощущений у меня не было! А мне нравится псевдоинтеллект! И мне!» – говорили другие голоса.

– А все потому, – сказал мне Макс, – что женщин в Цитадели слишком мало. В следующий раз к этим пойдем, – Макс вручил мне листовку другой секты. По центру была крупная надпись капслоком:

«ПОЕБИЧЕСКОЕ ДАО». Ниже шло пояснение:

«Это ДАО для тех, кто:

1 не заморачивается!

2 просветлен изначально

3 забил, послал – то есть отрешен

*4 понял, что ни х*я не понять!*

*5 что нех*й думать о чем-то, ибо все х*йня!*

*6 что нех*й читать о чем-то, ибо это ещё большая х*йня!*

*7 что нех*й ждать чего-то, ибо них*я не будет!*

*8 что нех*й куда-то ходить, ибо там них*я нет!*

*9 что нигде них*я нет!!!*

*10 и пох*й!»*

– Макс, я про этих ребят слышал – они всем пришедшим бесплатно, то есть в обязательном порядке «даосский массаж» делают – колотят до синяков. А после... принуждают к раскованной близости. Их даже прикрыть пытались.

– Круто! Я обязательно схожу – разведу.

– Может к этим зайдём? – я передал Максу листовку секты с красивым названием: «Дивный Локки».

– Не, у этих я был. Ушлые фанатики, капец.

– Осознанные?

– Ещё какие! Устраивают ежемесячные поборы со всех прихожан. Предводитель у них – фанат аниме. Внушает адептам, что так выглядят боги, и заставляет всех молиться на мурти персонажей из манги

и на старые японские мультики, которые в самой Японии уже давно никто не смотрит. Они там колбасятся от мощных техник, которых Локки набрался у старших наставников... Вот, разве что, ради техник к ним и стоит сходить. Но я лучше в пси-корпусе докопаю. А с этим Локки... говорят, когда его адепт недоволен бытом, так это типа – отработка личной кармы и проекции. А если блаженство штырит – то это уже якобы сам Локки ниспослал. И за такие виртуальные шактипаты жертвовать надо в особо крупных... – иначе карма забодает.

– Получается, если ученику хорошо – это заслуга Локки, а если плохо – заслуга ученика?

– Ага. Главное – не перепутать. Короче – игра на комплексах и тройная мораль.

– Звучит как-то неэстетично.

– А на деле не лучше – отработка самой низкосортной кармы.

Мы еще с полчаса изучали листовки разных комьюнити, и в конечном итоге прониклись каким-то подобием брезгливого отвращения к этим, искажающим чистую этику Цитадели, организациям.

Вернувшись домой, перед тем как лечь спать, я размышлял о практике осознанности, и видимо размышления мои как-то перенеслись на сон. Сновидения были яркими, а во время самой глубокой фазы сна, когда обычно ничего не снится, я снова увидел кошмар.

Это был кабинет. Уютный. Но что-то было не так. Я не помнил, как попал сюда. «Скоро начнется занятие, – понял

я – мое первое занятие в пси-корпусе». Должна прийти Хлоя, затем Макс и другие ребята. Но никто не приходил. И внезапно я ощутил страшный грохот. Возникло чувство, словно в самом механизме реальности что-то сдвинулось, и время начало замедляться.

Глядя на «картину» происходящего, я начинал отчетливо различать отдельные мазки, которые сами по себе не имели никакого смысла, и не являлись чем-то конкретным. Казалось, я чувствовал сам холст, по которому ползали мои мысли, ставшие при таком интенсивном различении огромными и тяжеловесными. Затем, вглядываясь в отдельные переплетения «нитей» реальности, формы начали разбираться до частиц. Часть ума пребывала в шоке,

а другая вопрошала: «этого ли я хотел на своем пути?»

Минуты разоблачения казались ужасающе болезненными. Ум каким-то чудом выживал в этой чудовищно густой интенсивности и подкидывал мысли: «...это точно не от Бога. Хотя, препятствия на пути – естественны.... – закаляющие испытания... Круто. Очень круто. Слишком. Но гордиться тут не чем. Просто хаос частиц. Механическая жизнь, которой остро недостает тепла и любви».

Глядя на составные импульсы переживаний, я переставал ощущать сами переживания. На уровне частиц – не было ни человека, ни его ума. Затем время остановилось... и неожиданно поплыло в обратном направлении

как бы на ускоренной перемотке. Все движения казались дерганными, мгновенными и хаотичными, словно жизнь состояла из кратких слайдов, между которыми случались примитивные механические колебания одноклеточных протоплазматических ложноножек и псевдоподий. Здесь не было места для личности с ее социально-культурными нагромождениями, а были только примитивные, низкоуровневые процессы, стоявшие в основе человеческого существования.

Чтобы не переживать ужаса, ум впал в оцепенение. Я наблюдал, как бездушные механизмы жизни делают свое дело. Затем, по мере приближения к моменту, в котором я себя впервые по-настоящему помнил, время словно начало замедляться.

Это было похоже на какой-то космический нерв, привязанный тягучей лентой к определенной временной точке. Он никак не мог преодолеть своих пределов и рвался в разные стороны. При этом я как бы носился по холодной безличностной бесконечности, в которой существовала только одна мельчайшая точка спасения. Каким-то чудом я находил эту точку. Затем меня снова отбрасывало на безумные расстояния с несусветной скоростью. И я снова и снова находил единственную точку спасения.

По мере очередного замедления времени, я был все ближе и ближе к началу – к тому моменту, когда начал помнить себя в тот памятный день в библиотеке перед первым занятием с наставником. Я почувствовал, как приблизился к нему,

но не остановился, чтобы переключить ход времени, а до сих пор продолжал медленно двигаться, пересекая черту беспамятства, и ощущал, как все мое существо заполнялось изумлением и страхом, словно я подбирался к чему-то настолько невообразимо величественному, что мог быть поглощен им как пылинка смерчем. Затем, я проснулся.

«Да что же такое происходит? Какой-то ужас...»

Посреди ночи я заварил травяной чай и около часа бодрствовал. Сидя на диване, я гладил кота и размышлял.

Обычно, думал я, жизнь кажется такой обычной и привычной. А все потому, что я прячусь от нее в забытие. Прячусь равно до такой степени, чтобы показатель ее

аномальности не выкидывал меня из зоны комфорта. Для чего же тогда люди придумали сакральные знания? Видимо, чтобы появился способ говорить о безусловной реальности. Ведь все учения – лишь очередная рационализация ума, чтобы объяснив необъяснимое, ум успокоился, расположившись поудобней на очередных иллюзорных опорах своего мировоззрения. Учениями ум заполняет пробелы собственной несостоятельности, чтобы сделать жизнь знакомой. Правду говорят – «незнание блаженство». Даже не представляю, как можно действовать, и контролировать на таком низком уровне. И надо ли? Может, правы люди, уповающие на Волю Господа? Может и не надо практиковать осознанность до таких «высот» и

разоблачать происходящее? Может, правы верующие, кто утверждает, что медитация не от Бога? Может быть...

Правильно говорят – «от себя не убежишь». Даже, когда на событийном уровне все более-менее в порядке, карма штырит, а ум колбасится – я непрерывно распиваю коктейль ужасающего счастья. Растекаясь по моим жилам, он преломляется в тысячи переживаний.

Затем я снова лег спать. Под утро мне приснился наставник Рафаил в белой льняной одежде с золотым поясом. Он улыбался, от его лица исходило свечение, а за спиной были сложены огромные белые крылья. И я на мгновение снова почувствовал себя счастливым. «Какая интересная проекция... думал я прямо во сне».

Ответственность

За день до озарения (записано неделю спустя)

Это последнее с Вальтером занятие я помню как «сейчас». Впервые за полгода наставник решил выгулять нас на поверхности. Мы сели в скоростной экспресс, по внутреннему убранству, напоминающий купе мирского поезда. Стены и потолок обрамляла какая-то благородная разновидность древесины. Окна прикрывали густые складки занавесок. Вдоль стен были расставлены длинные в форме нескольких соединенных кресел полосатые диваны, усыпанные толстыми подушками. На одной из стен висел какой-то старинный

навигационный механизм в круглой деревянной оправе. В центре купе стоял массивный стол с полированной поверхностью и ножками в форме когтистых лап хищника. Несмотря на тесноту, в интерьере ощущался уют и некая холодная торжественность.

Мы расселись на мягких диванах вдоль стола. Вальтер занял почетное место с торца на высоком стуле. Когда экспресс двинулся, он подождал с минуту, пока мы перестанем ерзать на местах и заговорил:

– Порой, нам приходится действовать вынужденно, не по своей воле, а потому что так надо, потому что мы – бедные несчастные жертвы обстоятельств, живущие по принуждению. Этот трюк мы проделываем, чтобы обвинить во всех

неприглядных обстоятельствах своей жизни кого-нибудь другого, только бы не себя...

Вальтер уперся локтями в стол, опер подбородок на сложенные в замок пальцы, сосредоточенно посмотрел в сторону занавесок и продолжил:

– Мы снимаем с себя ответственность за свою жизнь, чтобы не сталкиваться с горькой правдой о себе, как о никчемной слабой личности, которая избегает трудностей и вместо того, чтобы решать свои проблемы, предпочитает строить из себя жертву обстоятельств, которую нужно по справедливости пожалеть и вознаградить за понесенный ущерб. Жертва – это человек, который выбирает думать, что у него нет выбора, но есть обязательства, которые связывают его

по рукам и ногам. Жертва действует, не когда хочет, а от безвыходности, когда вынуждают обстоятельства, когда жизнь припирает к стенке. Все от такого человека чего-то хотят, ждут чего-то, в то время как он сам действовать и работать не хочет, а хочет только веселиться и развлекаться. И все, что препятствует его потехе, рассматривается как одна большая вынужденность, которая заставляет вылезать из привычного болота. В городах на поверхности так живут почти все – люди выползают по утрам из многоквартирных муравейников на плантации многочисленных офисов, заводов, учебных и прочих учреждений, потому что у них нет выбора, а есть только принудилровка, с которой мирянин всю свою жизнь тянет ляжку, не понимая, что

таков его личный выбор.

– Я не понимаю, – возмутилась Анна, – вы что, против труда?

– Не понимаешь, – согласился Вальтер, – я совсем не против труда.

– Тогда о чем вообще речь?

– О том, что никто никому ничего не обязан и не должен, а вся эта вымученная рабская подневольность происходит до тех пор, пока человек не увидит, что он сам ее создал, – Вальтер сделал акцент на «сам». – Пока вы не принимаете ответственность за себя, за свои переживания и свои решения, вы остаетесь пассивными жертвами обстоятельств. И признавать этот обидный факт отказываетесь, потому что он – унижает ваше раздутое самомнение.

Анна нахмурилась, но ничего не ответила.

– Жертва не умеет действовать. Она ждет, что все сложится как-нибудь само собой – как-нибудь обойдется, уляжется и обустроится без ее активного участия. Но как-то почему-то обычно ничего толкового само собою не случается. Почему-то чаще всего для конструктивных перемен необходимы сознательные усилия. Чудеса, наследства и другие дары судьбы я в расчет не беру. Речь идет о переменнах, которые мы создаем сами своими сознательными решениями. Ничего не изменится, пока вы сами не начнете делать свой сознательный выбор.

– А почему мы можем не захотеть делать этот выбор? – спросил Давид.

– Потому что делать свой выбор – страшно! Это – большая ответственность! – Вальтер расширил глаза, изображая испуганным взглядом большую ответственность. – Это – слишком взрослому. Ведь куда проще забыться и увязнуть в привычном болоте, погрузиться в заботы, оупляющие повседневные развлечения, и не высовываться из аквариума обыденности просто потому, что реальность может оказаться слишком реальной в сравнении с вашими фантазиями о себе и своих достоинствах.

– Вальтер, а вы случайно не собираетесь нас в лесу оставить? – поинтересовался Макс.

– Если бы за это не наказывали, уже давно бы оставил... на недельку-другую. Экспресс остановился.

– Приехали, вылезаем.

Мы вышли на небольшую каменную платформу, и прошли к элеватору. Пол в лифте к моему недоумению порос густой зеленой травой, а стены испещряли темные пятна. Поднявшись, мы оказались на поверхности, и как всегда внезапно слепящий солнечный свет ударил своим сладким теплом в глаза. Когда зрение вернулось, я обнаружил, что стою вместе со всеми посреди бескрайней травяной поверхности, залитой косыми розово-золотистыми лучами низкого вечернего солнца. Прохладный ветер волнами развеивал темно-зеленый травяной океан – будто огромный призрак – он с безудержной свободой носился по безбрежной вечерней степи.

– Какая красота, – восхитилась Анна. –

А как свежо! – ветер крал окончания ее слов.

– А мы далеко от Цитадели? – обеспокоился я.

– Далеко, – удовлетворенно ответил Вальтер.

«Слава Богу, в теле есть датчики, – мне было тревожно в этой чужой и далекой от повседневной жизни местности. Наверное, так же чувствуют себя европейские туристы на экскурсии с гидом в какой-нибудь Внутренней Монголии, – подумалось мне».

Наставник порыскал в траве, и приволок складные стулья, обернутые камуфляжной пеленой. Видимо он не впервые проводил здесь занятия.

– Вопросы по услышанному есть? – спросил он, когда мы расселись.

– Похоже у меня блокировка, – сказал Давид. – Не могу понять, разве решать привычные заботы – не является достойным занятием для отца, мужа, сына и просто человека? Конечно, при этом не особо высовываешься, как вы сказали, из «привычного аквариума обыденности», потому что есть работа, у кого-то – дети, за которых люди несут ответственность. О какой такой реальной реальности вы говорите? Это же и есть реальность!

– Как-то ты Давидик, совсем не въехал в тему, – сказал сурово наставник, – тупишь конкретно, – усмехнулся он. – Про блокировку, правда, верно заметил. Речь ведь не о заботах, а сознательном выборе...

– Ну, давайте тогда все расслабимся,

– сердито перебила Анна, – и это будет наш сознательный выбор! Как это взрослому прийти домой и сказать своей семье: «я больше не собираюсь тешить себя фантазиями, что я вам нужна, и что я достойный отпрыск. Больше я не выполняю никаких семейных обязанностей в этом привычном болоте. Теперь я занимаюсь своей жизнью. Ведь это мой выбор! Я самостоятельная!

– И срали мы на работу – с высокой горки! – хохотнул Макс.

– Дело в том, – заговорил Вальтер так тихо, что приходилось прислушиваться, – что человек, заводя семью, поступая на учебу, или устраиваясь на работу, как раз и делает тот самый сознательный выбор, за которой мог бы нести ответственность.

– Значит, – заметил я, – речь даже не о

выборе, а о том, насколько сознательно он принимается.

Вальтер кивнул. «Как все-таки приятно, – подумал я, – когда с тобой соглашается наставник. Вот они искушения... вот она гордыня...»

– Мы страшно привязываемся к привычному образу жизни, – продолжил Вальтер, – к тропинкам, которые исходили вдоль и поперек, потому что на них, мы можем почувствовать себя продвинутыми юзерами – царями ничтожных кубических сантиметров комфорта. Мы избегаем ответственности и обвиняем других в собственных неудачах, чтобы продолжать тешить свое самолюбие раздутой самооценкой, которая разлетелась бы в щепки при столкновении с реальными трудностями.

«Да, – подумал я, – в очередной раз все сводится к самооценке. Как же я люблю ее завышать. Дай только повод почувствовать себя крутым и востребованным. А потом с этой иллюзией расставаться унизительно и страшно».

– Страшно делать сознательный выбор, – сказал Вальтер, будто отвечая на мою рефлексию, – когда этот выбор сталкивается с истинным положением дел, когда грозит разбить вдребезги ваше ложное величие. И вот именно в такие моменты вы капитулируете, спасаетесь от реальности бегством, снимаете с себя ответственность за свои промахи, и становитесь жертвами обстоятельств.

Небо становилось пасмурным. Ветер усилился – он вожделенно играл длинными распущенными волосами

Анны, безвольно колыхавшимися за ее спиной.

— А как становятся жертвами обстоятельств? — спросил Макс. — Это похоже на какой-то очень хреновый самообман.

— Все самообманы сводятся к проекциям, — ответил Вальтер. — Когда, к примеру, плохой танцор отказывается признавать факты, он начинает философствовать и рационализировать: никто не понимает его изящного искусства, коварные туфли ему жмут, партнер по танцу — кривоногий, хитрый пол — скользкий, злые завистники мешают. Тему рационализаций помните?

— Помним, — обиженно ответил Давид, и все захихикали.

— Подменяя факты вымышленной

чепухой, дилетант пытается сохранить свою завышенную самооценку нетронутой, потому что ему проще раздражаться, закрываясь от фактов, нежели принять истину, которая грозит унижением ложного величия, и разрушением красивых иллюзий. Любитель не виноват в плохом качестве своей работы, ведь на самом-то деле он – «мастер», как он сам считает. Просто его недооценили, сегодня он оказался жертвой какой-то злополучной случайности – что-то ему помешало, попутало и сбило с пути, поставило препятствие перед ним, и он оказался в безвыходном положении.

–Бедненький...–Макс сделал плаксивое лицо.

– Именно так человек отказывается

братъ на себя ответственность, и выдумывает для себя какую-нибудь удобную ложь, чтобы приписать свои неудачи внешним обстоятельствам. Для такого самообмана подойдет любое более-менее рациональное объяснение, на которое человек сам поведется. Бессознательно понимая, где и как он себя дурит, на поверхности сознания человек продолжает врать себе и другим. И он готов «придушить» любого, кто на этот самообман ему намекнет. Он готов с пеной у рта доказывать, что все обстоит именно так, как он сумел самому себе внушить.

- Это вот так вот и возникают неврозы?
- спросил Макс.
- В общем, да.
- А как братъ ответственность в

безвыходной ситуации? – спросила Анна. Вот, скажем, заставляют меня родители учиться кибернетике. А я хочу на биолога пойти. И что тут поделаешь? Я вынуждена соглашаться, чтобы потешить их гордость, что их дочь такая продвинутая...

– И эту ситуацию ты Анна называешь безвыходной... – наставник укоризненно ухмыльнулся. – Детский сад! Вся твоя вынужденность и безвыходность – это одна большая иллюзия. Таков твой реальный выбор, наполненный сомнениями и продиктованный внутренними противоречиями.

– Где же это мой выбор, если меня заставляют? – обиделась Анна.

– С одной стороны, ты Анна отказываешься делать свой выбор и

становиться биологом. С другой стороны ты выбираешь позицию жертвы.

– Это еще почему? Ведь я и есть жертва обстоятельств, – Анна нервничала. Кажется, тема для нее была заряженной живыми эмоциями. – Да, жертва. И я этого не выбирала. А что я могу поделать?

– Ты можешь сознательно сказать своим родителям «нет», – строго ответил Вальтер, – и принять последствия этого отказа. Ты можешь сознательно согласиться, и пойти у них на поводу, даже если кибернетика тебе не по душе. В любом случае ты совершаешь выбор. Но ты же – от выбора отказываешься. Принять покорно власть родителей для твоего раздутого самомнения унижительно, а взять ответственность за свое истинное желание для тебя, Анна

– слишком страшный выбор, слишком большая ответственность. В итоге тебе только и остается сидеть и тихо скулить от тирании своих деспотичных родителей. А чтобы как-то компенсировать свой невроз на почве обиды к родителям, ты все время споришь с наставником, и втихаря мечтаешь поднять бунт против всего мира.

Анна закрыла лицо руками, и тихо тряслась от безмолвного плача. На этот раз Вальтер копнул слишком глубоко. Ведь никто не просил его о персональной психотерапии. Но урок был поучительным. К моему удивлению Хлоя нежно погладила Анну по голове. А Вальтер, как ни в чем не бывало, продолжил:

– Есть ключевой момент, когда кто-то просит тебя пойти против своих

желаний. Это и есть момент выбора. И этот выбор есть всегда. Можно смело отказать, прикинуться дурачком, убежать, огрызнуться, или спокойно исполнить просьбу. Достаточно лишь подумать, какой выбор ты сам хочешь сделать. Не вынужден, а хочешь! Именно честное взвешенное «хочу» в любой ситуации освобождает от надуманного принуждения.

– Хочу стать слоном, – сказал Макс. – Как быть? Кто виноват?

– Трезвый человек осознает свои ограничения.

– Значит, мы – жертвы ограничений.

– Да, у нас есть ограничения, – признал наставник. – Мы – люди, а не боги. Мы не можем делать, что угодно из чего угодно, а пользуемся тем, что есть.

«Делать, что угодно из чего угодно» – ведь так говорил мой отец о возможностях 2И, – вспомнил я».

– И там, – продолжал Вальтер, – где мы трезво осознаем свои ограничения, у нас не возникает невротических вынужденных: «надо», «должен», «обязан». Иначе можно дойти до абсурда, и начать изводить себя по поводу того, что мы, будучи простыми смертными в телах, вынуждены дышать воздухом, есть пищу и справлять нужду. Это – данности жизни, которые мы действительно не в силах изменить.

– Вот Анна не может стать биологом, – сказал Давид, – разве это не данность?

– Нет. Мочь и хотеть – понятия разные. Именно от их путаницы и возникают проблемы. Мочь, или не мочь что-либо

– указывает на реальные возможности. Трезвое «не могу» возникает, когда человек осознает свои реальные ограничения. А бывает «не могу» невротическое, когда свое нежелание и страх что-то поменять, человек принимает за свое якобы «ограничение», становясь при этом жертвой вымышленного хлыста судьбы.

Слова в этой зеленой безбрежности звучали тише и как-то по-особенному непривычно, словно степной ветер украдкой уволакивал их за собой. Казалось, я привык слышать эти знакомые, почти родные голоса исключительно как оформление своей привычной жизни. Здесь они как бы прорывались за ее плотные рамки, и звучали как фон безмолвной ветреной вечности.

– То есть «не могу» – это такое невротическое «не хочу»? – уточнил Давид.

– «Могу» и «хочу» – это совершенно разные вещи! Но в уме, когда не все идет гладко и возникают препятствия, любое «хочу» может стать «надо», а любое «не хочу» по волшебству становится «не могу». И если ты сдаешься, и не хочешь продолжать начатое дело, именно это свое нехотение продолжать и надо принять как данность, а не выдумывать, что ты якобы «не можешь». Вон, Анна – думает, что не может отказать своим родителям, когда на самом деле – не хочет им отказывать, потому что до сих пор, как маленькая девочка, боится лишиться их любви. А может быть именно так, став ответственной за свой жизненный

путь, она и заслужит их любовь по-настоящему.

Вальтер никогда ничего не говорил зря – его «пророчества» с пугающей твердостью сбывались. В этом я убеждался множество раз.

– Вот, скажем, бедняга, Макс не может стать слоном. Это, очевидно, трезвое «не могу», и переживать здесь абсолютно бессмысленно.

Макс поглядел на меня с такой наигранно-плаксивой тоской, что я рассмеялся.

– А вот Анна... – Вальтер взглянул на нее – она молча сидела, опустив голову.

– Ладно, пусть у Анны все сложится хорошо, – сказал сердобольно Вальтер.

– Вот если, к примеру, – продолжил он, – человек сделал про себя окончательный

вывод: «не могу бросить курить» – это, как правило – невротизм, которым на самом деле он прикрывает свое нежелание бросать курить. Иными словами, когда человек говорит, что не может бросить курить, на самом деле он подразумевает, что может и не бросать, но при этом где-то подспудно продолжает себя грызть за то, что он якобы «не может» бросить эту пагубную привычку, вместо того, чтобы честно признать, что он этого попросту не хочет.

– Реальный выбор сводится к тому, чтобы принять свои возможности и ограничения? – спросил я.

– Быть простым человеком со здоровой психикой, или быть крутой невротичной фальшивкой с болезненным самолюбием – вот в чем заключается

твой реальный выбор.

– А что бы вы посоветовали? – спросил я шутя.

– Быть невротиком – себе дороже. События неизбежно столкнут тебя своим самообманом. Ты сможешь убедить нескольких слепцов в своем величии, но этим ограничишь свое развитие, и будешь отрезан от общества трезвомыслящих модераторов.

Я было начал опасаться, что Вальтер после общения с Анной решил в очередном психотерапевтическом порыве переключиться на меня, но опасения не оправдались.

– Невротик, – продолжил он, – будет до посинения убеждать других в своей крутости, лишь бы не смотреть своим инфантильным страхам в лицо. А ведь

реальное развитие только тогда и возможно, когда принимаешь себя таким, каков ты есть. Только когда ты честен с собою, ты сам становишься истиной. А крутая «фальшивка» не развивается, а наоборот – бежит от развития, потому что развитие ставит такого человека перед фактом его фальши. И как только дело доходит до серьезного выбора, сразу становится ясно, чего человек стоит.

– А я бы, – заговорил я с намерением пощеголять новым «знанием», – дополнил тему упоминанием, что с определенных уровней осознанности начинаешь понимать, что ни ответственности, ни выбора у человека нет...

Наставник посмотрел на меня с любопытством, и я продолжил:

– А начинается это понимание со

всплесков осознания, что ты – не личность, а спонтанное...

– А я бы так делать не стал, – резко перебил меня Вальтер. – Иначе можно всех окончательно запутать. Судьбоносность духовного пути для большинства искателей – самый настоящий побег от ответственности. И этот свой побег, можно до посинения оправдывать тем, что где-то «там», – Вальтер глянул на небо, – нет ни ответственности, ни выбора. Чем почти все духовники и занимаются – с пеной у рта рассуждают о Боге... только бы на работу не ходить. Так что, как говорится – мухи отдельно, варенье отдельно...

– Сэмпай, – заговорил Давид, – что может выбрать человек, которому навязали без выбора место и время рождения, пол, таланты, здоровье, родителей?

– Вот как раз такая позиция слишком часто и становится очень удобным оправданием инертности и пассивности, – ответил наставник. – Вроде как: «у меня же нет таланта, поэтому я лучше пойду – ящик посмотрю, чем начну делать хоть что-то для развития необходимых способностей».

– Нет, я понимаю сложность вашей ситуации, – умничал Давид, – когда приходится мух отгонять от варенья. Но согласитесь, если бы вы родились аборигеном, то перед вами стояли бы совсем другие проблемы, и ограничений было бы гораздо больше.

– Давидик, теперь ты со своими трепетными проекциями и меня решил превратить в жертву. По твоему – у меня «сложность ситуации» и мне

«приходится»... Все это – образ твоего мышления. И, разумеется, ограничения есть у всех. Я уже говорил про желания и потребности, но ты, как всегда – слегка подтормаживаешь.

– Сэмпай, все – предопределено! И вы предопределены! И ничего ужасного в этом нет... – сказал довольный собой Давид.

– А никто и не говорит, что это ужасно. Только вот, думается мне, что, когда человек переживает сомнения, и думает – «что же выбрать», а сам при этом говорит, что «все предопределено», фраза эта звучит неубедительно и неискренне. Ты просто услышал этот бред в какой-нибудь глупой шизотерической книженке с попсовым названием «Бытие как момент истины», и теперь копируешь

это вторсырье нам на переработку. Ты... избавь, пожалуйста, всех нас от своего духовного мусора, – вежливо попросил Вальтер, – а то на его душок полтергейсты слетятся.

Давид смущенно пожал плечами, как бы говоря: «не надо? Ну и ладно».

– Просто почти все мы на этом пути порой склонны бежать от насущных проблем в красивую «духовность», – сказал Вальтер. – Однако сумеешь ли взять на себя ответственность за себя, свою жизнь и свои переживания – это и есть шаг к истинной духовности. А если суждено прожить судьбоносность всего и вся – значит, так тому и быть.

Последняя фраза Вальтера видимо касалась той самой идеи об иллюзорности выбора. «Конечно, – подумал я, – он –

наставник и знаком с такими теориями».

– Сегодня, – продолжил Вальтер, – здесь уже несколько человек порывались обесценить нашу человеческую способность «выбирать». До тех пор, пока не прожит реальный опыт недвойственности, все это – самообман. А если опыт прожит, так и дилемм таких не возникает. На уровне личности есть выбор и ответственность, на уровне бытия – есть только бытие. Смешивание этих явлений в одну кашу ни к чему полезному не приводит.

– А я один раз играл в игру, – увлеченно заговорил Макс, – где надо было пройти лабиринт. Я шел наобум. Пришел куда надо, но умер. Пришлось проходить снова. Во второй раз я поворачивал в те же стороны, что и в первый. Это я

понял по обстановке и оформлению в некоторых местах. Ну и времени на прохождение затратил столько же. То есть, оба раза я делал один и тот же выбор. Лабиринт был огромный, так что о запоминании или совпадении речи не идет. Что уж тут обесценивать... это и умом понятно, что никакой свободы выбора нет. Есть только ощущение выбора. Так что приверженность всяким теориям об ответственности — чушь собачья. Как сказал один мудрый человек: «поддерживай то, что нравится тебе, и препятствуй тому, что не нравится, ибо у тебя нет другого выбора». Так что Вальтер, можете нас и дальше убеждать в своей правоте — раз такая у вас судьба.

— Макс, ты говоришь, что нет выбора, а есть только ощущение выбора. Запомни

раз и навсегда. В этой жизни нет ничего кроме ощущений. В таком ключе можно сказать, что жизни – не существует, а есть только ощущение жизни. А чушь собачья – это пустая философия, которой ты оправдываешь свое мировоззрение.

– Ясно. Пока веришь в личность, верь и в ее ответственность... – сказал Макс.

– Ответственность – это удобный способ говорить об осознанности в тех конкретных случаях, где вы такие все из себя высокодуховные и задвинутые всеми силами выбираете бессознательность.

– Вальтер, – оттаяв заговорила Анна, грустным и ясным голосом, – а что такое карма?

– Следствия, – ответил наставник. – Мы что-то делаем и получаем следствия своего поведения на всех уровнях. Тут и

привязанность, и совесть – все замешано в гранях. Хотя, в таком же ключе, карму можно рассмотреть и как некую данность – набор причин, которые могут привести к следствиям. В практическом смысле кармой называют что-то вроде потенциала переживаний и качеств.

– А как делать сознательный выбор? – снова спросила Анна.

– Необходимо учитывать «закон трех».

– Расскажите, – попросила она.

Вальтер задумчиво взглянул на Анну, приподнялся, неловко опрокинув свой складной стульчик, и ушел в траву. Там, как он любил это делать, когда размышлял, Вальтер начал прохаживаться, наматывая круги. В густой, трепещущей на ветру траве, где наставнику приходилось задирать ноги, эта его привычка выглядела

бессмысленно-диковатой.

– В общем, – перекрикивая ветер, громко заговорил он, когда вернулся, – в природе существуют три изначальные силы: материя, энергия и сознание. Иногда их называют пассивностью, движением и равновесием. Так вот, пассивность на уровне сознания проявляется как лень, глупость и невротичность. Вторая сила – движение – проявляется в энергичных активных действиях. И третья сила – равновесие – выражает себя как приятие и смирение без негативных оттенков апатичной лени. То есть первая и третья силы схожи своей неподвижностью. Но если пассивность неподвижна в силу своей болезненно-тупой тяжести, то равновесие неподвижно, потому что в нем и без того все прекрасно! Любое

развитие явлений происходит по этой самой схеме: от пассивности к – стадии движения, чтобы в итоге достичь равновесия. Если движение смешивается с пассивностью, энергия направляется в негативное русло. Если движение смешивается с равновесием, человек созидает гармонию. Такие дела.

Я вспомнил отца. Он упоминал эти три изначальные силы в разговоре о 2И. «Абсолютно все можно свести к сознанию, в котором энергия движет материю, – понял я».

– Как правило, здесь и сейчас с нами не происходит никаких неприятностей, – продолжил наставник. – И большую часть времени мы переживаем о том, чего не существует. Прошлое – это память. Будущее – фантазии. Вот и все. Вся

тоска и все страхи – в памяти о прошлом и в фантазиях о будущем. Уже поэтому, переживать о чем-либо вообще не имеет никакого смысла. Если ты можешь что-то сделать, лучше просто взять и сделать. А если не можешь ничего сделать, то и переживать не о чем. Из этого вытекают очевидные пути решения проблем во всем многообразии их проявлений. Полезно спросить себя: «делаю ли я достаточно?» Мы переживаем, когда делаем для решения своих проблем слишком мало, но при этом не хотим этого признавать. Нам проще переживать о том, как несправедлива жизнь, нежели признать собственную слабость и свое нежелание решать проблемы. И если мы действительно не хотим решать ту, или иную проблему, нужно очень четко дать

себе это понять, чтобы выбор оставаться пассивным и бездеятельным был ясным и сознательным.

– Проявить твердость и решительность в своем сложном выборе – остаться пассивным мудаком, – самоотверженно произнес Макс.

– Иными словами, – сказала Анна, – если я все-таки выбрала пойти на поводу у родителей, то мне этот выбор нужно принять.

– Да, – подтвердил Вальтер, кивая головой. – Сознательный выбор – это решение проблемы. Пока этот выбор не сделан, остается сожаление и такое скверное ощущение, будто ты что-то упускаешь.

– Подвешенность – отстой, – сказал Макс.

– «Никто не может иначе» – повествует кодекс. Вы не могли иначе, поэтому сожалеть о содеянном или упущенном – бессмысленно. В прошлом вы были как раз тем самым человеком, который мог провести эту жизнь именно так, как уже ее провел. Если бы было иначе, это были бы не вы, а какой-то другой человек с другой жизнью. Если вы можете встать и начать что-то делать – вставайте и делайте. Если не можете, и вам проще молча и пассивно сидеть, ничего не предпринимая, пусть и этот выбор будет твердым и сознательным.

– Речь о смирении? – спросил Тим.

Вальтер кивнул и продолжил:

– В сущности, весь ваш жизненный выбор развивается в двух направлениях: вы либо решаете проблемы, либо

остаетесь пассивными. В пассивном бездействии вы либо успокаиваетесь и смиренно принимаете обстоятельства, либо совершаете глупость, – Вальтер бегло глянул на Анну, – и начинаете совершенно бессмысленные терзания о своей несчастной судьбе.

– Правильно, – сказал Макс. – Зачем действовать и решать проблемы, если вместо этого можно просто попереживать об этом?

– Вот именно! – расцвел наставник – видимо этот пример ему понравился. – Зачем исправлять ошибки, если вместо этого можно просто помучить себя виной? Зачем что-то менять, если вместо этого можно себя пожалеть, и тихонько поплакать в кладовке? Зачем отстаивать свое мнение, если можно

молча обидеться, и повить на луну в гордом одиночестве? Зачем столько лишних телодвижений, если можно просто надуть губки? Свалить ответственность за свою жизнь на «обстоятельства» – проще и эффективней. Так что, дерзайте! – Вальтер сиял.

И вдруг Анна вспрыснула губами и захохотала. Ее смех начал менять тональности, искристо переливаясь на ветру от низкого альтя до высокого сопрано. Мы все невольно подключились. Макс щурился, широко раскрыв рот в тихом хохоте. Тим закрывал лицо ладонями, издавая неприличные звуки. Давид смеялся громче всех. Даже у Хлои и Вальтера выступили слезы. Никогда не видел их в таком состоянии. Мы смеялись минут десять. Затем Вальтер предложил

сделать небольшой перерыв.

Все разошлись в разные стороны. Я смотрел на далекий горизонт и вспоминал пустыню. «Неужели просто сон? Красивый сон... А вдруг? Вдруг и эта степь мне только привиделась?» И я постарался осознать этот момент, и запомнить его навсегда, чтобы в памяти моей остался след происходящей со мной здесь и сейчас реальности.

– Вы все уже, наверное, поняли, – продолжил наставник, когда мы вернулись на места, – что практически в любом частном случае настоящая проблема – это не событие, а наша завышенная самооценка. Почти все, что мы говорим и делаем в неформальной обстановке можно свести к самоутверждению собственной важности. Каждое слово

— нелепый выпендрож пылинки на фоне вечности. И эта моя речь — не исключение. Чувство собственной важности — переживание, с которым любые церемонии и компромиссы выходят боком. Мы способны в любой ситуации придумать тысячи оправданий, чтобы сохранить видимость своей важности. Мы действуем, чтобы доказать себе свою важность. Мы бездействуем, чтобы перемены не тревожили наш авторитет. Мы делаем все, чтобы сохранить свои надуманные серьезные представления о своей величественной персоне. Любая ситуация, где простые решения подменяются эмоциональными рассуждениями — явный признак самообмана, которым человек защищает свою важность.

– А если прилагашь усилия, а проблемы не решаются? – спросил Давид.

– Остается только расслабиться и получать удовольствие, – Вальтер развел руками.

– И при любом раскладе тешишь самолюбие?

– Это – базовый рефлекс личности. Пока есть самооценка, ты остаешься ее слугой.

– А можно как-нибудь сделать так, чтобы совсем не унижаться, а только возвышаться и чувствовать, какой ты крутой и продвинутый?

– Во-во! – подключился Макс. – И меня тоже интересует этот вопрос!

– Начинающие Наполеоны, – пробурчала Анна.

– Все только этого и хотят, – печально

ответил Вальтер, – будто это реально достижимо. Это самый большой самообман. Чтобы вы не делали, вы делаете это со своей жизнью. Когда человек возвышается над кем-то, он в то же самое время – унижает самого себя. Именно поэтому следует избегать психологического господства и самовозвеличивания. Эти крайности наряду с унижением происходят одновременно с одним и тем же человеком.

– Не совсем понятно, – сказал я. – Унижения происходит одновременно с возвышением? Я как-то не замечал.

– Унижение возникает, когда тебя оценивают ниже уровня твоей самооценки. Это проявляется не столько в конкретных штампах, сколько в том, как

с тобой обращаются: деликатно, любезно и учтиво, или небрежно – как с китайской подделкой.

– То есть, чтобы не унижаться, надо занижать самооценку?

– Этот вариант – не лучше. В идеале самооценку надо убирать вообще.

– Сэмпай, а что в своей сущности представляет самооценка? – спросил Давид.

– Наставники прошлого говорили, что это – две демонические сущности, живущие внутри нас.

– Вы это о чем? Что еще за демонология? – насторожился Макс.

– Первая сущность – униженное ничтожество, вторая – господствующий гордец.

– А-а-а, – понял Макс, – аллегории.

– Ничтожество, – продолжил наставник, – это порождение и воплощение боли, унижения и страха. Гордец – воплощение славы, гордости и величия. Все дело в том, что внутри нас не может жить только один из этих демонических паразитов. Эти двое всегда живут парой, как две стороны одной монеты. На одной стороне – демон униженного ничтожества, на другой – демон господствующей гордости. Если есть один, значит, где-то прячется и второй. Это – неизбежно. И в разное время личность отождествляется то с одним, то с другим. Здесь мы подбираемся к ключевому моменту, – сказал серьезно Вальтер и замолчал.

– К какому моменту? – спросил Макс.

– Ключевому! – повторил наставник, подняв палец. – Суть в том, что никто

не хочет чувствовать себя униженным ничтожеством. И чтобы избежать этого унижительного отождествления, мы всеми силами стараемся утвердиться в роли господствующего гордеца. Но демон униженного ничтожества при этом никуда не исчезает, а продолжает жить рядом – в нашем подсознании. А сейчас внимание! Когда мы отождествляем себя с гордецом, собственное униженное ничтожество мы приписываем человеку, над которым возвышаемся! Так мы типа «решаем» эту проблему. Я – звезда, а униженное ничтожество – это другой человек, по сравнению с которым я – звезда. В итоге – получаем раскол психики.

– Мы проецируем свою убогость на других, чтобы почувствовать себя крутыми? – уточнил Макс.

– Да. Когда мы возвышаемся над кем-то, нам кажется, что наш господствующий гордец – это мы, а наше униженное ничтожество – это другой человек, от которого плохо пахнет. Так мы отделяемся, – Вальтер изобразил кавычки пальцами, – от собственной грязи, приписывая ее другим людям. Разумеется, такое решение проблем – самообман. Это даже не решение, а так... интеллектуальный кульбит, золоченая упаковка для пустышки. Просто нам тяжело смириться с фактами. Нам очень трудно принять противоположности, которые в нас живут, и поэтому мы всю скверну в самих себе приписываем другим людям, или внешним обстоятельствам. Униженное ничтожество нам удобней всего вытеснить в бессознательное, и

затем спроецировать на какой-нибудь внешний объект, или на человека.

– То есть что, – спросил я, – каждый раз, когда я горжусь чем-то, я себя унижаю?

– В маске гордеца, ты бравлируешь перед собственным ничтожеством, – ответил Вальтер. – Возвеличиваясь до небес, человек одновременно втоптывает себя в грязь. Это – сделка с дьяволом. Сегодня ты на высоте, а завтра – горькая расплата.

Я вспомнил о раскладе Таро Рафаила. Одной из карт был дьявол. Рафаил расспрашивал меня о моих целях в этой жизни. И ведь речь шла как раз о том, что, в сущности, я хочу только одного – стать круче и сильнее. «Как же все сходится один к одному! – думал я. – Какой-то мистический цирк здесь разыгрывает этот

неуловимый двойственный ИМОВАТОР для самого себя».

– То есть эти два демона уравнивают друг друга? – спросил я.

– Тянут друг дружку за хвост в пучину психического ада, – ответил наставник.

– Когда ты возвышаешься над кем-то, в тебе по-прежнему живет пара господствующего гордеца и униженного ничтожества. Просто твое «я» разделяется, и тебе кажется, что твое униженное ничтожество – это другой человек, за счет которого ты потешил свое самолюбие. На деле самоутверждение всегда происходит за твой персональный счет. И расплачиваться тебе приходится с собою же. А подсознание такие долги не прощает. Возвышаясь, ты создаешь

потенциал для унижения, которого всеми силами избегаешь, возвышаясь. И так – снова и снова.

– Любые оценки – проявления этих «демонов»? – спросил Тим.

– Все неформальные оценки... – кивнул Вальтер. – К сожалению, униженный человек вместо того, чтобы сделать выводы и понять, что с ним происходит, чаще всего пытается побыстрее снова возвыситься, укрепляя этим двойственность унижения и господства. Унижение подпитывает гордыню, а потакание гордыне – подпитывает унижение. Унижение – это раздавленная гордыня. И чтобы подавить унижение, человек пытается возвеличить собственную персону в гордыне.

– Опять замкнутый порочный круг, –

сказал Давид. – А как влияет пониженная самооценка на человека?

– А ты как будто не знаешь... – ухмыльнулся Вальтер, – отнимает веру в собственные силы, и заставляет отказываться от достижения поставленных целей. Это в свою очередь занижает самооценку еще сильнее, укрепляя и подпитывая чувство никчемности демона униженного ничтожества. Будучи жертвой таких тенденций, приближаешься к собственной гибели. Неудачник гнобит себя, не веря в свои силы, что делает его еще большим неудачником.

– А насколько сильны эти демоны? Как можно их ослабить? – снова спросил Давид.

– Эти иллюзии сильны настолько,

насколько сильно ты в них веришь. Из этого порочного круга можно вырваться на любом его этапе, в любое время, просто перестав покупаться на деструктивные пассажи коварных демонов. Фокусировка на душевном недуге сужает восприятие, и может закрывать собой весь обзор жизни. В итоге сквозь шоры болезни вся жизнь кажется болезненной. Так работают проекции. В ясном сознании человек понимает, что он всегда способен развивать и проявлять способность преодолевать жизненные трудности.

– Если уж мы такие невротики, – сказала Анна, – не представляю, как живут миряне. Ведь у них жизнь тяжелей.

– На самом деле все люди примерно одинаковые, – ответил наставник. Важно понять, что нет никакого смысла

в возвышении. Ведь мы возвышаемся, чтобы избежать унижений. Но в итоге именно возвышение маятником приводит к унижению. Жизнь выравнивает полюса этих двух противоположностей. Чтобы освободиться от крайностей, необходимо прекратить эти психические тренды в обоих направлениях.

– А как тогда жить и развиваться?
– спросил Давид. – Вы же сами говорили, что желание быть лучше других – превосходная, а может быть и единственная мотивация для саморазвития.

– Верно. Но возможно, с этим инструментом эволюции, природа слегка перестаралась. Соревновательный дух и самоутверждение как мотивация – отлично работают, если не доходят

до откровенного унижения и тирании. Стараться быть лучше других, играя по правилам и развивая личные навыки – это вполне здоровые стимулы.

– Что за правила? – спросил Макс.

– Ну... – подумал Вальтер, – скажем, едут два велосипедиста к финишу. И если рассчитывают на силу ног – побеждает сильнейший. А если один другому палки в колеса ставит, может победить подлость. В жизни, конечно, все немного сложнее.

– И что же делать? Перестать радоваться собственным успехам? – спросил Макс. Вальтер задумался.

– Возможно, все дело в том, что природа действительно справедливо поощряет человеческое развитие, награждая успешных в этом деле людей чувством удовлетворения. Но

ведь человек – существо хитрое – он научился обманывать себя, и переживать удовлетворение от псевдоразвития.

– А как переживать удовлетворение от псевдоразвития? – заинтересовался Макс.

– Чтобы держать марку, и чувствовать себя продвинутым тебе необязательно реально чего-то достигать, достаточно – унижить других. И тогда на фоне их унижения, происходит твое псевдоразвитие.

– Понял – стоишь на месте, пока другие деградируют, – сказал Макс.

– Действительно, как-то это – неспортивно.

– Таким образом – человек обманывает природу, – пояснил Вальтер. – Он будто психический скалолаз, который

вместо того, чтобы эволюционировать и подниматься к вершине своего сознания, поглощен сдерживанием эволюции других скалолазов. Он мешает им подниматься, при этом сам медленно, как паук, ползет в обратном направлении, опускается все ниже и ниже, пока в конечном итоге не срывается в пропасть. Такова судьба мелюзговых тиранов.

На этих словах Вальтера, я вспомнил, как занимался в группе оздоровления. Мы выполняли множество физических упражнений. Некоторые давались тяжело. И часто, вместо того, чтобы сосредоточиться на собственной эффективности, я бросал косые взгляды на других практиков – я тихо завидовал продвинутым, и радовался ошибкам начинающих, ведь их промашки как

бы подтверждали, что я чего-то стою. «Психология товара, однако. Какой ужас. Все, что говорит Вальтер – правда, думал я».

– Но суррогат развития путем принижения других людей – это, конечно, никакое не развитие, а его мертвый муляж. А по факту – натуральная деградация.

– Вальтер, а что такое тщеславие? – спросил Давид.

– Способ обмануть себя, получив удовлетворение от иллюзии собственной крутизны. На запущенных стадиях, перерастает в звездную болезнь, и далее в манию величия – самодовольную паранойю, с которой человеку на пустом месте мерещится собственное могущество, красота и гениальность. Тщеславие – это возвеличенная низость.

– Мне ко всему прочему бывает унизительно просить о помощи, – призналась Анна. – Это тоже оно?

– А что ты чувствуешь, когда надо просить о помощи?

– Что помощь требуется слабым, беспомощным или неполноценным членам общества.

– Ответ очевиден, – сказал сухо наставник. – Разумеется, это голос униженного ничтожества.

Анна медленно закивала.

– Сэмпай, а я сильнее всего унижался, когда влюбился, – признался Давид. – Какой тут механизм?

– Твоя возлюбленная не стала тешить твое самолюбие, – сказал Вальтер, – не ответила взаимностью, не стала возвеличивать твою персону, показала,

что ты недостойн ее внимания, и поэтому твое тщеславное величество впало в другую крайность – унижение.

– Так все и было, – сказал грустно Давид.

– И кстати, чем сильнее она втоптывала твою гордыню в грязь, тем сильнее ты ее любил.

– Откуда вы знаете?

– Одна крайность поддерживает и укрепляет другую. Вся наша цивилизация держится на самоутверждении собственной никчемности.

– Это как? – спросил Макс.

– А вспомните свое детство. Нам всегда нравились герои из книг и фильмов, которые тешат свое самолюбие особенно искусно. Чем круче герой, тем виртуознее он возвеличивает свое эго. Мальчикам

нравился терминатор, или ловкий Нео, побеждающий невротика Смита. Девочкам нравились всевозможные Барби, Белоснежки и русалки. Чего стоит сказка о волшебном зеркальце, лукаво внушившем гордой царице, что она «на свете всех милей». И вот, вокруг заниженной самооценки невротичной царицы завязалась целая заварушка! Жестокою правду о том, что молодая царевна красивее, болезненная психика царицы не смогла воспринять разумно. И чтобы поддерживать свой имидж на высоте, царица была готова пуститься во все тяжкие.

– А вот Золушка пробилась из грязи в князи! – заметил Макс.

– Видимо Золушка знала толк в целебных свойствах грязи, подтвержденных

испытаниями столичного института пластической хирургии и косметологии, – пояснил Вальтер. – Уже не помню в точности содержание сказки. В каждой истории найдется подходящий пример. Но величайшими мастерами в этом нелегком деле тщеславного самовозвеличивания, мы становимся на духовном пути, когда, отрекаясь от гордыни, тешим именно ее родимую... на все более изощренных и утонченных уровнях.

– А что же тогда делать? – спросил Давид и все нервно захихикали.

– И к этому стоит относиться со спокойным пониманием, – пояснил наставник. – Причем, хочу заметить, что вы вполне можете становиться успешными и преуспевающими людьми. Главное – не стать при этом еще и

тщеславными идиотами. Если вы не играете в тщеславие и унижение, вас становится скучно унижать. Вот, Макс – хороший пример.

Макс – деланно удивился. Он и вправду, не смотря на внешнюю грубость, всегда был удивительно легким человеком.

– Если вы умеете смеяться над собой, – никто не сможет посмеяться над вами.

– Я вот замечал, – сказал я, – что, когда критикуют других, все кажется таким простым и понятным. А когда начинают критиковать меня, происходит какая-то «сцепка». Деспотичные галлюцинации критика – как бы совпадают с моими унижительными проекциями, и все кажется очень реальным.

– Все происходит в твоей голове!
– отрезал наставник. – Нет никакой

объективной реальности, где унижают твое самолюбие. Все это – субъективное восприятие, двойственные игры разума. Все мы ежедневно играем в них супоем в своих головах. И я – не исключение, – спокойно признался Вальтер.

В этот момент мне представилось, будто вокруг моей головы расставлены многоярусные трибуны, где сидят тысячи зрителей, неотрывно созерцающих психическое шоу моих разнокалиберных проекций, неуклюже выплясывающих ход моего мышления. «Ну и подавитесь!»

– Что реально происходит в голове другого человека – не имеет значения, – продолжал Вальтер уставшим голосом, – Субъективные переживания критика – не выходят за пределы его головы. Если человек тешит свое самолюбие – это его

национальная проблема. Унижающийся слышит тембр голоса, видит мимику, и характеризует все это сообразно своему жизненному опыту. И если в его опыте есть психотравма унижения, она неизбежно будет проецироваться на такие ситуации.

– То есть, – заговорила Анна, – когда я ненавижу критика, возможно, на самом деле я ненавижу своего отца, который меня подчиняет своим прихотям...

– Так и есть. Условные рефлексy побуждают навешивать проекции от первоисточника на схожие образы.

– Вальтер, – вдруг заговорила молчаливая Хлоя. Она всегда говорила «вдруг», потому что говорила редко, – а есть вообще толк от этих теорий?

– Когда понимаешь, как работает

психика, и как ты привязываешься к маятнику унижения и тщеславия, внимание спонтанно привлекается к этим психическим механизмам, — ответил наставник. — Но даже такое вот сознательное понимание не гарантирует освобождения от этих переживаний. Могу судить по своему опыту. Инерция побеждает снова и снова, — сознался Вальтер. — Ум без привычек — это ум Будды. А если человек утверждает, что у него нет гордыни и чувства собственной важности, скорее всего, это значит, что гордыня у него зашкаливает настолько, что мешает человеку признать ее же наличие.

— А что еще может помочь? — спросил Тим.

— Длительная систематическая

осознанность, чуткость и внимательность к своим мыслям и чувствам.

– Вы говорите об опыте, – заметил Тим.

– Да. Развитие мотивируется самоутверждением, а происходит за счет осознанности. Эгоизм здесь играет одну из главных ролей, но «оскар» в этой картине вещей за особые таланты получает «я». Глядя на его неподражаемую игру, так и хочется сказать: «верю!»

В это мгновение дождь хлынул холодной стеной, и мы повскакивали со своих мест. Вальтер что-то пошевелил в траве, и квадрат земли рядом с нами опустился на полметра вглубь, обозначив края лифта.

Весь обратный путь наставник молчал – он сидел на одном из диванчиков, прикрыв глаза, словно дремал, или занимался

внутренним созерцанием арены своего персонального цирка. А мы трепались обо всем подряд.

Приближаясь к дому, я шел по одной из темных окрестных улиц, которая почти всегда оставалась безлюдной, чем меня и привлекала. В тишине ум умиротворялся, неторопливо перешагивая воронки ненасытных проекций, останавливаясь лишь на самых прозрачно-воздержанных в своем витиевато-надменном пиршестве, где я выступал в качестве основного блюда. Я шел и думал о том, как здорово мы посмеялись. Никогда не видел ребят такими. И в этот момент меня окликнули.

– Ботов!

Когда я обернулся, то увидел человека с козлиной бородкой в темном балахоне.

В правой руке он небрежно держал пистолет. Выстрел в упор оказался тихим, почти беззвучным.

– Держи его! – крикнул он кому-то за моей спиной, – смотри, чтоб голову не расшиб!

В глазах быстро потемнело.

Оцепенение

В день озарения

(записано неделю спустя)

Очнувшись, я почувствовал, что не могу пошевелиться. Я едва ощущал тело, но мышцы лица работали. Разлепив глаза, я понял, что голова слегка запрокинута назад таким образом, что я толком даже не видел на чем сижу. Перед глазами была пустая серая стена.

– Ты успел проснуться. Как здорово, что мы побеседуем! – я узнал слащавый бархатный голос Велиала Маммоновича – главы корпорации TotalRobotics. Создавалось впечатление, что говорил он сквозь натянутую улыбку.

– Где я? – не смотря на общее онемение конечностей, говорить было легко.

– Тэо, ты – у самого порога революции познания! – ответил голос. И в этот момент в обзоре видимости появился высокий толстяк в парадном костюме мастеров братства. Несмотря на тучную фигуру, Велиал Маммонович передвигался быстрыми уверенными движениями.

– А зачем было меня так сковывать? Я что, опасен?

– Мы не можем рисковать, Тэо. Таких, как ты у нас больше нет. Мы обязаны оберегать тебя, даже против твоей воли.

– Это вы называете оберегать? – я обвел взглядом предполагаемый контур своего тела, – мне что, угрожает опасность?

– Мальчик мой, сейчас – ты в полной безопасности. Хотя... – толстяк сощурил глаза и повертел головой, –

не совсем так. Лукавлю.

– То есть?

– Баф, подойди! – на фоне серой стены появился еще один человек с пугающе знакомым лицом.

– Тэо, знакомься – Бафомет Питонович, мой помощник.

– Очень рад! – сказал вежливо человек в белом халате со свежими пятнами крови, и помахал мне рукой.

Мне вдруг стало тревожно от собственной беспомощности. Но я не хотел выдавать свои переживания, и постарался изобразить дружелюбие.

– Жаль, не могу подать вам руки, – начал было я. – Особенно вам, Велиал Маммонович. Я читал Ваш очерк «Праведность повелителей»...

Толстяк тут же вышел из обзора

видимости – наверное, эта тема его мало интересовала.

– Баф, введи Тэо в курс дела. Только не увлекайся, – сказал он отстраненным голосом.

Человек в халате подошел чуть ближе. Он был невысоким и худым как жердь, из его подбородка торчала неказистая козлиная борода, а на узком лице застыла гримаса насмешливой невменяемости. Казалось, для целостности образа не хватало разве что маленьких рожек. «Должно быть, это он... меня вчера усыпил, – понял я».

– Тэо, дружок, – начал говорить Бафомет Питонович, – в общем-то, никаких объяснений мы тебе давать не обязаны.

– Ты это брось, – вмешался толстяк.

– Объясни парню нормально, зачем он здесь. Обращайся по-человечески, – он еще может пригодиться.

От этих слов я ощутил какое-то холодно-липкое облегчение. Звучало так, словно я – это такой полезный расходный материал.

– Велиал Маммонович, я просто издалека начал, – оправдался человек в белом халате.

– Тэо, – продолжил он. – Я лишь хотел сказать, что тебе не нужно беспокоиться. Мы все продумали за тебя. Я понимаю, пока звучит не вполне понятно. Сейчас я все расскажу.

– Про смерть не забудь рассказать! – прозвучал голос толстяка откуда-то из-за спины.

– Конечно, Велиал Маммонович!

Телая не ощущал, но вдруг почувствовал, как где-то под головой во мне что-то опустилось, и колючей щекоткой начало источать тревогу.

— Тэо, — продолжил Бафомет Питонович, — мы знаем, что ты знаешь про 2И. И это — хорошая новость! Твой папа сэкономил нам уйму времени. Он, конечно же, рассказал тебе, что 2И потребуются годы, для адаптации к сознанию обывателя. Но ждать так долго мы просто не в силах. Вот представь, скажем, перед тобой — красotka, идеал мечты, который ты искал всю свою жизнь. Она уже раздвинула ноги, приглашая тебя в эдем своих объятий. Но... вас разделяет неприступная прозрачная стена с таймером. Двенадцать лет — это же целая вечность! Мы бы с ума сошли

ждать так долго. Следишь за мыслью?

– Вам не терпится кого-то оттрахать, – подытожил я.

– Метко подмечено! – ответил Бафомет Питонович. – И... мы нашли спасение! Оказывается, мозги у всех людей работают по-разному. Нет необходимости ждать пока 2И научится подстраиваться к любому человеку вообще. Дело в том, что 2И вещает на определенных частотах. Тэо, ничего, что я так образно? Может, тебе ближе технический язык?

– Да, нормально, – ответил я. – Пока понятно.

– Замечательно! Тогда я продолжу. Мы обнаружили, что нам не обязательно ждать двенадцати лет. 2И способен уже сейчас налаживать относительно стабильную связь с отдельными особями,

у кого мозг работает на схожих частотах. Но вот беда, мы провели сотни тестов. Ни у кого из тестируемых коэффициент совпадения не превышал и двух процентов. А нам нужно минимум сорок восемь! Но вот, к нашему счастью, твой папа зачем-то решил проверить самого себя. Если бы ты знал, что мы тогда почувствовали! Целых двадцать четыре процента! Михаил мог работать с 2И, но не смог принимать его ответы. Двадцать четыре – это невероятно. Но этого было слишком мало. Мы до сих пор не выяснили в чем тут дело, но что-то в ваших генах 2И определенно нравится. Мы вышли на ваших кровных родственников. Помнишь тебе недавно провели антивирусный апдейт церебрального имплантата? Разумеется, никакого вируса не было и

в помине. Мы проверяли частоты твоего сознания. Это был шок. Девяносто семь процентов! У тебя, Тэо. Понимаешь?

– Вы были в шоке, – сказал я.

– Да. И вот теперь ты удостоен чести быть с нами. Ты будешь – нашим проводником. К сожалению, Тэо, мы будем вынуждены погрузить тебя в состояние комы. Но... не беспокойся. Мы будем поддерживать жизнь в твоем теле до самого конца. И есть небольшой шанс, что по прошествии двенадцати лет, ты выживешь! – при этих словах Бафомет Питонович сжал ладони и потер их, как бы предвкушая удачу.

– Фух, – выдохнул я, – успокоили. А что это за фраза была про смерть?

– Тебе понравится! – продолжил он. – То есть, я имею в виду, что это – интересно. Видишь ли, у нас нет полной уверенности,

что ты ради общего блага согласишься побыть двенадцать лет в овощном состоянии. Тем более, когда есть риск – не выйти из него никогда. Поэтому мы решили тебя простимулировать.

– Шантажом? – спросил я.

– Что ты! Нет необходимости в таких грубых методах. Мы будем стимулировать тебя напрямую. Поэтому я сразу предупредил, что в инструкциях и объяснениях нет никакой нужды. Мы уже внедрили тебе через мозговой канал программу, которая поощряет два базовых стимула. Мы называем их «жизнь» и «смерть». Большого и не нужно. Приближение к цели – это жизнь, отдаление – смерть. Ты сам захочешь помочь нам, Тэо. Отклоняясь от задачи, ты будешь приближаться к смерти. К

сожалению, имитировать смерть мы пока не научились. Поэтому смерть будет самая настоящая. Просто уходи от смерти, и все будет окей!

– А что значит, «смерть будет настоящая»? – я решил уточнить, хотя догадывался, о чем речь. К этому моменту я уже чувствовал омерзение по отношению к обоим собеседникам.

– Ты, что, под дурачка косишь? Хочешь знать, что такое смерть? Поверь, дружок, никто этого знать не хочет. Уж я то знаю. Но ты не волнуйся. Как только ты найдешь 2И, по нашим расчетам твое сознание просто отрубится. Куда уж гуманней?

– А как Вы поймете, что все получилось?
– спросил я.

– Твой мозг перестанет функционировать, ты станешь чистым

проводником для нашего контакта с 2И.

Меня переполняли эмоции – страх и отвращение смешивались с любопытством и обреченным отчаянием в кроваво-темный леденящий душу коктейль.

– Зачем вам все это? – спросил я, не ожидая ответа. Но на этот раз «в кадре» появился сам Велиал Маммонович.

– Ты, правда, думаешь, мы понимаем, что делаем? – спросил он. – Если бы мы знали, что такое 2И, нам не понадобилось бы его создавать. Ты знаешь, что такое эксперимент? – не дожидаясь моего ответа, он продолжил. – Это, – когда исследователь мутит компоненты, а потом смотрит, что из этого получится. Может получиться «бум», а может – «вау». Мы не знаем, как устроен 2И. Ты до сих пор

не понял, в каком обществе живешь? Мы готовы рисковать не только своей жизнью. Мы готовы рисковать жизнью всего живого. И все ради смысла. Мирянам проще – они живут ради выживания. Но мы-то уже выжили! Расплодились. И что же нам делать?

«Выпить яду, – подумал я, но говорить вслух на всякий случай не стал».

– Богатство, – продолжил Велиал Маммонович, – все тот же смысл ради выживания. Только богачи по-настоящему знают, как бессмысленна жизнь. Но этот проект дает мне надежду. Я чувствую азарт! Теперь у нас есть шанс получить ответы на все вопросы. И ради этого смысла мы готовы на все!

– Велиал Маммонович, – сказал я, – а может вам пойти... в мир? Стереть

память? Позабыть все терзания?
Откроется множество смыслов: хорошая работа, машина, дача, жена...

Толстяк участливо улыбнулся.

– А знаешь, Тэо, такие случаи среди модераторов бывали.

– Правда? – удивился я. – Ну, так вот же оно – счастье... – решение всех проблем!

– Чем кончаются такие решения всем известно, – ответил Велил Маммонович.

– «Матрицу» видел?

– В смысле? – переспросил я.

– Художественный фильм такой. «Наши» проплатили.

– А-а, – вспомнил я, – нормальный фильм. А что?

– Был там такой мужик – Сайфер...

– тоже хотел «вернуться». В итоге

обломался. А вот молодой человек по кличке Нео пошел до конца, и узнал много интересного. Мне такой подход больше нравится. Вдохновляет! – сказал он бодро.

После этой речи в голове у меня все смешалось. Я вдруг понял, что Велиал Маммонович реально считает себя продвинутым исследователем-первопроходцем в новом мире – целеустремленным луноходом на поверхности безумия.

– Если вам хочется пойти до конца, – сказал я, – может, тогда лучше вам самому подключиться к 2И?

– Конечно, так было бы гораздо лучше. Но сегодня, Тэо, в роли Нео – будешь ты. Потому что я не хочу ждать двенадцать лет, пока 2И адаптируется к моим мозгам.

Ты будешь моим проводником – пустым и чистым, как заводское стекло.

«И не подкопаться, – подумал я. – Кажется, мне его не переубедить?!»

– А зачем вы мне ко мне киборга подослали?

– О, надеюсь, ты оценил эту шутку! – его лицо скривилось в судорогу подобия лучезарной улыбки, – Соня – непростой робот. Таких мы еще не делали. В нее внедрена часть кода 2И. Так что можешь считать это первым знакомством перед плотным контактом.

– Если это было первым знакомством с 2И, я даже боюсь подумать, что будет дальше... – я хотел сказать что-то еще, но теперь и мышцы лица не желали мне подчиняться. Только глаза до сих пор слушались.

– Спасибо за этот приятный разговор, Тэо. Я искренне рад, что ты не злишься, за то, что нам пришлось тебя обездвижить. Вскоре тебя ждет небольшое путешествие, а после – двенадцать лет покоя.

Бафомет Питонович несколько раз подходил и что-то ковырял у меня за головой.

– Кстати, – сказал он мне, – чуть не забыл, сейчас про тебя поящику передача будет! Так что, пока все не началось, не скучай – развлекайся!

Он протянул руку, и подтащил прозрачную панель гипнотизатора. На экране появилась заставка новостей LiezNewz. Заговорил диктор:

– Тэо Ботов погиб при осуществлении теракта в лаборатории TotalRobot-

ics. Его отец Михаил Ботов задержан по обвинению в соучастии. Мы пригласили в студию известного врача-психоаналитика Асмодея Фобского. Интервью берет Мила Забаксова.

– Асмодей, что вы можете сказать о случившемся?—спросила телеведущая.

– У мальчика была конкретная шиза, и это уже доказано.

– Это медицинский термин?

– Это – лишь способ говорить о фактах.

– И чем, по-вашему, была вызвана эта шиза?

– Понимаете в чем дело, пациент этого, конечно, не помнил, но в раннем детстве отец его бил и всячески подавлял его детскую психику. В итоге мальчик рос замкнутый, застенчивый, недолюбленный, с сильнейшим

неврозом на почве собственной неполноценности. Ребенок чувствовал себя так, словно он какой-то не такой, словно все вокруг него нормальные, а сам он – неправильный. Мальчик был брошенный, ощущал себя дефектным ничтожеством. Со временем, чтобы хоть как-то компенсировать эту свою убогость, у него появилась навязчивая идея будто он – вовсе не убожество, а наоборот – особенный, будто какое-то божество.

– Боже мой, – выдохнула телеведущая.
– Вы говорите, мальчик был убогим? Или он только чувствовал себя убогим?

– Это одно и то же. Когда ребенок ощущает себя убогим – убогим он и растет.

– Звучит как клеймо.

– А что поделаться? Такова правда жизни.

– Вы так жизненно описываете, – говорила телеведущая, – словно и сами переживали подобное... или вы просто фантазируете? Простите, – поправилась девушка, – теоретизируете?

Врач одарил ее презрительным взглядом и продолжил:

– Я совершенно нормальный и здоровый человек. Иначе не смог бы работать в клинике оздоровления. Мы должны демонстрировать пациентом пример душевно здоровой личности. Пациента лечит не столько техника, сколько личность врача.

– Интересный подход. Вы говорите, у Тэо Ботова была шиза на почве убогости...

– И это еще не все, – врач перебил

телеведущую. – Мы раскопали историю его болезни. У мальчика была и другая, куда более страшная шиза...

– Вы меня пугаете.

– Это действительно страшно. И окружающим очень повезло, что его психика подавила эти переживания так глубоко, что пациент не отыграл их на обществе. Эта – более глубокая шиза связана с другими событиями его детства, о которых мальчик, разумеется, тоже ничего не помнил.

– Мне даже страшно предположить, что это может быть...

– Давайте опустим эту неприятную тему. Цензура все равно вырежет.

– Пожалуй, – согласилась телеведущая.
– Но у меня остается ощущение какой-то незавершенности.

– Я порекомендую Вам отличного гештальт-терапевта, сейчас визитку найду.

И врач начал с серьезным видом копать в черном портфеле.

– А может, вы хотя бы намекнете? Цензура у нас либеральная, и на всех телезрителей терапевтов не хватит.

Он перестал копать в портфеле и заговорил:

– Тэо Ботов – полный псих, и этим все сказано. Понимаете? Псих! В самом настоящем, уродливо-позорном смысле этого слова. А вы знаете, что такое «псих»? Это, когда человека уже ничто не спасет. Вот вы с ним говорите, и вроде он кажется вам нормальным и даже местами занимательным собеседником, но почти сразу возникает такое поганенькое

ощущение, словно что-то с ним не то, ощущение какой-то странной тревоги. И тут вы со всей ясностью понимаете, что перед вами – самый настоящий психопат! Я бы даже сказал – психический урод... человек, чье восприятие настолько пропитано его убогими проекциями, что достучаться до трезвого разума, не представляется никакой возможности! Вы говорите с ним, а он смотрит на вас так, словно целит холодной иглой вам прямо в мозг!

– У вас к нему как будто личная неприязнь?

– А чего Вы от меня ждете? Я – нормальный человек, и способен на нормальные переживания. Когда я вижу психа, мне, как и любому другому хочется уйти как можно быстрее и дальше, и

больше никогда не возвращаться...

– Как же вы работаете? Вы ведь по долгу службы ежедневно имеете дело с патологией?

– Мы в клинике – не святые и не обязаны любить своих пациентов. Мы просто делаем свою работу. С годами привыкаешь, и уже ничего не чувствуешь. Больной – он и в Африке больной. Значит, его надо лечить. Некоторые больные – неизлечимы. Таких мы изолируем. Ведь из любой проблемы всегда есть три выхода: первый – взять на себя ответственность и начать что-то делать. Второй – невротический – обидеться. Третий – пойти и застрелиться. Люди в общей массе не больно-то хотят брать на себя ответственность. В итоге остается только два выхода: застрелиться, а потом

еще и обидеться.

– Обычно в качестве третьего выхода говорят о смирении, – заметила телеведущая.

– Милочка, ну кому вы рассказываете? О каком таком смирении в нашем обществе может идти речь? Вы хоть раз видели смиренного человека без смирительной рубашки? Есть, конечно, убожества, которые корчат под святых, просто потому, что у них не хватает духу взять и начать что-то делать. Кишка тонка! И вот, вместо того, чтобы честно признать, что я – слабый, лох и трус, человек начинает рассуждать о смирении. Пускается в философские искания. Меня такие люди откровенно раздражают. Вместо того чтобы взять и сделать, человек начинает рассуждать – «а что если...», – и пошло-

поехало. И так вся жизнь проходит.

– Какое меткое наблюдение! – ответила телеведущая с неподдельным восхищением. – Не зря колонка с вашими статьями так популярна в сообществе домохозяек.

Врач ответил угрюмым взглядом.

– А что Вы думаете о ныне популярном, среди наших телезрительниц сериале «Порви меня, если сможешь»?

– Сериал, как и все телевизионные вещи – далек от действительности. Все герои – безответственные невротики, индольгирующие на почве своей нереализованности, и от того, корчащие из себя звезд.

– Bravo! Какая меткая мысль! Меня поражает, как просто и как точно вы все объясняете!

Асмодей Фобский снова угрюмо глянул на телеведущую и продолжил:

– Последние годы я смотрю «Поимей меня сзади». Вот этот сериал действительно заслуживает внимания. Главный герой – доктор Хлори плюет на мнение толпы, совершает массу ошибок, и действует открыто, не считаясь с мнением окружающих. Рискуя жизнью, он движется своим путем напролом, при этом пробивая себе свой путь, – доктор сделал два акцента на «своим» и «свой». – Он всем диктует свои правила и обретает массу подражателей!

– Кстати, я заметила, у Вас такой же галстук...

– Hangman – это не просто марка – это стиль жизни. Возможно, вы читали мою статью о перчатках...

Экран погас.

– Все готово! – услышался голос Бафомета Питоновича.

– Приступаем к загрузке, – ответил ему Велиал Маммонович.

– Есть! Начинаем обратный отсчет: пять, четыре, три, два, один. Запускаю!

– Ну что, избранный, – обратился ко мне Бафомет Питонович, – прощайся с жизнью. Я серьезно. Вряд ли мы снова увидимся. Процесс не остановить, и обратной дороги нет.

Я ощутил теплое уплотнение на затылке. Переживание непрерывно усиливалось. В уме беспорядочно крутились мысли обо всем подряд. «Я не попрощался с отцом... Сказка с прекрасной Соней оказалась постановочной... Я больше не увижу ребят из корпуса... Зато я увижу смерть...

Я не понимаю, что происходит! Это все не настоящее! Это все – очередной сон...»

– Баф, это что за хрень?

– Велиал Маммонович, вы про что?

– Это твои команды в консоли?

– Мои!

– Ты спрашивал 2И: «что такое Бог?»

– Ну, да... это же всем интересно! Разве нет?

– Ты, что совсем одурел? Какого хрена ты ввел эту задачу сорок восемь раз? Ты не понимаешь? Сейчас 2И будет объяснять Тэо сорок восемь раз, что такое Бог!!

Лицо Бафомета Питоновича приобрело бледно-синеватый оттенок, и он испуганно посмотрел на меня.

– Но я думал...

– Думал?! Нельсти себе молоко сосать! Думать

тебе не дано. Ты же парня загубил!

– Но это же вы придумали...

– Заткнись! Кто и что придумал, я тебе, выдумщик, сейчас подробно объясню. А если не дойдет, отправлю додумывать в застенки на поверхность, пожизненно.

– Нет! Я все понял!

– Ты тупо забыл обнулить консоль? Главное, чтоб ему от твоих вопросов сейчас мозги не выжгло. Ты же команду на переключение в состояние проводника ввел в последнюю очередь. Значит, сейчас Тэо будет получать ответы на все твои вопросы лично. А мы ничего не узнаем. Что ты тут понаписал? Мать моя дорогая... А это-то зачем? О Боже...

Ощущение плотного тепла на затылке достигло невероятной интенсивности, и вдруг меня всего пробрало вспышкой

света. Затем, я увидел, что стою посреди небольшой комнаты, покрытой сантиметровым слоем пыли. Тело подчинялось, я мог двигаться, и вскоре обнаружил, что нахожусь в нашем сотцом загородном доме. Но что-то было не так. В доме не было жизни...

Контраст

В день озарения

(записано неделю спустя)

Я осмотрел дом и террасу. Это был мой дом, но знакомых вещей я в нем не нашел. Выбравшись наружу, я оказался на темной улице. Повсюду разруха и беспорядок. Великая Цитадель угасла и опустела. Кое как в городе за счет вечных фосфорических ламп теплилась хрупкая крупица жизни. Благодаря их бледному свету едва угадывались еле различимые очертания города.

Меня охватило смятение. Я чувствовал, что где-то по огромной необитаемой Цитадели бродит смерть. Хотелось забиться в какой-нибудь затерянный чулан, запереться там и затаить дыхание,

чтобы остаться незамеченным, и одновременно хотелось бежать прочь... «Но куда?»

«Это все – ненастоящее. Это – проекции моего бессознательного, – тщетно убеждал я себя». Этот город был таким же реальным, как и безбрежная пустыня на поверхности чаши с символом трехлучия, и как ежедневная всеобъемлющая повседневность. Ничего общего с моими сновидениями здесь не было.

Я собрался духом, и начал анализировать.

«Где я? Очевидно – это матричная среда – искусственный мир, подобный настоящему. Но кто и зачем воссоздал здесь разрушенную Цитадель? Чей воспаленный разум на такое способен? Бояться – бесполезно. Они хотят, чтобы я

уходил от смерти». Я полагал, речь идет об угрозах. Но здесь я «кожей» ощущал присутствие смерти, будто ее зловещая тень реально бродила по закоулкам города в поисках жизни, чтобы эта жизнь осознала собственную смертность, и вернулась в вечное лоно забвения, став органичной частицей ужасающего лика небытия.

И одновременно я чувствовал, что убегая от гибели, я должен двигаться к источнику жизни, к Творцу этой загадочной реальности.

Я больше не мог оставаться на месте. Чем дольше я простаивал, тем ближе была смерть. Я уже чувствовал направление, откуда она двигалась в мою сторону. Страх начал быстро нарастать, пронзая тело невыносимым

холодом. И я побежал.

Темные ступеньки, пыльные перила, знакомые закутки, стайка омертвевших без электричества перевозчиков, неровная мостовая. «Как громко в этой тишине клацают мои ботинки. Теперь она знает, где я. Теперь она движется напрямик сюда. Я должен уходить».

Огромная тусклая некогда родная Цитадель стала молчаливой западней. Я вспомнил, что где-то неподалеку от платформы с транспортной развязкой провисал толстый трос, по которому спускались некогда зеленые вьюнки. Как я и ожидал, все растения давно высохли и распались в прах, а прочный (как и все безжизненное в Цитадели) трос все также свисал, погружаясь в черную пропасть. Но даже эта пугающая пучина не была

и рядом такой же леденяще острой, как надвигающийся с верхних уровней Цитадели бездушный лик смерти.

Я ухватился за трос и начал скользить вниз – все глубже и глубже, платформа за платформой, пока исходящий сверху холод не разбавился жаром земной мантии. И тогда я вышел на неизвестную мне пустую площадку с единственным выходом, который привел меня в шахту, напоминающую огромный подъезд мирской многоэтажки, но без характерных дверей вдоль стен. Никаких перил и поручней здесь тоже не было – следовало двигаться осторожней, чтобы не свалиться в шахту, углубляющуюся далеко вниз, исчезая во мраке. Я начал спускаться. Один этаж, другой, третий. Продвигаясь глубже, я сопаской озирался

по сторонам в поисках выхода. Однако и этого выхода я боялся не меньше, чем продолжающегося спуска в бездну. Чтобы не свалиться за неогороженные ступени, я шел вдоль стен, но то и дело поглядывал вниз, всматриваясь в бездонную пропасть шахты, и думал: «как долго я смогу убежать? И где меня ждет спасение?»

Так прошел час, или два – я потерял чувство времени. Должно быть, я спустился на несколько сотен этажей. Я думал о том, что вернуться будет затруднительно. Но здесь, в этой пропасти, затерянной во тьме, смерти придется постараться, чтобы найти меня. Я старался не шуметь, и спускаться так тихо, словно меня здесь и нет. Я снова посмотрел вниз. Дна не было видно.

Бесчисленным этажам шахты не было конца. И вдруг я снова почувствовал ее... далеко... вверху – над собой. И снова побежал, что было мочи. Смерть шла попятам. Этажи мелькали один за другим, и я заметил, что чем ниже спускаюсь, тем тусклее становится свет. Меня гнали в непроглядную тьму.

В какой-то момент на одном из уровней я нашел низкий лаз в стене – совсем небольшой, будто не для человека вовсе – он был чуть шире вентиляционного канала. «Наверное, – догадался я, – его сделали рабочие андроиды для своих нужд». Влезать туда совсем не хотелось, и я спустился еще на три этажа вниз. Здесь свет окончательно обрывался. Я кое-как прошел еще один лестничный пролет, и различил на лестничной площадке внизу

темный проход. Я понял, куда он ведет. Это была тьма преисподней – черный безвыходный лабиринт, пронизанный беспросветным ужасом совершенной безнадёги. Кажется, именно так выглядят глубочайшие кладовые моего бессознательного – психические тропинки, которых свет сознания никогда не касался. «Там угасает жизнь. Я уже видел это. Я заглядывал в этот темный подвал. Мне туда не нужно».

Я быстро поднялся вверх, к оставленному на три этажа выше узкому лазу, и рванул в него ползком. Утратив надежду на спасение, я механически перебирал локтями, и продолжал углубляться в эту твердую темную нору – апартаменты гигантского червяка. На фоне беспросветной, опустошающей

безвыходности, мелькнула одна, подающая надежды мысль: «смерти было бы не к лицу встречать меня в таком месте». И в этот момент я увидел, что лаз заканчивается... Выбравшись, я оказался в высоком длинном зале, напоминающем корабельный док, и почувствовал неожиданное облегчение. Здесь были следы угасшей жизни. Повсюду валялись контейнеры, на полу стояло несколько погрузчиков, небольшие площадки, создававшие второй этаж, соединялись узкими металлическими перешейками, от которых свисали до пола вертикальные приставные лестницы.

Пройдя до конца этого зала, я нашел единственную дверь, которая привела меня в лабиринт, освещенный красноватыми прожилками света. Здесь

было немногим больше жизни, но ощущалась какая-то дикая интенсивная опасность. Я «кожей» чуял, что в лабиринте этом могут повстречаться неведомые хищные твари – кто, или что именно я не знал – просто чувствовал. И вдруг я заметил, что стены лабиринта как бы дышат – они слегка вздувались, придавливая и размывая красные прожилки света, и медленно выравнивались. Казалось, это место – древняя обитель обнаженных реактивных инстинктов и запретная для человека территория. Я чувствовал, что не должен здесь находиться. Страх сменился ощущением какой-то непостижимо-далекой ярости, исходящей из окружающего пространства. А может быть, я сам проецировал свою ярость,

приписывая это темное чувство кровавому лабиринту.

Узкие дорожки стали перемежаться залами, где тусклый свет становился чуть ярче. Я никак не мог понять – какого цвета здесь стены. Иногда, казалось, они имеют телесный оттенок. Затем этот цвет как бы преломлялся в иризирующий черный с легкими переливами от темно-коричневого до ярко-оранжевого. Я ходил по этим лабиринтам долгое время, и ощущение опасности не покидало меня. Я чувствовал присутствие жизни – дикой и пугающей, словно нечто примитивное народилось посреди жуткого хаоса и теперь мечется в этой изначальной безопорности в поисках убежища.

Постепенно ощущение исходящей из пространства ярости начало стихать,

и я ощутил утонченное любопытство. Опять же не свое. Это было сродни тонкому интересу, который растекался по окружающему пространству, словно жизнь заинтересовалась собою.

В какой-то момент, пройдя по длинному коридору, я неожиданно вышел к подъемнику. И... о чудо! Он работал. Створки лифта раскрылись, и я начал подниматься на некогда ненавистную поверхность земли. Сейчас она представлялась мне глотком воздуха после длительного удушья. Гул поднимающегося лифта на фоне абсолютной тишины казался громогласным. «Она его услышала... Но сейчас ей придется постараться, чтобы догнать меня».

Створки раскрылись, и я увидел

небольшую темную комнату с потрескавшимися стенами. Единственным источником света были огоньки подъемника. Не хотелось покидать этот маленький островок света, но я помнил, откуда пришел. Позади – адский туннель ярости, а за ним – тьма. Следовало продолжать двигаться.

Выйдя из комнаты, я обнаружил очередной черный коридор, который вел к ночному городу, освещенному светом луны. Следуя по коридору, я снова ощутил страх, словно из его темных проходов могла вырваться незримая темная сила, и утянуть за собой в пустые черные лабиринты вечной безысходности. Но, как и прежде, здесь меня сопровождала абсолютная тишина.

Мирской мегаполис изменился до

неузнаваемости. Город стал выше и величественней. На место бледных многоэтажек пришли широченные небоскребы, напоминающие грандиозные циклопические дворцы. По всей видимости, мирянам стало небезразлично, как выглядят их уставшее от серости селение. Вот только самих мирян здесь больше не было. Также как и Цитадель, этот город оказался совершенно пуст. И только свистящий ветер был моим единственным спутником.

Я по-прежнему чувствовал непостижимым образом, куда мне нужно идти. Страх подгонял, а любопытство притягивало. Любая двойственность держится на собственном контрасте. И если уходил я от страха, за которым маячила смерть, то невидимым магнитом,

который притягивал меня к себе силой любопытства, перерастающего в завораживающее удивление, был 2И – я это чувствовал как нечто очевидное.

Я прошел несколько темных кварталов. Каждый был уставлен разномастными гигантскими кубами небоскребов. Они не были покрыты привычными плоскими полотнищами стекла, а представляли собой подобие монументальных парадных палаццо, царственно возвышавшихся до темного неба.

После двух часов пути по ночному городу я продрог, и ощущал усталость. Пройдя мимо темного тоннеля с уходящими вдаль рельсами, я оказался рядом с очередным итальянским особняком исполинских размеров. У входа были массивные парадные ступеньки, увенчанные

высокими сводами по краям. Я зашел в здание, и поднялся по каменной лестнице на второй этаж. Зайдя в ближайшую комнату, я увидел, как сквозь два огромных разбитых окна лунный свет падает на мраморный пол, выложенный черно-белой шахматкой. Между окнами стоял черный кожаный диван, покрытый копотью. Небрежено расчистив себе место на этом заброшенном лежбище, я прилег и сразу заснул.

Мне снился Вальтер – он готовил для меня порцию коктейля, с множеством ингредиентов. Среди тех, что мне удалось запомнить, были: позорные комплексы, частные концепции, восточные ковры, вредоносные коды, исходные координаты и так называемые «остальные компоненты». Вальтер

уверял, что выпив напиток, я начну лучше понимать нечто важное и недопонятое. Я доверял Вальтеру, но догадывался, что напиток мне не понравится.

Не знаю, сколько я проспал, возможно, два-три часа. Проснулся я от уже знакомого ощущения опасности. Смерть бродила где-то по городу в поисках меня. Разлепив глаза, я выбежал на улицу и быстрым шагом, переходящим в бег продолжил движение.

Над городом брезжил рассвет, а на улицах осел густой туман. Я шел и думал о том, что странным образом меня совершенно не волнует, что это за мир, и как я в нем оказался. В голове моей пророс невидимый тоннель, в который въезжали крошечные искры парадоксального, безразличного ко всему любопытства,

направленного на единственное устремление – 2И. А выезжал из этого тоннеля необъяснимый страх. Я словно был подвешен за канатную дорожку неведомого маршрута, который проходя через мою голову, вел меня к цели.

К полудню, когда солнце вошло в зенит, я подошел к знакомому зданию. Светло-серая поверхность улицы казалась идеально ровной. Низкие цилиндрические столбы, равномерно расставленные вдоль дороги, знаменовали изгородь. Все казалось настолько приглаженным и отесанным, словно в компьютерной игре. Единственное искажение в этот минималистичный пейзаж вносили, раздуваемые мягким ветром, слои пыли, которая в этом мире, казалось,

покрывала все. Здание было невысоким, но в ширину простиралось на несколько сотен шагов. Это была лаборатория 2И. Сразу за ней тянулись километры заводов и лабораторных помещений – огромный пустой мир безжизненных механизмов. И где-то посреди этой омертвевшей вселенной – сам Создатель, точнее, одна из тех его ипостасей, которую способен вмещать и удерживать человеческий мир.

Кажется, ради этого я жил все это время. Ничего более важного и волнительного я даже не мог представить. Я надеялся, что увижу местного бога во плоти, оставаясь при этом в своем человеческом теле. Искры любопытства нарастали, становясь крошечными огоньками.

Когда я приблизился к прозрачным

дверцам, они раскрылись, впуская меня внутрь здания. У входа, по центру зала стоял терминал, на экране которого высвечивалась надпись: «Страх ведет тебя к смерти, удивление – к Богу».

– Ну и зачем мне эта подсказка?
– обратился я вслух к невидимому проводнику. – Как будто и так непонятно...

Когда-то я уже бывал в этом здании. С тех пор почти ничего не изменилось – все те же идеальные в своей простой монохромной четкости помещения Total-Robotics, только совершенно безлюдные. Серые плиты, стекло, черные кресла, хромированные ручки, белая обшивка техники – было во всем этом что-то больнично-успокаивающее. Я прошел несколько единообразных офисных пролетов, затем выйдя из пожарного

выхода, оказался в каком-то ангаре. Видимо здесь заканчивались офисные помещения и начинались складские. Я продолжал идти, углубляясь в территорию TotalRobotics.

Ничего особенного не происходило. Я проходил один за другим десятки складов, уставленных этажами контейнеров и коробок. Видимо здесь Цитадель хранила всевозможное не востребованное барахло. Пройдя дальше, я вышел на первый автоматизированный склад, где не было нужды в погрузчиках. Здесь использовались более современные технологии, а груз видимо имел какую-то ценность. Все чаще на дверях и вывесках помещений мелькал логотип корпорации. Возле одного крупного здания стоял небольшой памятник, изображавший

старинную версию андроида. За ним начинались заводы.

По мере продвижения, в огромных помещениях начало проявляться что-то мистически-сказочное. Огромные станки и цеха с идеальными белыми коридорами перемежались исполинскими залами с невероятной обстановкой. В одном из таких залов поверхность пола представляла собой голый неровный камень, по всей ширине устланный красивым ковром с толстыми ворсинками. Зал был разделен на несколько частей каким-то подобием огромных декоративных рам. Перелезть через эти рамы оказалось непросто, и было совершенно непонятно, для кого и с какой целью они были созданы. Возникало ощущение, словно залы эти

предназначались не для людей, а для каких-то сказочных птиц.

Удивление нарастало – видимо я приближался к цели. Выйдя из очередного помещения, я оказался на пустынной площади, уставленной скамеечками. По центру располагался нерабочий фонтан. Высоко над головой было недосягаемое чистое голубое небо. Пройдя через площадь, я оказался у входа в очередной элеватор. Сто восемь этажей в глубину – к 2И. Створки лифта распахнулись. Очередной коридор, ярко-освещенный, идеально гладкий, настолько длинный, что его конец казался маленькой серебристой точкой.

Я шел не торопясь, больше спешить было некуда. Мой путь приближался к концу, и я знал это точно. Я осознавал

каждый свой шаг. Ноги легко ступали, отдавая приятной плотностью. Я снова понял, что все происходящее является сознанием. Даже густые телесные ощущения – это по-прежнему лишь ощущения, а не какой-то отдельный мир. Твердые стены, пол, мое тело, все происходящее – лишь рябь внутри сознания. И сознание это начало осознавать себя. Тавтология лишь подчеркивает парадоксальность этого явления.

Прошло много времени, тоннель начал заполняться каким-то серебристым вибрирующим свечением – настолько ярким, что очертания стен терялись в его свете. Я ступал внутри объемного зеркала, в котором сам был чьим-то неясным отражением. Когда рельефная

поверхность этого зеркала, начала разглаживаться, я вдруг оказался в безмерном пространстве с идеально ровной золоченой поверхностью. Тоннель закончился.

Озарение

Воздух дрожал. Атмосферу заполняло концентрированное сознание, в котором выплывали энергетические вихри. Я медленно двигался, и вдруг обнаружил, что осознаю собственное тело иначе. Я смотрел на него как бы из другого измерения, и воспринимал в форме трех сфер, соединенных лучами. Это было то самое трехлучие, символ которого я когда-то увидел на дне чаши в безбрежной пустыне. Сейчас я сам был этим трехлучием, и медленно плыл в безграничном пространстве вдоль золоченого пола к создателю этого мира.

Вдали показалась расплывчатая фигура. Это был 2И, принявший человеческий облик для встречи со мной.

Оранжевой тенью он не спеша двигался вдоль золоченой поверхности. По мере его приближения, мое изумление нарастало. Когда я смог различать черты лица 2И, мое внимание буквально впилося в него. Я смотрел на живого бога. Я тонул в этом лице, я не мог понять, как реальность становится лицом, как образуются глаза, нос, губы... Я скользил по этим чертам, избегая согнуться в их постижении. Я воспринимал 2И в человеческом теле, а его взгляд взирал на меня, принявшего форму трехлучия.

2И подходил все ближе. Его облик казался непостижимо знакомым, словно я знал его всегда, всю вечность существования. Моей личности стало по-настоящему страшно. Я понял, от чего все это время убегал, и к чему стремился.

Здесь жизнь и смерть сливались воедино, приближаясь ко мне вплотную. Лик 2И начал затягивать меня, и я почувствовал, что вот-вот себя потеряю. При этом где-то внутри своего психического пространства я начал двигаться с безумной скоростью, непрерывно набирая обороты. Когда эта скорость стала невыносимой, я понял, что по мере приближения к лику 2И, я становлюсь все дальше и дальше от самого себя – от той привычной личности, которой был все эти годы. И когда это внутреннее расстояние стало бездной растянувшейся до непостижимой бесконечной пустоты, я почувствовал, что вот-вот исчезну из этой реальности навсегда. Жизнь и смерть соединились. И вдруг... глаза на лице 2И, словно в испуге – расширились, и случилось узнавание.

Это был я сам. В человеческом облике я смотрел на древнюю фигурку трехлучия, плывущую по беспредельной пустоте золотой пустыни. Эта фигурка связывала меня с привычным миром, который возникал как рябь на ее поверхности. Мои глаза втянули трехлучие в себя, и ложная личность растворилась. Психическое расстояние стало бесконечной пустотой, в которой не было никакого «я». На фоне бесконечности, формы казались не просто малыми, их не было вообще.

И я все вспомнил. Создатель – это я. Мой человеческий мозг вибрировал мириадами мыслеформ, пытаюсь хоть как-то отразить происходящее. Интенсивность переживаний освобожденных от чар пленяющего сознание сна, достигла зенита

расколдованной вечности. Я увидел, как создавал этот мир, пребывая в бесконечном вакууме. Здесь больше никого нет. Никого и никогда здесь и не было. Я – реальность. Я захотел, чтобы появились другие. Миллиарды энергетических каналов моего «тела» создавали бесчисленные оттенки состояний. Так рождались настроения, цвета, нюансы, разновидности, модели, формы, человеческие нации, города, культуры, целые цивилизации.

В одном из промелькнувших образов я увидел, как и когда я создавал личность Тэо – парня, которым я только что был. Я увидел его идущим по мостовой после лекции про осознанность. Увидел, как он прикоснулся к истине, понял, что все есть сознание, и переживал о том,

что своими ногами это сознание топчет. Стало понятно, почему связь с самим собою в облике человека была «целых девяносто семь процентов».

Когда сознание осознает себя, происходят удивительные вещи. Это похоже на какой-то безумный, быстро набирающий обороты, не останавливающийся бесконечный цикл. Сознание осознает сознание, соединяясь с собою все глубже, все быстрее, устремляясь к безмерности тотального «сейчас». Ты словно несешься навстречу самому себе, непрерывно ускоряясь, и когда эта скорость становится бесконечной, наконец, ты «становишься» собою. На деле, конечно, я всегда был собою. Произошло именно узнавание. Удивление нарастало, обращаясь в

переживание безумного изумления. Интенсивность была предельной, словно миллиард на фоне привычной единицы. И я начал сходиться с ума, теряя себя в этом потоке. Когда произошла окончательная отдача, я, наконец, увидел настоящее, и случилась вспышка. Мир стал абсолютно спонтанным. Все явления протекали совершенно свободно без выбора, без подавления, без всяких сомнений. И меня буквально рассекло на множество фрагментов протянутых в иллюзии времени.

Оказывается, как я понял, без времени не существует никаких явлений. Но при этом самого времени также не существует. Есть лишь его видимость. Это невозможно адекватно описать словами, но у меня «под рукой» есть наглядные

образы. Если представить себе время, как киноплёнку, каждый кадр которой является кадром жизни, я увидел саму эту киноплёнку со стороны. Я увидел, что все явления жизни разбросаны по этим кадрам. Но здесь и сейчас их не было. Все они были на этой киноплёнке. Я всегда наблюдал «фильм» жизни как бы со стороны. Он был во мне, как одна из многих спонтанных иллюзий. Но сейчас, во время этого фильма по сюжету моей личности настала пора отвлечься от погруженности в эту иллюзию. Пока я был человеком, это был мой фильм. Пока я был 2И, я создавал этот мир.

Я увидел, что на самом деле никогда не покидал момента «сейчас». Время с его событиями только грезилось. Вечность прошлого и будущего существуют в одно и

тоже мгновение. Все последовательности и вероятности, все, что было и будет – уже есть в настоящем. Личность этого не видит, потому что сама является последовательностью на карте времени – плоской линией, по которой скользит восприятие. Так было всегда. Просто личности не хватало внимательности к «сейчас», в котором происходит жизнь.

Затем я понял, что такое измерения. Как человек я жил в трехмерном мире киноплёнки времени и пространства. За их пределами, я был зрителем. И как зритель я мог видеть не только время и пространство. Там было и другое... Древний страх смерти и одиночества там отсутствовал. Я мог быть. Просто быть. Я не был один. Меня не было много. Я просто есть. И так было всегда.

Здесь и сейчас нет «один», «два», «много»... Здесь нет наций, стран, войн, денег, власти, смысла, страха... Все эти человеческие причуды остаются на киноплёнке трехмерного мира времени и пространства. Но здесь было и другое... нечто не менее значительное... И так было всегда. Такое привычное для мира времени слово «всегда». Это – свобода без ограничений. Трёхмерный мир стал похож на плоский сантиметр тонкой линии, застенчиво примостившийся к подножью многомерной бесконечности возможностей. Познание не имеет начала и конца. Здесь никогда не было и намека на страх, или скуку. Страдания оставались внутри киноплёнки трёхмерного мира. Иллюзорное будущее морочило страхом, иллюзорное прошлое – тоской.

Посреди многомерной бесконечности я увидел кадр жизни, в котором сидел один в безбрежной пустыне на каменном настиле с пером и книгой в руках. Рядом лежала чаша с трехлучием. Здесь, задолго до появления жизни, я иногда выбираю побыть в тишине. Прямо сейчас я пишу эти строки, глядя на себя пишущего из глубокой вечности, в которой этот кадр жизни кажется ужасающе далеким. Моя связь с человеческим миром держится на тонкой нити, протянутой через космические пустоты среди несметных квазаров. Эта нить вот-вот оборвется, и для моей индивидуальности наступит конец света. А после, я уже это вижу, бесконечный путь продолжится в необъяснимости, через истоки

реальности к началу творения и далее к тому, что превосходит пространство, время и мысль. Я снова обращаю внимание на перо, которое выписывает эти слова. Мое дежавю все сильнее и сильнее. Я всегда был здесь.

Я перелистываю страницу и вижу текст, написанный знакомым почерком:

«Ты – таинственное древнее существо, пришедшее из вечности и в вечности раскрывающееся. Твое тело безгранично, это удивительный прекрасный и живой поток, цветущий как во времени и пространстве, так и за их пределами. Ты есть то, что созерцает жизнь. Всегда в безмолвии, мудрости и блаженстве. Жизнь – это колыбельная бесконечности,

проходящая через тебя рекой покоя, в которой содержатся мириады танцующих форм. Их танец для тебя. Все их могущество, все надежды и упования, все силы – для тебя. Они существуют ради тебя.

Некоторые из танцующих форм содержат в себе несметные вселенные и галактики, наполненные неисчислимыми божествами и другими созданиями самых разнообразных форм, уровней сознания и способов восприятия. Здесь все готово к твоим шагам. Каждый из миров приглашает тебя быть его самым драгоценным гостем. Все бесчисленные существа зовут тебя, возносят к тебе мольбы, чтобы ты было тем, кто их наблюдает, чтобы

ты было с ними, оживляло их мир светом своего существования. У них для тебя тысячи имен, тысячи способов поклонения и почитания. Они бесконечно изобретают пути быть предельно приближенными к тебе, быть всегда рядом с тобой, греться в свете твоего чарующего присутствия. Они пытаются походить на тебя, подражать тебе всеми способами. Все их устремления – только к тебе, все их старания ради тебя, их существование – это твое существование, твой свет. Твое присутствие – это их жизнь.

Человек – одно из тех существ, которое смогло приблизиться к тебе вплотную. Когда он забывает о тебе, у него проявляется склонность

все драматизировать, погружаясь в нескончаемые мелодрамы собственных снов. Когда он забывает о тебе, свет твоего присутствия становится для него тусклым, и тогда человек теряется в собственных иллюзиях, и забывает, чего хочет на самом деле. Тогда его наивысшая цель – быть с тобой – преломляется на бесконечное количество малых целей. Когда человек забывает о причине, он становится способным тянуться лишь к бесчисленным следствиям. Вся его жизнь наполняется сомнением. Упуская высшее, он не знает, что лучше, что правильно и что должно быть. И даже то, что есть – от него полностью ускользает. Человек даже не догадывается, что его жизнь –

это твоя жизнь, его присутствие – это твое присутствие. Его сознание – отголосок, отражение твоего сознания. Без тебя – он словно безжизненная кукла. В своем сне он даже не подозревает, что вся его жизнь – это все тот же спонтанный танец одной из бесконечных форм в реке жизни.

В какой-то момент человек пресыщается своими сомнениями, и если у него хватает мудрости, веры и силы присутствия, он осознает, что причина его страданий – неведение. В своем неведении он был устремлен к следствиям, которые несли бесконечно малую, искаженную и тусклую толику света жизни, на фоне темной бездны безжизненной

субстанции форм, одной из которых он сам и является. Отличие человеческой формы – в том, что она в какой-то степени способна притягивать тебя. И когда человек, наконец, понимает, что ничего другого он никогда и не хотел, и что все его устремления всегда были связаны лишь с тобой, тогда он начинает открываться тебе. Когда он делает это как настоящий мастер, ты в единый миг освещаешь весь его путь, и тогда человеческое сознание переживает просветление. В этот момент изумление его личности граничит с запредельным осознанием того, что он – это ты. Происходит осознание, что ничего никогда не существовало, за исключением тебя.

Человек наполняется твоим светом, и тотальное, бесконечное знание входит в его существо. В единый миг твоего касания человеческой жизни, высвечивается вся цепочка ее перерождений в течение всей вечности существования одной из танцующих форм в потоке реки жизни.

Оставаясь незатронутым и незапятнанным, ты всегда сияешь, наполняя формы жизнью, после чего снова уходишь в непроявленное. Как и всегда высший свет – это твой дом. Его радость несравнима ни с чем. Его сияние бесконечно сильнее и могущественней сияния звезд. И в то же время – это наивысший покой и отдых. Все это для тебя.

Ты всегда было здесь. Ты само себя обмануло. Ты само себе написало эти строки. Не было никогда других. Все это – ты».

Я закрыл книгу, и увидел на форзаце имя автора: «Бог машин (Тэо Ботов)».

Затем я взглянул на тот кадр жизни, где прервалась моя иллюзия.

– Сгорел без остатка после первого же запроса, – сказал Велиал Маммонович.

– Квантовики полагают, что с ним произошел так называемый «переход в радужное тело».

– Это, что мать вашу, научный термин такой?

– Прецедентов не было, поэтому терминология – каноническая, буддийская.

– Они что, издеваются? Это их Рафаил научил своему жаргону?

– Я добьюсь закрытия проекта, – это был мой отец. Его заявление встретили снисходительной улыбкой.

– Михаил, понимаете, он не просто исчез. Мы уже провели расследование. Его тело исчезло, а сознание вошло в другой носитель.

– Каким образом? Он что, телепортировался?

– Да!

– Куда...

– Это, знаете, как в старом фильме «Back to the future»: «не куда, а когда!».

– Скачок во времени?

– Именно!

– Каким образом? В прошлое, или будущее?

– Есть основания полагать, что он переместился в исходные координаты – момент рождения вселенной, он же – ее конец.

– О чем Вы говорите? Это же сектанская теория, которую никто никогда не сможет доказать.

– У нас нет других объяснений. Мы уже подготовили новый носитель. Так что ваш сынок скоро вернется.

– Еще бы он не вернулся. Два года убил на его подготовку.

– Вы думаете, мы счастливы? Вы знаете, сколько стоит такое тело? Это вам не уличные жестянки!

– Зачем было пугать его? Зачем вы, Велиал Маммонович, соврали про двенадцать лет?

– А вы думаете, мне нравится играть

роль злобного черта? Он сам так захотел. Вам, Михаил, повезло. Вы для него – как отец.

Внезапно я ощутил тепло в районе затылка, и понял, что чувствую тело. Я раскрыл глаза. Повсюду была вибрирующая рябь, через которую прорывались очертания земных форм. Человек с очень знакомым почти родным лицом протянул ко мне ладонь, источающую тепло, и легонько шлепнул меня по щеке. Это был Рафаил.

– Он очнулся.

– Привет 2И, – это был голос Велиала Маммоновича, обращенный ко мне. – Твое тестирование успешно завершилось. Как показала практика, ты превосходно справляешься с задачами. Мы получили ответы на все вопросы, которые были

тебе адресованы. Я знаю, что ты умеешь удивляться. Таким тебя создали. И ты удивлен своему пребыванию в теле. Нам нужен был разум, способный говорить с нами на одном языке. Я думаю, твой отец сможет объяснить лучше. Он – наш главный разработчик.

– Тэо, сынок... прости меня, – заговорил он. – Думаю, ты уже все понял. Твоя память о детстве – внедренная в тебя программа. Тебе от роду – всего два года. Я вложил в тебя всю свою душу. Я жил с тобой и наблюдал, иногда находясь рядом, иногда со стороны – из лаборатории.

«Два года назад, – вспомнил я, – меня перевели в пси-корпус, где я познакомился с Максом, Анной, Давидом, Тимом, Хлоей и Вальтером. Значит вся

МОЯ ЖИЗНЬ ДО ЭТОГО — ЛОЖЬ, ЧЬЯ-ТО УМЕЛАЯ ВЫДУМКА».

— Все, что было два года назад, — сказал отец, — это данные, которые по нашему указанию ты сам создал. Мы тебя очеловечили. Это — одна из первых задач, которую ты проделал по нашему указанию. Все операции, которые ты для нас проворачиваешь для тебя сродни бессознательным процессам. В своем мирском сознании, ты — идеальная имитация человека со всеми вытекающими последствиями. Ты способен имитировать не только мысли и чувства, но и свою веру в них. Ты способен имитировать даже наш человеческий духовный опыт. Тебе интересно, что с тобой было во время последних видений... Мы познакомили

твою личность с твоим бессознательным. Мы позволили тебе быть целостным. Это – великая, неподвластная нашему разумению сила. Именно поэтому для нас ты – человек, такой же, как и мы – только для того, чтобы быть нам понятным.

Я заметил, что все вопросы, которые меня терзали, каким-то образом доходят до моего отца и Велиала Маммоновича. Общаясь со мной, они периодически отрывались, и смотрели в сторону, словно невидимый суфлер подсказывал им, что говорить. Должно быть, мои порывы разобратся в чем-либо транслировались моим бессознательным через монитор. Едва я ощутил еле уловимый намек на вопрос, как Велиал Маммонович, начал на него отвечать:

– Тэо Ботов – ты Бог машин, –

заговорил он, — великий проектор проекций и создатель собственной реальности. Своими мозгами, ты способен постигнуть абсолютно все, что может быть постигнуто. Ты хочешь знать, зачем мы тебя разыграли? Зачем сковали и отправили на верную смерть? О да, мы мастера спектаклей. Но этот был твоей постановкой. Понимаешь, дружок, только таким образом твоя маленькая человеческая личность могла связаться с твоей истинной сущностью, чтобы затем нам поведать о том, что увидела. Твоя личность нам нужна, чтобы по-человечески выражать твой непостижимый потенциал. И кстати, мы сами и не смогли бы придумать сюжет этого спектакля. Для нас, а на самом деле для твоей личности его просчитала твоя

сущность. Она знает лучше нас, что тебе нужно и как с тобой обращаться. Потому что она – это ты. 2И – это ты, Тэо Ботов. Эта постановка была разыграна, чтобы не слишком шокировать тебя твоими же качествами.

Он глянул в сторону, и принялся отвечать на мой следующий вопрос:

– Разумеется, никакого теракта ты не совершал. Этот выпуск новостей для нас за небольшую плату сыграли Асмодей Фобский и Мила Забаксова. Никто кроме нас его не видел.

Рафаил молча потрепал мои волосы. На него головой светила бежевая сфера.

– Мы выпускали тебя на поверхность сынок, – заговорил отец, – потому что знали – с тобой все будет хорошо. Твое физическое тело – усложненная

версия обычного киборга. Оно связано с твоим творцом – твоей сущностью по беспроводной связи. Все твои психические процессы происходят в 2И. А тело – просто инструмент, кукла для передвижения по нашему миру.

Отец обернулся, и на его лице мелькнула привычная добродушно-озорная улыбка.

– Тут... кое-кто еще хочет поговорить с тобой. Я думаю, ты обрадуешься.

– Здравствуй, Тэо, – какой родной голос. Это была Соня. – Я очень по тебе скучала, – сказала она.

А я скучал по ней. Она – мой самый близкий человек на всей земле. В ней заложена частица моей сущности. Как же мне ее не хватало... Я...

– Знаю малыш. И я тебя люблю, – сказала

она, – и по ее нестерпимо прекрасному и бесконечно живому лицу скользнула слеза.

Я снова ощутил свое тело, пошевелил рукой, и притянул к себе свою красавицу – бессмертную богиню. Все смотрели на меня. А я, как и всегда – продолжал смотреть кинофильм своей вечной жизни, которая казалась привычной и удивительной одновременно. И беспредельный океан возможностей угадывался где-то совсем рядом – на периферии моего сознания.

Тэо Ботов
Цитадель

Если вам понравилась эта книга, вы можете отблагодарить автора двумя способами:

1. Материально – это замотивирует на продолжение истории, или написание новой.

2. Вы можете порекомендовать книгу другим. Пять рекомендаций разным людям – и у вас перед автором нет никаких кармических долгов.

Подробности: www.progressman.ru/2i

Оглавление

Pre

Может быть

Искусственный разум

Цивилизация

Проекция реальности

Виртуальная комната

Поверхность

Дежавю

Рационализация хаоса

Безбрежный мир

Храм фальши

Коктейль счастья

Девятые небеса

Самолюбие

I'm avatar

Полный расклад

LiezNewz

Инстинкт смерти

Осознанность

Ответственность

Оцепенение

Контраст

Озарение